

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Терешина Юлия Витальевна

**МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Пушина Н.И.

Ижевск – 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1. ОНТОЛОГО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ.....	12
1.2. ПОНЯТИЕ «КАУЗАТИВНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ	33
1.3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ	53
1.4. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ГРАММАТИКЕ.....	71
Выводы по первой главе	81
Глава II. ТИПОЛОГИЯ И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.....	83
2.1. ПАРАДИГМА КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.....	83
2.1.1. Способы языковой репрезентации оператора каузации (<i>Vcaus</i>).....	84
2.1.2. Способы языковой репрезентации каузатора (<i>X</i>).....	93
2.1.3. Способы языковой репрезентации объекта каузации / каузанта (<i>Y</i>).....	98
2.1.4. Способы языковой репрезентации консеквента / терминального состояния (<i>Z</i>).....	102
2.2. ТИПЫ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	126
2.2.1. Межкатегориальные связи, актуализируемые в рамках всей типологии <i>КК</i>	126
2.2.2. Межкатегориальные связи, обусловленные характером консеквента	138
Выводы по второй главе	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	200
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	203
ПРИЛОЖЕНИЯ	212

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению типов межкатегориальных связей и особенностей их реализации в каузативных конструкциях.

Актуальность исследования. Задача любой науки заключается в выявлении существенных общих и устойчивых связей между различными объектами. Не является исключением и лингвистика, поскольку предмет анализа лингвиста всегда составляют не отдельные грамматические и семантические единицы и категории, а их комплексы и многообразные поликатегориальные единства, являющиеся результатом взаимодействия грамматических категорий в их связи с лексическими значениями и контекстуальной средой. Изучение связей между языковыми категориями, проблем типологии связей, построения их иерархии, реализации связей в высказывании и целостном тексте и т.д. не утрачивает своей актуальности (А.В. Бондарко, В.С. Храковский, И.Б. Долинина, В.Б. Касевич, Н.А. Козинцева, Е.В. Клобуков, Е.Е. Корди, Н.Н. Болдырев, Ю.А. Левицкий, Н.И. Пушина и др.).

Один из возможных типов анализа межкатегориальных связей заключается в том, что семантические и структурные варианты одной категории рассматриваются как фокус реализации целого ряда значений других языковых категорий. Актуальным в этом плане представляется исследование бипредикативных конструкций, передающих сложный комплекс категориальных значений, основным источником которых являются связи, возникающие между центрами предикативности. К таким конструкциям относят и имеющие высокую частотность употребления каузативные конструкции (КК).

Исследование каузативных конструкций проводилось в разных направлениях: историческом (О.И. Бродович, Э.М. Гжаниянц, А.В. Десницкая, Л.И. Куликов, Н.А. Миссюра, И.А. Наумова, Н.А. Штейнберг, В.Н. Ярцева и др.), сопоставительно-типологическом (С.К. Бегова, С.Б. Зольванова, П.К. Курбаназаров, В.В. Рябенко, В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева, М.Г. Сымулов, Т. Эргашев и др.), лексико-семантическом (И.Е. Грицютенко, О.Н. Журавлева, Р.С. Керкис,

Г.Г. Сильницкий, М.С. Танненцаф, О.А. Хлебцова и др.); анализировались лексико-грамматические свойства каузативных глаголов, характер синтаксических связей между членами каузативных конструкций (Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, Е.А. Гордон, Г.А. Золотова, А.И. Рейдель, Н.А. Рубанова, В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий, К.Е. Тикоцкая и др.); предпринимались попытки выделения функционально-семантической категории (ФСК) каузативности и построения функционально-семантического поля (ФСП) данной ФСК, освещались отдельные аспекты реализации межкатегориальных значений в каузативных конструкциях (В.П. Недялков, В.Б. Касевич, Е.Е. Корди, Ю.А. Левицкий, Н.И. Пушина, В.Ф. Веливченко, Н.В. Гаврилова и др.). Вместе с тем, несмотря на активный исследовательский интерес, до сих пор понятие «каузативность» остается неоднозначным и включает в себя разнообразный круг языковых явлений: от конструкций с одушевленным агенсом, воздействующим на лицо/предмет и вызывающим реакцию со стороны последнего, при узкой трактовке каузативности [Кацнельсон 1972], и до конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, при широкой трактовке данной категории [Недялков 1969]. Определение каузативных конструкций на основе изучения онтолого-гносеологического и формально-логического содержания категории каузативности, выявление ее статуса, места и роли в системе функционально-семантических категорий, комплексное исследование межкатегориальных связей КК, степени их устойчивости и закономерности позволяет не только определить значение выявленных межкатегориальных связей в формировании семантической структуры высказывания, но и развить проблематику межкатегориального взаимодействия в целом.

Объект исследования составляют каузативные конструкции, образующие центральную зону функционально-семантического поля каузативности и реализующие наиболее устойчивые связи данной категории.

Предметом настоящего диссертационного исследования являются межкатегориальные связи данных каузативных конструкций.

Научная новизна работы заключается прежде всего в самом предмете исследования – межкатегориальных связях каузативных конструкций. Впервые межкатегориальные связи указанных конструкций анализируются комплексно, с учетом всех компонентов парадигмы исследуемых КК на материале английского, русского и некоторых других языков.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования послужили работы в области межкатегориальных связей и взаимодействия в грамматике А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырева, В.С. Храковского, В.Б. Касевича, Л.А. Козловой, Н.А. Козинцевой, Е.Е. Корди, Б.Е. Зернова, Е.А. Мельниковой, Ю.А. Левицкого, Н.И. Пушиной, М.Ю. Сюткиной, Е.М. Повышевой и других; теория функционально-семантических полей, разработанная А.В. Бондарко, В.С. Храковским, В.П. Недялковым, Н.А. Козинцевой и другими лингвистами; исследования в области семантики и синтаксиса каузативных глаголов и конструкций В.П. Недялкова, Г.Г. Сильницкого, Е.А. Гордон, О.А. Хлебцовой, Дж.Дж. Сонга, П. Сало и др.; работы по когнитивной лингвистике Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, В.В. Петрова, Н.Г. Виноградовой, Ю.М. Малиновича, А.Г. Никитина и др.

Тема и подход к изучению языкового материала определили **цель** исследования, которая заключается в установлении типов межкатегориальных связей, реализуемых в каузативных конструкциях.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- раскрывается онтолого-гносеологическая и формально-логическая сущность категории каузативности;
- определяется содержательный статус данной категории;
- производится систематизация инвентаря разноуровневых языковых средств, репрезентирующих значение каузативности;
- определяется место исследуемой категории в системе функционально-семантических категорий;
- выявляется парадигма исследуемых каузативных конструкций и выстраивается типология данных конструкций;

- выделяются типы межкатегориальных связей, реализуемых в парадигме каузативных конструкций.

Методы и методика, применяемые в работе, определяются как предметом исследования, так и поставленными задачами. Работа выполнена с позиций функционального подхода, специфика которого заключается в движении «от семантики к ее формальному выражению» и «от формы к семантике», т.е. используется сочетание ономазиологического и семасиологического подходов, что предопределяет обращение к философскому, формально-логическому и когнитивному аспектам исследуемой категории. Разнообразие и разноуровневость языковых репрезентантов данной категории обуславливает подход с точки зрения теории функционально-семантических полей для упорядочения инвентаря средств выражения каузативности и определения области ее взаимопересечения с другими категориями. В рамках теории функционально-семантических полей применяются парадигматический и синтагматический подходы к анализу каузативных конструкций.

В работе используются конкретные лингвистические методы и методики: методы компонентного и дефиниционного анализа, методы сплошной и частичной выборки, элементы статистического анализа, прием трансформаций, моделирования.

Материалом исследования послужили 6 тысяч примеров, полученных в результате сплошной и частичной выборки из художественных произведений английских, американских, русских авторов конца XVIII – начала XXI века, публицистики, газетных статей, справочников по грамматике и словарей современного английского, русского, немецкого и удмуртского языков, электронных источников. Привлечение разнообразного в жанрово-стилевом отношении материала обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить достаточно полный охват исследуемого явления с включением всех релевантных для него признаков.

Теоретическая ценность работы заключается в том, что в ней уточняется понятие и статус категории каузативности на основании ее философского и

логического понимания, разграничения понятий «каузативность» и «каузальность», расширяется традиционная парадигма каузативных конструкций, уточняется состав и структура функционально-семантического поля каузативности и его место в системе группировок функционально-семантических полей, выявляется комплекс категориальных значений, реализуемых в каузативных конструкциях.

Практическое применение. Основные выводы и материал исследования могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин: общего языкознания, теоретической и практической грамматики английского, русского, немецкого, удмуртского и других языков, истории английского языка. Представляется возможным включение полученных данных в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам функциональной грамматики, семантико-синтаксической организации предложения, дериватологии, сравнительной типологии разноструктурных языков. Результаты работы могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся формирования у учащихся семантико-синтаксической компетенции в плане разграничения омонимичных и синонимичных конструкций в области родного и иностранного языков. Теоретический материал исследования может представлять интерес для специалистов в области философии, логики, культурологии, когнитивной лингвистики.

Концептуальные идеи настоящего диссертационного исследования отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

- каузативность – универсальная типологическая категория, отображающая объективные связи явлений действительности, отмечаемые и классифицируемые сознанием как причинные;
- категория каузативности образует микрополе в рамках функционально-семантического поля каузальности с семантическим инвариантом «причинение» и семантическими вариантами каузации действия, состояния, бытия, обладания, качества;
- структура функционально-семантического поля каузативности характеризуется как полицентрическая, с фактитивным и пермиссивным центрами, и

ядерной, промежуточной, периферийной областями, образуемыми определенным инвентарем разноуровневых средств выражения (лексических, лексико-синтаксических, словообразовательных, синтагматических, аналитических, контекстуальных);

– фактитивный центр поля каузативности образуют конструкции с одноконстантными каузативными глаголами, построенные по модели $X - V_{caus} - Y - Z$, где X – каузатор, V_{caus} – оператор каузации, Y – объект каузации, Z – структурно вариативный консеквент, на основе которого выделяются основные типы каузативных конструкций;

– устойчивые, общие межкатегориальные связи каузативных конструкций обусловлены реализацией аспектуальных, темпорально-таксисных, модальных значений глагольного предиката, типом отношений между каузатором и объектом каузации, внешним распространением конструкций;

– специфические межкатегориальные связи обусловлены частеречным типом консеквента, лексическим заполнением его позиции и ее распространением.

Апробация исследования. Материалы и основные положения работы докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях различного уровня: Всероссийской научной конференции «Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке» (Екатеринбург, 2005); международной научно-практической конференции «Английский язык в поликультурном регионе» (Ижевск, 2005); III Всероссийской научной конференции «Англистика XXI века» (Санкт-Петербург, 2006); IV региональной научно-практической конференции «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей» (Томск, 2006); III международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты» (Самара, 2006); региональной научно-практической конференции «Год русского языка в Удмуртии» (Ижевск, 2007); международной научно-практической конференции «Язык и литература в условиях многоязычия» (Нефтекамск, 2007); IV международной научной конференции «Язык,

культура, общество» (Москва, 2007); международной научной конференции “Language, individual and society 2007” (Болгария, Солнечный Берег, 2007).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Терешина, Ю. В. Онтология категории каузативности / Ю. В. Терешина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2007. – № 4. – С. 195–200.

Публикации в других изданиях:

1. Терешина, Ю. В. Концепт побудительности в политических текстах / Ю. В. Терешина // Новая Россия: новые явления в языке о и науке языке: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2005. – С. 154–159.

2. Терешина, Ю. В. Causative Proverbs as a Subject of Linguo-Cultural Research / Ю. В. Терешина // Английский язык в поликультурном регионе: материалы межд. конф. – Ижевск, 2005. – Ч. 1: тезисы. – С. 154.

3. Терешина, Ю. В. Идея причинности в философии и лингвистике / Ю. В. Терешина // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. – Ижевск, 2006. – С. 305–325.

4. Терешина, Ю. В. Логико-лингвистический аспект каузативности / Ю. В. Терешина // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей: материалы VI регион. науч.-практ. конф. – Томск, 2006. – Ч. 1. – С. 155–157.

5. Терешина, Ю. В. Предлоги как средство репрезентации каузативных значений / Ю. В. Терешина // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сб. материалов III межд. науч.-практ. конф. – Самара, 2006. – Ч. 2. – С. 238–243.

6. Терешина, Ю. В. Типология и межкатегориальные связи английских каузативных have-конструкций / Ю. В. Терешина // Иноязычное образование: Филология. Педагогика. Лингводидактика: сб. науч. ст. – Ижевск, 2006. – С. 139-147.

7. Терешина, Ю. В. Взаимодействие каузативных и темпоральных значений / Ю. В. Терешина // Англистика XXI века: материалы III Всерос. науч. конф. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2007. – С. 152–156.

8. Терешина, Ю. В. Межкатегориальные связи категорий каузативности и посессивности / Ю. В. Терешина // Год русского языка в Удмуртии: материалы регион. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2007. – С. 226–231.

9. Терешина, Ю. В. Типология и межкатегориальные связи английских каузативных get-конструкций / Ю. В. Терешина // Вестник Удмуртского университета. Вып. 5. Филологические науки: электр. науч. журнал. – Ижевск, 2007. – Ч. 2. – С. 175–186. – Режим доступа: <http://vestnik.udsu.ru>.

10. Терешина, Ю. В. Функционально-семантическое поле каузативности в современном русском языке / Ю. В. Терешина // Язык и литература в условиях многоязычия: материалы межд. науч.-практ. конф. – Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 84–91.

11. Терешина, Ю. В. Английские have-конструкции с инфинитивом и их русские соответствия / Ю. В. Терешина // Язык, культура, общество: сб. тезисов IV межд. конф. – М.: РАН: Моск. ин-т иностр. яз., 2007. – С. 78–79.

12. Терешина, Ю. В. The Interaction of Categorical Meanings in English Causative Make-Constructions and Their Typology / Ю. В. Терешина // Language, Individual and Society. International Scientific Publications: материалы межд. науч. конф. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Bulgaria, Bourgas: Science Invest, 2007. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

Композиция диссертации отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков литературы, словарей и справочников, источников иллюстративного материала, приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается научная новизна, формулируются объект, предмет, цели и задачи исследования, излагаются теоретические и методологические основы исследования, методы и прие-

мы, материал исследования, определяется теоретическая и практическая значимость работы.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена анализу категории каузативности в философском, формально-логическом и лингвистическом аспектах. Рассматривается эволюция подходов к пониманию онтологогносеологической сущности каузативности, ее связи с другими мыслительными категориями, многообразие лингвистических подходов к определению каузативных конструкций. Выделяется семантический инвариант каузативности и описывается набор формальных репрезентантов данного инварианта в английском и русском языках, строится ФСП каузативности, определяется его структура и положение в системе ФСП. Обсуждаются проблемы теории межкатегориальных связей в грамматике и отдельные аспекты межкатегориального взаимодействия каузативных конструкций.

В **главе II** «Типология и межкатегориальные связи каузативных конструкций» представлена парадигма каузативных конструкций, выделенная с учетом структурно-содержательных особенностей компонентов четырехчленной конструкции $X - V_{caus} - Y - Z$, где X – каузатор, V_{caus} – оператор каузации (каузативный глагол), Y – объект каузации (каузант), Z – консеквент (терминальное состояние). Выделяются структурные типы исследуемых КК и проводится исследование устойчивых межкатегориальных связей, центром реализации которых является каузативный глагол, и специфичных связей, актуализируемых в отдельных типах каузативных конструкций.

В **заключении** приводятся результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы в заявленном направлении.

Приложения содержат таблицы к первой и второй главам диссертационного исследования. В библиографическом разделе представлены списки научной литературы, словарей и справочников, источников иллюстративного материала.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Онтолого-гносеологический и формально-логический аспекты категории каузативности

Каузативность (от лат. *causa* – причина) – сложная, многоплановая категория, получающая неоднозначную интерпретацию в лингвистике. Функционально-семантический подход, который является ведущим в данной работе, предполагает исходно-семантическое направление анализа, движение «от семантики к форме», уяснение сущности исследуемой категории с последующим рассмотрением ее языковых репрезентантов. Такое направление анализа отражает своего рода «доминанту мыслительно-речевой деятельности говорящего», идущего от смысла, который он хочет передать, к формальным средствам его выражения [Бондарко 2000: 27]. В истолковании сущности языковых категорий важнейшее значение имеет принцип онтологизма, который заключается, с одной стороны, в признании детерминации рассматриваемых категорий восприятием окружающего мира, а с другой – в стремлении лингвистической теории раскрыть способы существования данных категорий в реальных процессах мыслительно-речевой деятельности [Бондарко 1987: 31].

Понимание онтологии каузативности и ее форм невозможно без обращения к философским основаниям данной категории, истории ее становления и развития.

Идея причинности зародилась в древности как обобщение опыта и практической деятельности первобытных людей. В мифологическом мировоззрении причинность связывалась с идеей порождения: происхождение природных и общественных явлений объяснялось цепью рождений мира и бессмертных богов из Хаоса. Изложение этих мифологических воззрений находим в «Теогонии» Гесиода: «Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом / Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, / Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких, / И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос... / Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса. / Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру...» [Гесиод]. С формированием философии

причинность «включается в ее систему как фундаментальный принцип познания» [Худяков 1985: 111].

Ранних древнегреческих философов-«физиков» волнует вопрос о причине, первоначале мира. Эти два понятия – «причина» и «начало» – неразрывно связаны в термине «архэ», который ввел в употребление Анаксимандр [Маслиева 2002: 188]. «Физики», отвечая на вопрос о первопричине всего сущего, пытаются отойти от антропоморфных мифологических представлений и ищут объективное, трансцендентное, субстанциальное начало мира. У Фалеса этим началом является вода, у Анаксимена – воздух, у Гераклита – огонь, у Анаксимандра – «апейрон» (неопределенное, вечное и бесконечное первовещество). Эти стихии рассматриваются как носители всех изменений, некие созидательно-движущие силы, являющиеся «причиной управления всем» [Спиркин 2003: 31]. Они уже не содержат в себе черт антропоморфного, но сохраняют следы мифологического происхождения – они трактуются как живые и органические [Лосев 1963].

Центральная фигура элейской школы Парменид объясняет происхождение мира из смешения огня и земли, когда огонь является действующей причиной, а земля – оформляемой материей [Лосев 1963].

Эмпедокл в качестве первоначал рассматривает четыре стихии-элемента: земля, воздух, огонь и вода. Последние являются гомогенными по своей природе, но в результате их смешения и последующего распада происходят качественные различия вещей. Элементы сами по себе не способны к движению и нуждаются в движущей силе, которая у Эмпедокла мыслится как две самостоятельные антагонистические сущности, перемежающиеся в своем преобладании – Любовь и Вражда:

*Под действием Злобы все [элементы] разно-образны и все порознь.
Под действием Любви они сходятся и воздедают друг друга.
Из них – все, что было, что есть и что будет...*

[Фрагменты 1989: 349].

Таким образом, у Парменида и Эмпедокла происходит обособление причины-первоначала и действующей причины.

Согласно Анаксагору, все многообразие качеств, наблюдаемых в окружающем человека мире, объясняется наличием бесконечного количества гомеометрий (подобочастных частиц) – носителей этих качеств; видимые и осязаемые качества – результат количественного преобладания соответствующих частиц [Соколов 1969: 33]. Анаксагор рассматривает гомеометрии как начала всего сущего, а в качестве производящей причины им выдвигается чистый божественный разум, который все упорядочил и привел в движение. Таким образом, в философии Анаксагора вводится понятие универсального начала – Разума – всеведущей и движущей силы сущего и одновременно цели движения мира.

Принцип причинности впервые был сформулирован древнегреческим атомистом Левкиппом: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» [Антология 1969: 327]. Этот принцип получил развитие у Демокрита, который сводит первоначала других мыслителей к атомам, которые, в отличие от выдвигавшихся ранее идей, содержат принцип предела делимости материи. Атомы вечны, неизменны, неделимы, не возникают и не уничтожаются. Все вещи, включая богов и человека, все многообразие сущего проистекает из их соединения и разделения. Движение атомов подчинено строгой необходимости, которая отождествляется с причинностью. Случайность – лишь неизвестная разуму причина. Демокрит, по мнению Аристотеля, легкомысленно оставляет без внимания вопрос о первопричине движения атомов, полагая, что Вселенная бесконечна в том смысле, что никем не создана [Аристотель 1975; Антология 1969: 323; Лурье 1970].

В дальнейшем крайний детерминизм Демокрита нашел отражение в трудах стоиков, которые ввели тотальную доктрину ананкэ: все в природе «происходит по предшествующим причинам в силу естественного сцепления и переплетения причин, и всем вершит необходимость» [Цицерон 1985: 310]. Вместе с тем, подобное мировоззрение вызвало критику со стороны эпикурейцев, которые задались вопросом:

*Коль не могут путем отклонений первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиной испоконь века,*

*Как у созданий живых на земле неподвластная року,
Как и откуда скажи, появилась свободная воля...*

(Лукреций Кар. «О природе вещей») [Антология 1969: 369].

Эпикур решил вопрос следующим образом: он наделил атомы способностью самопроизвольного отклонения, рассматриваемую им по аналогии с внутренним волевым актом человека, и тем самым ввел в философию, наряду с причинностью, «идею об объективности случайности» [Спиркин 2003: 70].

В учении Платона причинами всего многообразия мира являются вечные, неизменные, самостоятельно существующие сущности – «эйдосы» или «идеи». Абсолютной противоположностью мира идей является пассивная материя, отождествляемая с пространством и объявляемая небытием, которая дробит единство каждой идеи на множество чувственных вещей. Вещи представляют собой смешение бытия и небытия, идей и материи. Отдельные предметы создаются, разрушаются и воспроизводятся потому, что в умопостигаемом мире имеются их прообразы – идеи, которым вещи подражают в своем преходящем земном существовании [Соколов 1969: 40]. Таким образом, идеи с точки зрения Платона, можно рассматривать как образцы, целевые причины вещей. В мире идей также имеется единая цель, являющаяся одновременно верховной целью всего существующего – идея добра, блага. Помимо целевой, Платон говорит и о действующей причине, когда описывает создание Космоса в диалоге «Тимей». Платон различает «творца» Космоса – демиурга, и тот «первообраз», глядя на который он сотворил Вселенную: «...Для всякого очевидно, что первообраз был вечным; ведь космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург – наилучшая из причин» [Платон 1999]. Единое, таким образом, раздваивается на «первообраз», идею блага, изначально присущую творцу (целевая причина), и демиурга, действующую причину [Гайденко 1999а].

Философская мысль Древней Греции достигла наибольшей высоты в творениях Аристотеля, который вобрал в себя и систематизировал все достижения античной науки. Аристотель, проанализировав значения, в которых употребляется слово «причина», выделил четыре вида причин:

1. Материальные, то, из чего состоят вещи, их субстрат.

2. Формальные, в которых форма (активный творческий фактор, стимул) проявляет себя, образуя сущность, субстанцию бытия.

3. Действующие или производящие – рассматривающие источник движения и превращения возможности в действительность, «первое начало изменения или покоя».

4. Целевая или конечная причина, отвечающая на вопрос «Ради чего?» [Радугин 2004: 60; Аристотель 1999].

Формальную, производящую и целевую причины Аристотель часто объединяет в одну – формальную. В книге «Физика» находим утверждение о том, что «если существуют причины и начала для вещей... то все возникает из подлежащего (субстрата, материи – Ю.Т.) и формы; именно: образованный человек слагается известным образом из человека и из образованного, так как ты сможешь разложить предложения на эти термины» [Аристотель 1999; Антология 1969: 442]. В природе все соотносится как форма и материя, все вещи представляют собой их соединение, вечное оформление, непрерывное становление, превращение из возможности в действительность. По мнению В.В. Соколова, близость Аристотеля к Платону проявляется прежде всего в том, что формы рассматриваются им как вечные, активные, действующие начала, а материя – как начало пассивное, подвергающееся действию [Соколов 1969: 45]. Материя немыслима без формы, это только абстрактная возможность, а форма без материи – только умственный или логический принцип, поэтому Аристотель вводит особый термин – энтелехия, передающий единство материальной, формальной, действующей и целевой причины. Таким образом, причины Аристотеля мыслятся им как четыре принципа бытия каждой вещи, диалектически слитые в одно нераздельное целое.

Рассуждая о «первопричине» всего сущего, Аристотель говорит о неподвижном, вечном первом двигателе, боге, «высшей форме», «чистом акте», «мышлении мышления», последней, идеальной цели и источнике бытия всех остальных вещей [Гайденок 1999а]. В связи с этим следует согласиться с тем, что главными для Аристотеля «являются формальная и целевая причины, пред-

ставляющие аспекты одного и того же определяющего телеологического фактора» [Макаров 1982: 64].

По мнению Г. Патти, представления Аристотеля о причинности распространяются и на область языка. Так, «глагол является формой эффективной причины, и либо субъект, либо объект может выступать в виде материальной причины. Если субъект обладает к тому же и умственными способностями, мы можем приписать событию также формальную, телеологическую или преднамеренную причины» [Патти 2002: 137].

Аристотелю также принадлежит выделение непосредственной и опосредственной каузации: «...Все движущиеся тела приводятся в движение чем-нибудь. И это происходит двояким образом, а именно: или движение производится не самим движущим, а чем-нибудь другим, что приводится в движение движущим, или им самим...» [Аристотель 1999]. В приведенном отрывке Аристотель фактически рассматривает цепь причинения, элементы которой в рамках его системы категорий можно определить как действие вовне («движущее») и претерпевание («движимое»).

Онтологические воззрения Аристотеля тесно связаны с логическими. В трактате «Первая Аналитика» философ рассматривает правила построения категорического силлогизма – наиболее ценного для Аристотеля вида умозаключения, способного обосновывать знание причинных отношений. Данный силлогизм состоит из трех терминов, средний из которых должен быть причиной, чтобы умозаключение было достоверным и доказательным. Средний термин – это «понятие, посредствующее между другими понятиями: оно подчинено одному и подчиняет себе другое» [Асмус].

Философы-стоики полагали, что существуют два начала всего: деятельное и страдательное. Начало страдательное – это материя, бескачественная сущность; начало деятельное – это находящийся в материи разум, бог. Сенека называл два этих начала материей и причиной [Антология 1969: 482, 504]. Все причины, таким образом, рассматривались как телесные, в отличие от трансцендентального «первого двигателя» Аристотеля.

Скептики говорят о непознаваемости причин, поскольку, по утверждению Секста Эмпирика, «чтобы помыслить причину, нужно раньше познать действие, а чтобы познать действие, нужно... раньше знать причину» [Антология 1969: 536]. Приводя данное доказательство, Секст Эмпирик рассуждает о взаимосвязи причины и следствия, о дуализме категории причинности.

Неоплатонизм – направление античной философии позднего эллинизма (III-IV вв.), систематизировавшее основные идеи Платона с учетом идей Аристотеля и оказавшее влияние на всю средневековую философию. В труде «Первоосновы теологии» Прокла находим доказательство существования первопричины, согласно которому «если необходимо, чтобы сущее имело причину, и если причины и вызванное причиной различны и нет восхождения [причин] до бесконечности, то существует первая причина сущего, от которой, как из корня, эманурует каждая вещь» [Антология 1969: 556]. Неоплатоники первой причиной всего сущего объявили платоновскую идею блага, которое тождественно единому [Антология 1969: 556-558]. Категория единого-абсолюта как первопричины всего сущего формировалась также в учениях Парменида о чистом бытии и аристотелевской верховной форме, при этом абсолют не рассматривался как некая сверхъестественная личность. Неоплатоники развивали также учение Аристотеля об «уме-перводвигателе», который является первой ступенью эманации единого, он субъект, мыслящий свой объект – единое. Мировой ум в процессе эманации порождает последнюю ступень космической триады – душу, которая содержит в себе мир идей, являющихся причинами всего многообразия конкретных вещей [Соколов 1969: 52]. Процесс эманации, таким образом, представляет собой причинную цепь умножения бытия, однако цепь является циклической, ибо «все, вызванное причиной и остается в своей причине, эманурует из нее и возвращается к ней» [Антология 1969: 559]. Таким образом, причина в древнегреческой философии воспринимается прежде всего как «предметная», т.е. как некое первоначало (или несколько начал), телесное или бестелесное, пассивное или деятельное, из которого зарождаются все вещи-следствия.

Телеологические воззрения на природу причинности господствовали в течение всего средневековья. Реальностью, первопричиной всего сущего является, по христианскому вероучению, сверхъестественное начало – Бог. Осмысливая его, один из первых представителей патристики Аврелий Августин обращается к неоплатоновскому понятию абсолюта и трактует бога как бестелесное, вечное, внеприродное начало, которому, в соответствии с Библией, приписывает свойства сверхъестественной личности. Вместе с тем он отбрасывает идею эманации, и платоновский мир идей, существовавших наряду с материей и независимо от демиурга, христианский философ перемещает в божественный ум и объявляет их предвечными мыслями бога-творца [Соколов 1969: 56]. Бог сотворил мир актом своей воли, благодаря своему могуществу. Божественная воля является, таким образом, верховной причиной всякого бытия, ибо, по словам Дунса Скота, «ничто, кроме воли, не является причиной всего того, чего хочет воля» [Гайденок 1999а]. Божественное могущество проявляется также в том, что Бог не оставляет мир без своего попечения. Религиозно-монотеистический креационизм дополняется религиозным фатализмом – представлением о полной зависимости всех событий от единой трансцендентальной причины. В гносеологии Бог видится как высшая цель познания. Смысл человеческого бытия состоит в уподоблении Богу, соединении с ним в «божьем царстве». Итак, Бог, как и в философии Платона и Аристотеля, мыслится как соединение действующей и целевой причин.

Фома Аквинский в труде «Сумма теологии» говорит о двух путях доказательства – из причины («propter quid») или из следствия («quia»). Бытие бога, не являющееся самоочевидным, должно быть доказано через доступные познанию следствия. В результате Фома Аквинский дает пять определений бога: 1) «некоторый перводвигатель, который сам не движим ничем иным»; 2) «первичная производящая причина»; 3) «необходимая сущность, необходимая самое по себе, не имеющая внешней причины своей необходимости, но самое составляющая причину необходимости всех иных»; 4) «сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства»; 5) «разумное

существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе» [Антология 1969: 828-831]. В учении Фомы Аквинского, таким образом, тесно переплелись идеи Платона и Аристотеля о первопричине.

Фома Аквинский также развил представления Аристотеля о причинах как о принципах бытия вещей. Философ различает четыре уровня бытийности вещей в зависимости от актуализации формы. На низшем уровне форма есть *causa formalis* сущего, т.е. представляет лишь внешнюю определенность вещи. К этой ступени принадлежат неорганические стихии и минералы. На следующей ступени форма предстает как *causa finalis*, конечная причина вещи; последней поэтому внутренне присуща целесообразность, она имеет душу, изнутри формирующую ее – таковы растения. Третий уровень – животные, здесь форма есть *causa efficiens*, действующая причина, поэтому сущее имеет в себе не только цель, но и принцип деятельности. Наконец, на четвертой ступени форма предстает уже не как организующий принцип материи, а сама по себе (*forma per se, forma separata*). Это дух, или ум, разумная душа – высшее из сотворенных сущих [Гайденко 1999а].

Развитие научных представлений о причинности тесно связано со становлением физики в XVI-XVII веках. Открытия Коперника, Галилея, законы механики Ньютона изменили средневековую картину мира. Причинно-следственные отношения в трудах Галилея и Ньютона рассматриваются наряду с учением о силах, вызывающих изменения в движении тел. Важной особенностью причинно-следственных взаимодействий считается строго однозначное их развертывание во времени, при котором одна причина в конкретных условиях порождает лишь одно следствие [Сачков 2003: 102-103]. Таким образом, причинность рассматривается как некая внешняя сила, воздействующая лишь на количественные характеристики объекта, его положение в системе. Такой подход к пониманию категории причинности Г.Х. фон Вригт обозначил как «галилеевская традиция в науке и философии научного метода», в отличие от доминирующей до этого «аристотелевской традиции», рассматривающей причинность в тесной связи с понятием «цель» [Вригт 1986: 40-42].

Фундаментальные открытия в механике потребовали философского обоснования целей, задач и методов науки. Фрэнсис Бэкон, автор «Нового Органо-на», произвел переоценку традиционного аристотелевско-схоластического учения о четырех причинах. Он призывал сосредоточить внимание научной мысли (физики) на выявлении материальных и действующих причин, так как только они могут быть точно установлены в опытном исследовании природы. Познание формальных причин, которое ранее отождествлялось с познанием причин целевых, так как форме приписывалось целеведущее действие, Бэкон считает уделом метафизики. Цель же, или конечная причина, «не только бесполезна, но даже извращает науки» [Антология 1970: 216-217].

Процесс устранения из физики всех причин, кроме действующих, получил развитие у Рене Декарта, сформулировавшего главный принцип картезианства: наука должна не только устанавливать закон, описывающий поведение объекта, но находить причины всех явлений природы. Тем не менее, конечные причины физических явлений Декарт выводил из «самоочевидных первоначал», установленных им в метафизике [Гайденко 1999б].

Последователь Ф. Бэкона и Р. Декарта Бенедикт Спиноза провозгласил принцип причинности основой существования всех вещей. Однако, в отличие от Декарта, конечную причину он выводит не из ментальной, а из объективной действительности, стремясь объяснить мир из него самого. Он утверждал, что существует единая, находящаяся вне сознания субстанция, которая является причиной самой себя (*causa sui*) и имманентной причиной всех явлений [Спиркин 2003: 117]. Тем самым Б. Спиноза отошел от христианских представлений о трансцендентном боге как творце и конечной причине всего сущего.

М. Бунге говорит о следующих основаниях для сведения понятия причины к *causa efficiens* в Эпоху Возрождения: а) из всех четырех она была единственной понятной причиной; б) ее можно было выразить математически; в) она поддавалась эмпирическому определению и проверке; г) как следствие, действующая причина поддавалась контролю; кроме того, считалось, что контроль над ней ведет к использованию природы, которое было единственной целью

инструментального (прагматического) понимания науки, защищаемого Бэконом и его последователями [Бунге 1962: 47-48].

Форма причинности в механике постепенно распространяется на естествознание и соотносится с моделью жестко детерминированного мира, которая получила яркое выражение в концепции П. Лапласа. Пьер Лаплас был убежден, что все многообразие мира сводимо к неизменным и неделимым частицам, движущимся по законам механики. Для пояснения своей концепции он вводит воображаемый сверхчеловеческий ум – демона, который в состоянии узнать всю полноту сведений о начальных условиях движения всех частиц в бесконечной Вселенной. Демон Лапласа, зная начальные условия, способен, опираясь на законы механики, вывести все будущее состояние Вселенной, равно как и ее прошлое состояние (принцип механистического детерминизма) [Овчинников 2002: 100]. Под причиной фактически понимается состояние Вселенной, предшествующее новому состоянию – следствию.

Наиболее систематично механистическое мировоззрение материализма эпохи Просвещения выражено в работе П. Гольбаха «Система природы». П. Гольбах дает следующие определения причины и следствия: причина – это «тело или явление природы (*être*), приводящее в движение другое тело или производящее в нем какое-нибудь изменение», а следствие – «это изменение, произведенное каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения» [Антология 1970: 672]. Природа в труде П. Гольбаха – это необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга. Причинность, таким образом, осознается как основополагающий онтолого-гносеологический принцип, детерминирующий внешние характеристики объектов, возводящий в абсолют необходимость и исключаящий случайность. Однако, по замечанию А.Н. Колтышева, такая форма причинности, не учитывающая качественную сторону предметов, «приводит к абсурду, поскольку возникновение нового качества в таком мире невозможно» [Колтышев 1995: 16].

XVII-XVIII вв. – время господства действующих причин в философии. Вместе с тем, следует отметить, что в истории философии и науки были пред-

ставлены и иные телеологические взгляды на причинность. Так, Г.В. Лейбниц ввел представление о монадах – мельчайших духовных элементах бытия, обладающих активностью и деятельной силой. Все материальные качества предметов и явлений природы объясняются как порождение этих духовных сил, присутствие которых нарастает по мере движения от неорганических тел к человеку. Тела, по Лейбницу, действуют по законам причин действующих, или движений, а души – «согласно законам конечных причин – посредством стремлений, целей и средств» [Антология 1970: 462-463]. Единство и согласованность монад, действующих и конечных причин – результат гармонии, предустановленной Богом [Спиркин 2003: 121].

Представители британского эмпиризма считали, что категория причинности имеет не онтологический, а эпистемологический статус, т.е. имеет отношение исключительно к нашему опыту и познанию вещей, поэтому «всякое рассуждение о причинности должно выражаться в формальном, а не материальном виде речи» [Бунге 1962: 17]. Так, Джордж Беркли в «Трактате о началах человеческого знания» отмечает, что «связь между идеями заключает в себе отношение не *причины и действия*, а только *отметки или значка и вещи означаемой*» [Антология 1970: 522].

Наиболее последовательно данную позицию отстаивал Д. Юм в «Трактате о человеческой природе». Он исходил из тезиса о недоступности человеческому познанию ничего, кроме образов и восприятий. Следовательно, причинные отношения не объективно существующие, а лишь результат причинной связи восприятий. Идея причинности возникает из регистрации сознанием определенных отношений между объектами: 1) отношений смежности в пространстве и времени; 2) отношения предшествования причины следствию во времени; 3) постоянной и регулярной связи причины и следствия. В результате человеческий разум, руководствуясь привычкой, делает ложный вывод о необходимости связи между причиной и следствием, тогда как объективно, «ни в одном из единичных примеров действий тел мы не можем, несмотря на крайнюю тщательность, найти что-либо, кроме следования одного явления за другим» [Юм

1965: 75]. Тем самым он, вслед за Дж. Локком, ставит под сомнение познаваемость причин. Позиция Юма позднее была положена в основу позитивистского толкования причинности.

И. Кант продолжает тенденцию, наметившуюся в трудах Дж. Локка и Д. Юма. Причинность в его учении – одна из категорий рассудка (категория отношения, наряду с субстанцией и взаимодействием), априорная форма мышления. Рассудок способен познать только явления – «вещи в себе» как они существуют в сознании человека. В мире явлений царит необходимость и действующие, механические причины, и каждое явление А обусловлено В, которое мы называем его причиной. Причинный ряд бесконечен, но человеку свойственно стремление обрести абсолютное знание, получить «абсолютную целокупность условий», некую первопричину. При попытке применить категории рассудка, в частности причинность, по отношению не к явлениям, а к «вещам в себе», рассудок запутывается в противоречиях. Мир «вещей в себе» закрыт для чувственного восприятия, теоретического разума и, следовательно, науки. Подобная идея высказывалась и Ш. Бонне, который утверждал, что «мы вовсе не знаем реальной сущности вещей», «мы познаем только следствия, а не сами действующие причины» [Гайденко 1999б]. Кант, однако, уходит от агностицизма Д. Юма и Ш. Бонне и говорит о познаваемости «вещей в себе» в мире свободы, где действует практический разум. Движущей силой последнего является воля, которой он ставит цель. Цель, конечная причина по Канту есть регулятивный принцип теоретического познания, «причинность из свободы», а свобода – «независимость от определяющих причин чувственно-воспринимаемого мира». Автономия воли, таким образом, состоит в том, что она определяется не внешними причинами, а своим собственным нравственным законом, который она ставит над собой [Кант 1999; Радугин 2004: 141-142].

Гегель разрабатывает диалектическую концепцию причинности. По Гегелю, причину нельзя отделять от следствия (действия), поскольку «причина, которая не производила бы никакого действия, не была бы причиной, равно как и действие, которое не имело бы причины, уже не было бы действием» [Гегель

1999]. При таком механистическом понимании причинности неизбежно представление о бесконечности причин и действий, следующих одно за другим, и появляется необходимость в первотолчке. Гегель преодолевает бесконечность причинной цепи тем, что принимает за основу самопричинение. Он признает Спинозовское представление о субстанции как причины самой себя и показывает, что «субстанция проявляется в акциденциях именно через причинность». Она переливает свое содержание в действие в процессе своего самоопределения. Это не формальное внешнее механическое взаимодействие, а «перенос внутреннего содержания объекта-причины в объект-действие» [Колтышев 1995: 17]. Таким образом, Гегель возвращается к внутреннему, качественному, а не количественному истолкованию причинности.

В философии диалектического материализма причина и следствие являются центральными понятиями системы категорий детерминизма. Отношение между причиной и следствием определяется как вид всеобщей связи, специфика которого состоит в его генетическом характере. Материализм отстаивает тезис об объективном и всеобщем характере причинности. Объективность причинной зависимости и ее особенности как связи порождения проверяются практикой, которая «производит проверку насчет причинности» и позволяет отделить причинные связи от отношений во времени, пространстве, функциональных зависимостей и т.п. [Маслиева 2002: 191]. Отметим, что материалистические взгляды на категорию причинности до сих пор доминируют в отечественной философии. Так, в Новой философской энциклопедии причинность определяется через понятие «генетической связи» [НФЭ 2001: 355].

Позитивисты отрицают как объективный характер причинной связи, так и ее особенность как связи порождения. Основоположник позитивизма Огюст Конт, описывая стадии интеллектуальной эволюции человека, отмечал, что на первой, теологической стадии, все явления объясняются на основе религиозных представлений; на метафизической стадии сверхъестественные факторы заменяются в объяснении природы причинами; задача третьей стадии, позитивной, — отказаться от метафизических наслоений в науке, в частности, от претензии

науки на раскрытие причин явлений [Радугин 2004: 241]. Тем самым он высказывает идею, изрекаемую еще Галилеем («для физика важнее установить закон, описывающий процесс изменения явлений, чем искать умопостигаемые причины последних») и Ньютоном («Причину... свойств сил тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю») [Гайденко 1999б].

Позитивист Джон Стюарт Милль в труде «Система логики» вслед за Д. Юмом определяет причину как «неизменный антецедент», подчеркивая тем самым связь категорий причинности и темпоральности. Дж.С. Миллю принадлежит также определение причины как «особого соединения действующих сил (*agents*)» или «действия (*agency*)» [Mercier].

Позитивистские системы Конта, Спенсера и Милля создавали научную картину мира, в основе которой лежал принцип механистического истолкования действительности. Процесс естественнонаучного знания на рубеже XIX-XX веков связанный с развитием квантовой физики, поставил под вопрос механистическую методологию, основанную на принципах ньютоновской физики, и разрушил прежнюю картину мира. В квантовой физике, в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга, невозможно определить все параметры, чтобы предсказать будущее состояние системы. Параметры системы могут быть вычислены лишь до некоторого уровня точности, поэтому квантовая физика имеет дело с вероятностью и статистическими закономерностями [Колтышев 1995: 20]. Если ранее считалось, что действие причины порождает протекание процесса строго однозначным образом, то сейчас, согласно квантовой теории, «одно и то же силовое (энергетическое) воздействие приводит к разнообразию в следствиях» [Сачков 2002: 155]. В настоящее время можно говорить о становлении вероятностной формы причинности.

«Вероятностные теории причинения» (*probabilistic theories of causation*) описывают взаимодействие причины и следствия при помощи теории вероятностей. Главная идея заключается в том, что, в отличие от так называемых «теорий закономерности» (*regularity theories*), описывающих причинение как неизменное следование явлений причины и следствия, в вероятностных теориях

причины только повышают вероятность совершения следствия. Формально вероятностная причинность выражается следующим образом: *A causes B if and only if $P(B/A) > P(B/not-A)$* , что означает: А является причиной В, если и только если вероятность В при данном А больше, чем вероятность В при не-А. Данная формула, однако, не идеальна. Во-первых, она не отражает асимметричного характера причинной связи, обычно связываемого с темпоральным предшествованием причины следствию: если $P(B/A) > P(B/not-A)$, то верно и то, что $P(A/B) > P(A/not-B)$. Во-вторых, не решает проблемы ложных корреляций: если причиной и А и В является некий третий фактор С, то выражение $P(B/A) > P(B/not-A)$ может быть истинным, хотя А не будет причиной В [Hitchcock].

Кризис механистического детерминизма и утверждение вероятностной причинности привели к популярности агностической позиции на природу причинности. Эмпириокритик Э. Мах утверждал, что понятие «действующей причины» ведет свое происхождение от анимистических представлений дикаря, проводящего аналогию между странными для него явлениями природы и его собственными действиями» [Маслиева 2002: 191-192].

Логические позитивисты занимались анализом научных высказываний и обобщений и при этом исходили из предпосылок, что все знания выражаются с помощью языка. Анализируя причинные высказывания, Р. Карнап постулировал следующее положение: «Утверждение является каузально истинным, или С-истинным, если оно представляет собой логическое следствие всех основных законов» [Маслиева 2002: 192]. Р. Карнап также обратил внимание на тот факт, что при попытке объяснить понятие «причина» обращаются к словам «производит», «вызывает», «создает», «творит», что, по его мнению, является «элементами анимистического мышления». [Маслиева 2002: 192].

Бертран Рассел критикует понятие «причины», сложившееся в трудах большинства философов-эмпиристов, и точку зрения Д. Юма на причинение. Он утверждает, что «неизменное сосуществование или следование не есть то, что мы имеем в виду под причинностью: причинность имплицитно включает их, но не наоборот» [Рассел 1997: 486]. Б. Рассел выводит собственную концепцию при-

чинности, основанную на понятии «квазипостоянства». Он считает, что «вещь» или часть материи «не должна рассматриваться как отдельная, постоянная субстанциональная сущность, а как цепь событий, имеющих определенную причинную связь друг с другом», которую он и называет «квазипостоянством» [Рассел 1997: 489]. В связи с этим он формулирует причинный закон следующим образом: «Если в определенное время дано событие, тогда во всякое несколько более раннее или несколько более позднее время в каком-либо месте по соседству имеется очень похожее событие» [Рассел 1997: 489]. На основе причинного закона Б. Рассел описывает концепцию «причинных линий», понимая под последними «временную последовательность событий, так относящихся друг к другу, что если даны некоторые из них, то что-то может быть выведено из других» [Рассел 1997: 490]. Таким образом, для Рассела основополагающей является внутренняя причинность, которую он рассматривает как постоянство вещи, качества, структуры, изменений.

Уэсли Салмон в труде «Научное объяснение и каузальное строение мира» (1984) выдвинул ряд возражений против теории Рассела. В частности, У. Салмон утверждает, что теория Рассела сформулирована в эпистемологических терминах, и ставит перед собой цель разработать новую теорию причинности на основе следующих предпосылок: 1) причинная связь является объективной и носит вероятностный характер; 2) теория причинности должна допускать возможность индетерминизма и формулироваться независимо от категории времени. Причинность рассматривается У. Салмоном как характеристика длительных процессов, а не как отношение между событиями. Чтобы отличить каузальные процессы от псевдо-каузальных, философом вводится принцип «переноса маркера»: Пусть P – процесс, который в отсутствие взаимодействий с другими процессами останется неизменным относительно признака Q , устойчиво проявляющегося в интервале между двумя пространственно-временными точками A и B . Тогда маркер (сущность которого заключается в модификации Q в Q^*), введенный в процесс P посредством единичного локального взаимодействия в точке A , пере-

носится в точку В, если (и только если) Р проявляет модификацию Q* в В и на всех стадиях процесса между А и В без дополнительных взаимодействий [Dowe].

Главным недостатком теории каузальных процессов У. Салмона считается неадекватность принципа «переноса маркера» – во-первых, в связи с неточностью понятия «признак» (*characteristic*); во-вторых, в связи с тем, что требование «отсутствия взаимодействий» в реальности не осуществимо. В попытке преодолеть данные недостатки П. Доуэ в 1992 году была разработана теория «сохраняющегося качества» (*the conserved quantity theory*). По определению П. Доуэ каузальным процессом следует считать «мировую линию объекта, которая проявляет сохраняющееся качество» [Dowe]. Под мировой линией понимается скопление точек на пространственно-временной диаграмме, репрезентирующей историю объекта. Сохраняющееся качество представляет собой универсальное качество, такое как масса-энергия, импульс, заряд. Каузальное взаимодействие есть пересечение мировых линий, при котором происходит обмен сохраняющегося качества [Dowe].

Одним из ведущих современных подходов к изучению причинности является анализ каузации через так называемые «контрфактуальные» (*counterfactual*) условные предложения. Так, утверждение «событие *c* является причиной события *e*» может быть выражено следующим образом: «если бы не произошло *c*, то не случилось бы *e*».

Наиболее известная и законченная теория принадлежит Дэвиду Льюису. В основе теории Д.Льюиса лежит семантика возможных миров, главной идеей которой является отношение сравнительного сходства между мирами, позволяющее проранжировать их по степени их близости к реальности. Реальный мир есть наиболее близкий к реальности, имеющий наибольшее сходство с самим собой. В терминах данного отношения сходства условие истинности контрфактуала $c \rightarrow e$ формулируется так: $c \rightarrow e$ истинно в реальном мире, если и только если 1) нет возможных *c*-миров или 2) некоторые *c*-миры, где *e* правдиво, ближе к реальному миру, чем любой *c*-мир, в котором *e* не истинно. Д. Льюис дает следующее определение каузальной связи между событиями: «Где *c* и *e* яв-

ляются двумя отдельными возможными событиями, e каузально зависит от c , если и только если c не возникает при отсутствии e ». Правая часть данного утверждения восходит к Д. Юму, но теория Льюиса отличается тем, что каузация рассматривается не в терминах каузальной зависимости, а через понятие цепей причинной связи. Причинная цепь – это конечная последовательность реальных событий c, d, e, \dots , где d каузально зависит от c , e от d и так далее. Итак, каузация может быть также определена следующим образом: « c является причиной e , если и только если существует каузальная цепь между c и e ». Следует также подчеркнуть, что причина и следствие в теории Д. Льюиса являются отдельными событиями, что позволяет отсеять случаи псевдо-каузации (например, такие утверждения как «написание *Lappri* зависит от написания *Lap*»).

В 1986 г. Д. Льюис дал более общее определение каузальной зависимости, учитывающее теорию вероятности. Д. Льюис рассматривает вероятности как темпорально индексированные шансы и считает, что случайная каузация является концептуально возможной и должна найти отражение в определении причинной связи: «Где c и e являются отдельными событиями, e каузально зависит от c , если и только если, если не возникло c , шанс возникновения e был бы намного меньше, чем на самом деле (при возникновении c)».

Теория Д. Льюиса вызвала много споров. В частности, Х.Л.А. Харт и А. Хонор считают, что данная теория не учитывает фактор контекста при определении причин. Ученые различают два типа контекста: 1) контекст возникновения / присутствия (если здание уничтожено огнем, то присутствие кислорода является только условием разрушения здания; если же пожар начался в лаборатории, где не должно было быть кислорода, то его присутствие можно считать причиной пожара); 2) контекст запроса (причина голода в Индии для крестьянина – засуха; для Всемирного совета по продовольствию – то, что правительство не смогло создать резервы продовольствия) [Menzies].

Среди современных теорий причинения следует также отметить теории «манипулируемости» (*manipulability theories*), сущность которых заключается в том, что причины рассматриваются как некие рычаги, механизмы для управления

следствиями. Г.Х. фон Вригт в логико-философском трактате «Объяснение и понимание» описывает основную идею данного подхода: «Установлено, что говорить о существовании каузальной связи между p и q можно тогда, когда у нас есть уверенность в том, что, *манипулируя* одним фактором, мы можем достичь или вызвать появление или неоявление другого» [Вригт 1986: 106]. Философ подмечает, что говорить о причинах явлений как о факторах, которые «производят» или «вызывают» свои следствия, вполне естественно. Способ действия причины часто сравнивают с действием человека, которого считают ответственным за свои проступки, и во многих языках (греческом, латинском, финском) слово «причина» восходит к юридическому термину «вина» [Вригт 1986: 98-99]. На возражение, что понятия «производства», «вызывания», «манипулирования» уже являются каузальными по своей природе и причинность, таким образом, объясняется через себя самое, Г.Х. фон Вригт доказывает, что отношение между действием и его результатом понимаются им не как внешние, каузальные, а как внутренние, логические: результат есть неотъемлемая часть действия [Вригт 1986: 101]. В качестве одного из главных аргументов против данного подхода выдвигается его «антропоцентричность», «агентивность», т.е. тесная связь понятия каузации с практической возможностью манипуляций некоего человеческого агента. Но как объяснить случаи, в которых человеческие манипуляции невозможны (например, «извержение Везувия – причина разрушения Помпеи»)? Г.Х. фон Вригт решает данную проблему следующим образом: такие случаи представляют собой сложные события, в каждом из которых можно выделить ряд фаз и каузальные связи между ними [Вригт 1986: 104].

Теория манипулируемости наиболее детально и последовательно изложена в работе Питера Менциса и Хью Прайса «Каузация как вторичное качество» (1993). В качестве основного тезиса выдвигается следующее утверждение: «...событие А является причиной отдельного события В только в случае, когда вызывание А есть эффективное средство, с помощью которого свободный агент мог бы вызвать В» [Menzies]. Как и Г.Х. фон Вригт, П. Менцис и Х. Прайс пытаются избежать цикличности в определении причинности: понятие «вызывания

события» с доисторических времен является непосредственным, личным опытом агента, приобретенным независимо от представления о каузальности [Menzies].

Новая модель познания, основанная на законах микромира, привела в XX в. к усложнению понятия «причинности», представлению о многообразии каузальных отношений. Огромную роль в современной науке играет вероятностная причинность. Все более утверждается целевая причинность, которая «раскрывает объективный материальный характер причинной целесообразности в эволюции, проявляющийся в эффективности поведения биологических систем» [Колтышев 1995: 20]. Биологическая причинность выделяется при исследовании особенностей процесса причинения в биохимических и связанных с ними поведенческих реакциях живых организмов [Колтышев 1995: 21-22].

Решающее значение при функционировании живых, социальных и искусственных самоуправляемых систем имеет информационный вид причинности. Информационная причина характеризуется системностью, она образуется двумя неразрывно связанными производящими началами – структурным и вещественно-энергетическим. Первое выражает содержание информации, и его изменение является информационным событием, а второе служит средством физического существования и воздействия первого начала на источник как носитель следствия информационной причины [Украинцев 1976: 300; Корогодин 2002].

Для лингвистики важную роль играет когнитивный вид причинности, который «обеспечивает в науке концептуализацию объекта познания, порождение знания, конвенциональный фон и самопроизводимость» [Никитин 2002: 44]. К особенностям данного вида причинности относятся ее «много-многозначность», т.е. локализованность каждого компонента общей причинности в различных сферах жизнедеятельности общества, и ее социально-динамический характер воздействия, обусловленный тем, что «отдельные последствия, производимые частями полной причины, зависят от целого» [Никитин 2002: 43-44].

Таким образом, каузативность является сложной, эволюционирующей категорией, ингерентно связанной с такими категориями как бытие, следствие, условие, цель, время. Данная категория прошла в своем развитии разные ста-

дии: наивное понимание причинности в первобытном обществе; причина как «первоначало» у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, «силовая» причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности; вероятностные теории причинения. Современное научное представление о природе причинности исходит из положения о сложности данной категории и многообразии форм каузальных отношений, способов их репрезентации в реальном и языковом пространстве.

1.2. Понятие «каузативность» в лингвистике

Исследование актуализации причинных отношений на ментальном и языковом уровнях в лингвистике тесно связано с понятиями **концепта «причины», категорий каузальности и каузативности.**

Концепт является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики. Концепты есть ментальные сущности, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [Петров 1979: 55; Хинтиikka 1980: 90-92; Маслова 2006: 42]. Иными словами, концепт, по определению Е.С. Кубряковой, представляет собой «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90].

В представлении Ю.С. Степанова концепт является результатом стихийного, органического развития общества и человечества в целом, он возникает как «коллективное бессознательное» или «коллективное представление», являясь «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43-77]. Устойчивые концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, ученый называет константами [Степанов 2001: 84]. К константам Ю.С. Степанов причисляет и **концепт «причина»** [Степанов 1995: 35-73; Степанов 2001: 949-969]. Исследователь убежден, что данный концепт

невозможно рассматривать вне языка, поскольку меняются не столько представления людей о причине, сколько языковая система, в которой производятся концептуализации. При изучении эволюции концепта «причина» в европейской лингвистической традиции, Ю.С. Степанов обращается к исследованию В. Краевского, проанализировавшего различные определения причинности как связи между онтологическими категориями «вещь», «событие», «свойство», «состояние» и выделившего концепции категории причины [Краевский 1967: 289-312]:

- 1) вещь есть причина вещи (Аристотель);
- 2) вещь есть причина события (Аристотель, Фома Аквинский, П. Гольбах, немецкая философия);
- 3) свойство есть причина события (Галилей, Ньютон);
- 4) свойство есть причина свойства (Т. Гоббс, Дж. Локк);
- 5) состояние есть причина состояния (П. Лаплас, современная физика);
- 6) событие есть причина события (Д. Юм, А. Шопенгауэр, Дж.С. Милль, современные философы).

В целом, сущность эволюции, по мнению Ю.С. Степанова, состояла в том, что, во-первых, разнородные термины последовательно удалялись из определения причины; во-вторых, статичные термины заменялись динамичными [Степанов 2001: 953].

Ю.С. Степанов предлагает дополнить список В. Краевского новой, асимметричной концепцией: факт есть причина события. При этом он руководствуется работой американского философа языка З. Вендлера «Причинные отношения» [Вендлер 1986]. В данной работе З. Вендлер анализирует языковую дистрибуцию слов *fact* «факт» и *event* «событие» в английском языке и приходит к выводу, что они близки, но не тождественны: «события» представляют собой класс существительных, которые могут замещаться или описываться полностью номинализованными группами (типа *his singing of the song, the beautiful singing of the song*), а «факты» – не полностью номинализованными группами (типа *that he sang the song, his having sung the song*). Из анализа З. Вендлера следует, что причины – это факты, а не события, так как слово *cause* может

описываться не полностью номинализированными группами и его сочетаемость совпадает с сочетаемостью слова *fact* [Вендлер 1986].

Ю.С. Степанов подкрепляет рассуждения З. Вендлера фактами французского и русского языков: *Qu'il ait chanté cette chanson n'a pas été confirmé; Le fait qu'il ait chanté cette chanson, n'a pas été confirmé*; «То, что он пел эту песню, не подтвердилось», «Тот факт, что он пел эту песню, не подтвердился» [Степанов 2001: 956].

В дальнейшем, рассуждая об эволюции концепта «причина» в современной философии и логике, Ю.С. Степанов делает вывод о сближении концептов «причина» и «цель». При этом исследователь опирается, в основном, на работу «Объяснение и понимание» Г.Х. фон Вригта, а точнее, на его схему практического силлогизма: 1) *A* намеревается осуществить (вызвать) *p*; 2) *A* считает, что он не сможет осуществить *p*, если он не совершит *a*; 3) Следовательно, *A* принимается за совершение *a* [Степанов 2001: 961-963].

Таким образом, концепт «причина» рассматривается как сложный, подвижный концепт, на протяжении всей истории своего развертывания связанный с концептом «цель».

Что касается понятия «каузальность», которое многими исследователями отождествляется с каузативностью, то оно трактуется, как правило, двояко. В широком смысле под каузальностью понимается обусловленность или так называемый «каузальный комплекс»: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные и целевые-следственные отношения [Веливченко 1990: 6; Тажибаева 2006]. Каузальность в данной интерпретации объединяет в себе разнообразный круг значений: предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот спектр отношений предполагает, по мнению М.В. Ляпон, такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для другой [Ляпон 1980: 562].

В узком смысле каузальность связывается с выражением причинной зависимости, как правило, синтаксическими средствами, например, посредством

особой группы союзов и их фразеологических эквивалентов [Ахманова 1966: 193; Комаров 1970; Теремова 1985]. Интерпретация каузальности через причинно-следственные отношения обусловлена ядерным положением категории причинности в данном комплексе. Причинные отношения, по выражению В.Б. Евтюхина, «лишены маркирующего признака» и представляют собой «обусловленность, освобожденную от противительности, альтернативы и гипотетичности» [Евтюхин 1996: 165; Ляпон 1988: 113].

Языковая **категория каузативности**, базирующаяся на значениях философской категории причинности, также получает неоднозначную интерпретацию в лингвистической литературе. В целом, анализ трудов по каузативности позволяет выделить два основных подхода к определению семантики данной категории: **онтологический и прагматический**.

Онтологический подход подразумевает выделение каузативных конструкций (КК) на основе их соотнесенности с единицами референтного, или онтологического уровня, т.е. с так называемыми каузативными ситуациями (КС). Впервые данный подход к анализу каузативности был предложен в работе «Типология каузативных конструкций» В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого [Недялков 1969]. Каузативная ситуация рассматривается как макроситуация, состоящая из двух микроситуаций – каузирующей (антецедента) и каузируемой (консеквента), связанных между собой отношением каузации. Отношение каузации в данной работе считается синонимом причинно-следственного отношения, поэтому в разряд «каузативных» попадают конструкции, традиционно рассматриваемые как «каузальные». Так, отношение каузации может быть выражено супрасегментно (*Мы вернулись: пошел дождь*) или каузативными связками, среди которых выделяются служебные и знаменательные. Служебные каузативные связки подразделяются на 1) союзные (следственные: *Пошел дождь, поэтому мы вернулись*; причинные: *Мы вернулись, так как пошел дождь*) и 2) предложные (соответственно послеложные): *Мы вернулись из-за дождя*. Знаменательные связки подразделяются на 1) именные (причинные: *Твоя бестактность – причина его ухода, Ты виноват в его уходе*; следственные: *Его уход – следствие*

твоей грубости) и 2) глагольные: Я *заставил* его уйти; Его ошибка *привела* к нашему поражению [Недялков 1969: 5-8].

В работе В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого особое внимание уделяется глагольным связкам, составляющим не только семантическое, но и грамматическое ядро конструкции. Глаголы, способные выполнять роль такой связки, относят к классу каузативных (КГ). Классификация данных глаголов строится на основе выражаемых ими констант каузативной ситуации (КС):

$$КС = [r_i s_i] k [r_j s_j],$$

где r_i, r_j – соответственно предмет antecedента и консеквента, s_i, s_j – каузирующее и каузируемое состояние*, k – отношение каузации. Каузативные связки, выражающие s_j , называются результативными, связки, выражающие s_i – инструментальными. Таким образом, выстраивается следующая семантическая классификация КГ: 1) одноконстантные (k – *заставить*); 2) двухконстантные результативные (ks_j – *испугать*); 3) двухконстантные нерезультативные ($s_i k$ – *приказать*); 4) трехконстантные ($s_i ks_j$ – *подозвать*) [Недялков 1969: 10].

В работе по каузативам Г.Г. Сильницкого «Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов» КГ также определяются как глаголы, выражающие различные виды причинно-следственных отношений [Сильницкий 1974: 3]. КГ моделируют КС, т.е. передают воздействие и терминальное состояние (синоним консеквента). На основе выражаемых типов терминальных ситуаций выделяются пять ядерных классов КГ [Сильницкий 1974: 11-17]:

1. Нереляционные, т.е. с терминальным состоянием, имеющим лишь один носитель – объект (O): *He built a house (O)*;

2. Координативные, содержащие два (или больше) объекта, связанные одним и тем же терминальным состоянием: *He married Alice (O) to John (O)*;

3. Конъектные, содержащие, помимо объекта и субъекта, по меньшей мере один дополнительный актанта – конъект (K), уточняющий терминальное состояние объекта: *He drove the car (O) to London (K)*;

* В данной работе состояние понимается в широком смысле, как все, что может быть выражено в языке той или иной предикативной формой (*он бежит, ему стыдно, он студент, она упала* и т.д.) или ее производным (*бегство, плач* и т.д.) [Недялков 1969: 6]. В этом смысле авторы, по-видимому, придерживаются взглядов на причинность как на последовательность двух состояний системы (концепция «состояние» – «состояние» по В.Краевскому [Краевский 1967]).

4. Адъектные, содержащие дополнительный актанта – адъект (А), который является «средством воздействия» субъекта на объект: *He blocked the road (O) with his car (A)*;

5. Семиотические, являющиеся разновидностью адъектных и характеризующиеся особым типом терминального состояния – «восприятием», перцептивным состоянием (е), которое может интерпретироваться как «наличие» у объекта определенной информации: *I told him (O) that you (A) were ill (e)*.

КГ вышеперечисленных пяти классов Г.Г. Сильницкий относит к дискретным, т.е. эксплицитно выражающим качественную специфику antecedentного или терминального состояния. Остальные КГ, лишь указывающие на наличие в КС состояний определенных типов, обозначаются как недискретные (*to help, to control, to limit, to determine* и др.). К недискретным относятся также служебные КГ (*to let, to make, to get, to have, to set, to keep*), характеризующиеся обобщенным значением, высокой частотностью употребления, «делексикализированностью» значения и наиболее широким набором порождаемых конструкций [Сильницкий 1974: 17]. Каузативные конструкции, в которых отношение каузации к выражено служебными КГ, получили название аналитических [Недялков 1969: 23].

Помимо семантических, Г.Г. Сильницкий исследует формально-синтаксические свойства КК и выделяет шесть синтаксических классов КК: 1) *He mushrooms.* – N1-Vcaus; 2) *He gathers mushrooms.* – N1-Vcaus-N2; 3) *The acid acted upon the metal.* – N1-Vcaus-prep-N2; 4) *He sent the letter to Moscow.* – N1-Vcaus-N2-prep-N3; 5) *He forced me to leave.* – N1-Vcaus-N2-Vinf; 6) *He said that you had left.* – N1-Vcaus-that-N2-V [Сильницкий 1974: 33-41].

Работы В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого оказали значительное влияние на дальнейшее исследование каузативных конструкций и глаголов в отечественной лингвистике. Во многих последующих исследованиях применяется онтологический подход к выделению КГ и КК – их свойство выражать причинно-следственные отношения между реалиями объективной действительности [Ачаповская 2006; Гречко 1986: 127; Грицютенко 1988: 82; Ковальская 1985: 5; Кузнецова 2004: 64; Листунова 1999: 140; Панасенко 2001: 117; Хлебцова 1986:

8 и др.]. При этом, как правило, объектом исследования являются КГ, а КК определяются как моделируемые каузативными глаголами, т.е. каузативность связывается прежде всего с ее глагольным выражением. В ряде работ, однако, исследуется каузативное значение предлогов [Пряников 2002] и сложно-подчиненных предложений с придаточными причины и следствия [Шмелев 1989], т.е. понятие «каузативность» отождествляется с каузальностью (в ее узком смысле). Широко используется терминология, введенная В.П. Недялковым и Г.Г. Сильницким, и предложенные ими схемы анализа семантико-синтаксических свойств каузативов [Аринштейн 1985а, 1985б; Вялкова 1985; Хлебцова 1986; Шарифова 1982 и др.].

Особо следует отметить работы, в которых выделяются онтолого-семантические типы каузации, по сути, дифференцирующие терминальное состояние, выражаемое КК. Так, Г.А. Золотова выделяет каузацию локализации / пространственного перемещения, каузацию владения, бытия, состояния, признака, качества и действия [Золотова 1973]. Е.А. Гордон, помимо вышеперечисленных, отмечает каузацию эмоций, абстрактного и конкретного действия, сходства [Гордон 1981]. Интересный подход представлен в работе Л.Г. Ковальской, которая выделяет каузацию бытия как один из главных типов каузации на том основании, что каузация бытия может быть противопоставлена всем остальным типам (каузации локативных отношений, качества, состояния, действия, принадлежности), так как она предполагает появление качественно нового объекта, тогда как остальные типы каузации предполагают в качестве результата появление той или иной характеристики существующего объекта. Расширенная трактовка понятия признака как любой временной характеристики позволяет рассматривать данные типы каузации как разновидности обобщенного значения каузации признака [Ковальская 1985: 6].

В ряде зарубежных исследований по каузативам также применяется онтологический подход к определению семантики данной категории. Так, в работе Н.С. Бэрона каузация определяется как отношение между двумя состояниями (X в момент T_1 и X' в момент T_2) и причиной Z , которая обеспечивает необходимые

условия для перехода от X к X' , а сам переход от X к X' обозначается как каузативное действие [Baron 1974: 299]. Таким образом, каузативные конструкции рассматриваются как передающие отношение каузации, или причинения.

Прагматический подход к определению семантики каузативности предполагает обращение к функции, выполняемой данными конструкциями в речи. С точки зрения прагматического подхода каузативность определяется через понятие «побуждения». Значение «побуждения» может манифестироваться двояко: через побудительные конструкции, выражающие побудительный речевой акт, или «непосредственное побуждение» (к ним относят, например, в русском языке, предложения со сказуемым в формах повелительного наклонения, инфинитивные побудительные предложения и ряд других неспециализированных глагольных и неглагольных конструкций) и КК, передающие «сообщение о побуждении», т.е. побуждение не со стороны говорящего, а со стороны субъекта предложения [Веливченко 1990: 4; Корди 1985: 188; Рябенко 1973а: 185-186]. Следует отметить, что В.Ф. Веливченко понимает каузативность несколько шире, относя к каузативным также побудительные конструкции, чего не наблюдается у других авторов.

В целом, значение каузативности в аспекте прагматического подхода чаще всего определяется как «побуждение субъектом объекта к действию или изменению его состояния» [Веливченко 1990: 7; Гоголева 1981: 66; Журавлева 2001: 44; Карпувене 1988: 69; Комаров 1970: 85; Миссюра 1952: 2; Рейдель 1971: 5; Шарифова 1982: 3]. В ряде работ указывается также на побуждение к изменению качества / признака [Гордон 1981: 4; Озюменко 1994: 2; Сымулов 2003: 178], однако данные разногласия связаны не столько с различной трактовкой семантики каузативности, сколько с разницей в определении понятия «состояние». М.С. Танненцапф дифференцирует два вида каузации – действия и состояния – при помощи терминов «побуждение» и «понуждение»: о побуждении говорится, когда предмет, обозначенный дополнением, выполняет действие, названное КГ, о понуждении, когда предмет входит в соответствующее состояние, приобретает качественный признак или лишается его [Таннен-

цапф 1964: 3]. Таким образом, КГ могут рассматриваться как глаголы, обладающие побудительно-понудительной семантикой.

Следует также отметить, что в ряде работ каузативность понимается в более узком смысле – как собственно побуждение, т.е. побуждение к действию [Баратян 1963:81; Бегова 2002: 10-11; Богданов 1977: 81; Кацнельсон 1972: 87; Марузо 2004: 131; Наумова 1967: 3; Рябенко 1973а: 185-186; Филиппов 1978: 90]. Так, А.В. Филиппов отмечает, что КГ выражают «двудействие»: а) активное воздействие со стороны одного субъекта; б) действие другого субъекта, тем или иным способом обусловленное этим воздействием [Филиппов 1978: 90].

Определение каузативности через понятие «побуждения» обуславливает особую связь субъекта КК с идеей одушевленности. Каузация при этом, как в теориях манипулируемости, связывается с антропоцентричностью, агентивностью каузатора, что находит выражение в заполнении позиции подлежащего КК субъектом-лицом [Алисова 1971: 98; Бегова 2002: 10; Кацнельсон 1972: 87; Лайонз 1978: 373; Овчинникова 1986: 33; Ошева 2002: 62]. Тенденция к связи субъектов переходного глагола с одушевленностью отмечается не только Дж. Лайонзом [Лайонз 1978: 373], но и Р. Якобсоном, утверждавшим, что «наиболее подходящим воплощением для действующего субъекта, и особенно субъекта переходного действия, является одушевленное существо» [Якобсон 1985: 144-145].

Так, С.Д. Кацнельсон анализирует ряд примеров с глаголом *заставить*: 1) *Огонь заставил₁ противника залечь*; 2) *Дождь заставил₂ ее вернуться*; 3) *Шорох заставил₃ его вздрогнуть*. Основное значение глагола *заставить₁* каузативное. *Заставить₁* и *заставить₂* объединяет вынужденный характер поступка, совершаемого действующим лицом. Однако, если в *заставить₁* данный поступок продиктован чужой волей, то в *заставить₂* он совершается под давлением обстоятельств. *Заставить₂* эксплицируется как предикативный признак события или факта, при этом событие выступает как причина, приводящая к пересмотру ранее принятого решения. Различителем служит подлежащее *огонь*, которое, хотя и не указывает прямо на инициатора действия, но

является именем фактитивного действия и необходимо предполагает действующее лицо, является метафорой, которую можно раскрыть: *Бойцы интенсивным огнем заставили противника залечь*. В остальных примерах в качестве подлежащего выступают обозначения явлений природы (*дождь, шорох*), что, по мнению С.Д. Кацнельсона, исключает возможность каузативной конструкции. [Кацнельсон 1972: 85-86].

А.Г. Максапетян, анализируя предложения *Человек движет камень; Рука движет камень; Палка движет камень*, также говорит о метафоре, связывающей действующее лицо, агенс, и действующий предмет, инструмент, и вызывающей как деперсонализацию первого, так и персонификацию второго, являясь, тем самым, формой нейтрализации различия между субъектом-лицом, одушевленным деятелем, и субъектом-вещью, неодушевленным деятелем, в пределах общей для них категории субъекта, деятеля как такового [Максапетян 1990: 34]. Данная нейтрализация может быть представлена 1) как метонимия, которая выражает отношение смежности между орудием и лицом (палка – человек); 2) как синекдоха, которая выражает соотношение части и целого (предельный случай смежности) между органом и лицом (рука – человек); 3) как метафора, выражающая сходство между действующей вещью и действующим лицом, начиная с некоторой автономизации действия орудия в контекстах типа: «Перо чертило само собой без ведома хозяина маленькую головку с тонкими острыми чертами» (Н.В.Гоголь) [Максапетян 1990: 37]. Л. Талми называет предложения типа *Рука / палка движет камень* инструментально-каузативными, в отличие от агентивно-каузативных, содержащих прямое указание на инициатора действия [Максапетян 1990: 39].

Таким образом, в концепции С.Д. Кацнельсона каузатор мыслится как инициатор действия, который воздействует на объект каузации с целью добиться от него исполнения определенного действия [Кацнельсон 1972: 85], т.е. субъекту каузативной конструкции приписываются следующие признаки агентивности: 1) одушевленность; 2) волитивность; 3) инициативность, активность, т.н. «воз-

буждение» или «вызывание» действия [Богданов 1977: 81; Журавлева 2001: 44]; 4) намеренность, интенциональность.

Поскольку С.Д. Кацнельсон придерживается узкой трактовки понятия «побуждения» (побуждение к действию), то в его концепции КГ накладываются ограничения не только на семантику субъекта, но и на семантику объекта, который мыслится как исполнитель действия, «партнер», т.е. как лицо [Кацнельсон 1972: 87; Овчинникова 1986: 33]. А.П. Комаров также подчеркивает особую активность объекта каузации, говоря о том, что агент активен лишь при исходном моменте и, инспирировав действие, отключается от дальнейшего участия, а объект, побужденный к действию, является его реальным исполнителем и остается активным от начала и до конца [Комаров 1970: 85]. Такой тип каузации, когда одушевленный каузатор намеренно воздействует на одушевленный объект каузации с тем, чтобы последний совершил некое действие, А. Стефанович обозначил как «манипулирование» (*manipulate type*) [Stefanowitsch 2002].

Итак, каузация в данной трактовке рассматривается как причинно-целевое отношение. Подобное сближение понятий причинения и цели находим и у Ш. Балли, который интерпретировал каузацию при помощи формулы «сделать так, чтобы...» [Балли 1955: 124]. А. Вежбицкая также указывает на связь каузации с интенциональностью и анализирует КК *John (X) opened the door (Y) with a key (IN)* «Джон открыл дверь ключом» следующим образом: «Нечто произошло с Y, что может мыслиться как нечто, происшедшее с IN (например, IN входит в контакт Y), потому что X сделал нечто (например, X привел в движение IN), потому что X *хотел, чтобы* нечто произошло с Y (чтобы нечто могло быть сказано об Y), не потому что X *хотел, чтобы* нечто произошло с IN (чтобы нечто могло быть сказано об IN)» [Вежбицкая 1997: 71; Максапетян 1990: 12].

В связи с рассуждениями о близости категорий каузативности и цели следует упомянуть о работе Дж.Дж. Сонга «Каузативы и каузация: универсальная типологическая перспектива» [Song 1996], в которой автор на базе 408 языков разрабатывает типологию КК и выделяет три основных типа:

1) AND тип, который представляет собой бипредикативную каузативную конструкцию, первая предикативная единица в которой выражает причину [Vcause], а вторая – результат [Veffect]. Данный порядок является иконическим, поскольку отражает темпоральное следование событий-референтов. Граница между единицами минимальной предикации имплицитно или эксплицитно выражена координатором AND:

$$S_1(S_2(\dots[Vcause]\dots)S_2+AND+S_2(\dots[Veffect]\dots)S_2)S_1$$

She whistled and the dog came running.

2) PURP тип, ранее не относимый к каузативам. КК данного типа состоят из двух предикативных единиц, выражающих события X и Y, где X совершается с целью реализации Y. Порядок следования предикативных единиц, выражающих [Vcause] и [Veffect], не является строго заданным:

$$S_1(S_2(\dots[Veffect]\dots)S_2+PURP+[Vcause]\dots)S_1 \text{ или}$$

$$S_1(\dots[Vcause]\dots S_2(\dots[Veffect]\dots)S_2+PURP)S_1$$

I came to Paraguay to work.

3) COMPACT тип, исторически представляющий собой результат редукции или грамматикализации типов AND и PURP. Он включает лексические и морфологические КК, которые являются монопредикативными:

$$S_1(\dots[Vcause]+[Veffect]\dots)S_1$$

Mrs. Marina boils the water.

Сближение данных типов конструкций, которые традиционно трактуются как каузальные, целевые и каузативные соответственно, осуществляется на основании общности когнитивного механизма каузации, в котором Дж.Дж. Сонг выделяет три компонента: (i) осознание желания; (ii) обдуманная, намеренная попытка осуществить желание; (iii) исполнение желания.

Данные компоненты представляют собой внутреннюю темпоральную последовательность, которая сохраняется, даже если один из компонентов не эксплицируется в определенной конструкции. Так, в КК AND типа находят выражение только компоненты (ii) и (iii), а в КК PURP типа – (i) и (ii). По сути,

данные компоненты когнитивного механизма каузации сходны со схемой практического силлогизма В.Х. фон Вригта, приведенной выше.

Вместе с тем, интенциональность далеко не всеми рассматривается как необходимый атрибут субъекта КК. Так, А. Вежбицкая выделяет КК с интенциональными (например, *X made Y wash the dishes*) и неинтенциональными неличными формами (например, *X had Y crying*) [Вежбицкая 1997: 71].

В ряде работ по каузативности данная категория связывается не столько с понятием «цель», сколько с понятием «результат». Так, М. Шибатани выделяет следующие условия, необходимые для того, чтобы считать ситуацию каузативной: 1) отношение между двумя событиями таково, что говорящий уверен, что «каузируемое событие» произошло в момент t_2 , который следует за моментом t_1 , временем «каузирующего события»; 2) отношение между каузирующим и каузируемым событиями таково, что говорящий уверен, что наступление каузируемого события целиком зависит от наступления каузирующего события; эта зависимость такова, что внушает говорящему уверенность, что каузируемое событие не произошло бы именно в то самое время, если бы не произошло каузирующее событие, при условии, что другие события остались бы прежними [Shibatani 1976: 1-2; Амагов 2000: 5].

Каузативные глаголы при этом определяются как такой вид глаголов, которые моделируют каузативные ситуации, т.е. выражают одновременно как воздействие, так и терминальное состояние объекта [Амагов 2000: 6]. Критерием выделения группы КГ в данном случае является наличие у последних так называемой «семы результирующего воздействия», которая выявляется следующим образом [Shibatani 1976; Амагов 2000: 7]:

- a. *John kicked the ice, but nothing happened to it* (некаузативный глагол).
- b. **John melted the ice, but nothing happened to it* (КГ).

При таком подходе многие глаголы, традиционно относимые к каузативным (например, в частности, глаголы речевой каузации), рассматриваются не как каузативные, т.е. передающие воздействие и его результат, а как побудительные или волитивные [Амагов 2000: 7]:

- a. *John **ordered** Mary to leave, but she didn't* (некаузативный глагол).
b. **John **caused** Mary to leave, but she didn't* (КГ).

Вместе с тем, каузативное значение предиката оказывается структурно-обусловленным и может быть утрачено, например, при его употреблении как инфинитива в функции обстояательства цели:

*John kicked the ball to **make** it hit Bill, but he missed.*

Итак, если каузативное действие рассматривается как цель, то оно вовсе не обязательно реализуется [Аматов 2000: 17].

Таким образом, в данной трактовке исследуемой категории разводятся понятия «каузативность» и «цель» и каузативность сближается с результативностью.

В некоторых теориях, в особенности в так называемой генеративной, или композициональной, семантике, допускающей расщепление значения слова в синтаксическом анализе, каузатив рассматривается как семантическая деривационная единица, которая «превращает глагольный корень, выражающий процесс (либо органически, либо как результат предыдущей деривации) в корень, который деривативно выражает как процесс, так и действие» [Чейф 1975: 149]: *The dish broke* (Блюдо разбилось) → *Linda broke the dish* (Линда разбила блюдо). На глубинном уровне данная каузативная трансформация характеризуется добавлением к исходной семантической структуре слова элемента CAUSE («каузировать»), что сопровождается изменением валентности исходного глагола [Лайонз 1978; McCawley 1972; Morgan 1969; Ross 1972 и др.]. Данный элемент может быть выражен формально (например, при помощи служебных каузативов в аналитических КК: *I did it* → *He made me do it*) или может быть не представлен на поверхностном уровне (например, *есть* → *кормить* – т.н. «скрытые», или лексические каузативы [Арутюнова 1976: 167]). В последнем случае каузативы типа *to kill* выводятся из глубинной структуры *cause to die* [McCawley 1972: 141].

Ряд лингвистов, в частности Д. Круз и Дж. Фодор, указывали на неадекватность такого подхода к анализу скрытых каузативов в связи с различиями между лексическими и соответствующими аналитическими структурами с *cause* [Cruse

1972; Fodor 1970; Shibatani 1976; Амаатов 2000]. Сюда входят следующие дихотомии: субъектная / объектная доминантность, наличие / отсутствие функционального разделения при выражении антецедентного и терминального состояний, дискретность / синхронность каузирующего и каузируемого событий, одно- / двухсобытийность, абстрактность / конкретность каузирующего воздействия, манипулятивность / директивность каузации, инструментальность / неинструментальность передаваемого воздействия [Амаатов 2000: 8]. В частности, аналитические каузативы, в отличие от лексических, выражают опосредованную, а не прямую каузацию, отдельную, а не единую событийность. Так, аналитические каузативы выражают ситуацию, в которой возможен относительно большой временной интервал между действием причины и наступлением следствия, что подтверждается допустимостью трансформации таких конструкций при помощи лексических обстоятельственных показателей темпоральности: *Bill caused John to die by stabbing him.* → *Bill caused John to die on Monday by stabbing him on Sunday*, и невозможностью **John killed Bill on Monday by stabbing him on Sunday*.

В отечественных работах по деривационному синтаксису каузация описывается как семантическая деривация сказуемых, поскольку «в ходе деривации на каждом такте в сказуемое вводится один и тот же минимальный семантический элемент – каузация» [Храковский 1969: 146; см. также Золотова 1973: 283; Боронникова, Левицкий 2002: 196-197]. Этот процесс может быть рекурсивным: *лежать* → *уложить* → *попросить уложить...*; в таких случаях говорится о двойной, тройной и т.д. каузации [Храковский 1969: 146]. Каузативные конструкции считаются, таким образом, усложненным, двупланным типом предложения в сравнении с соответствующими некаузативными коррелятами [Золотова 1973] и трактуются через глагол «каузировать». Однако, как отмечает Ю.Д. Апресян, искусственный глагол «каузировать», используемый в толкованиях КК, утратил свою однозначность: *X каузирует P =*

1) ‘Действия X-а являются причиной того, что P *начинает* иметь место’, ср. *Петр бросил камень* = ‘Действия Петра были причиной того, что камень начал лететь или падать’;

2) ‘*Действия X-а являются причиной того, что P имеет место*’, ср. Старик ведет ослика = ‘Действия старика являются причиной того, что ослик идет...’;

3) ‘X является причиной того, что P *начинает* иметь место’, ср. Неосторожное обращение с огнем вызвало пожар = ‘Неосторожное обращение с огнем было причиной того, что начался пожар’;

4) ‘X является причиной того, что P имеет место’, ср. *Ветер движет крылья мельницы* = ‘Ветер является причиной того, что крылья мельницы движутся’ [Апресян 1998: 276]. По сути, КК рассматриваются как образующие бинарные оппозиции по признакам «начинательность – неначинательность действия» и «агентивность – неагентивность каузатора».

Таким образом, каузативность считается при данной трактовке не столько семантической, сколько семантико-синтаксической категорией. Так, И.Б. Долинина относит каузативность к валентностным категориям, поскольку изменение семной структуры глагола, которая теперь имеет дополнительную сему каузации, влечет за собой перестройку семантической, т.е. валентностной, структуры глагола, связанную с добавлением к ней нового партиципанта [Долинина 1982: 74]. Более того, на том основании, что при каузативности существенными являются субъектно-объектные отношения, она иногда причисляется к категории залога, т.е. рассматривается как собственно грамматическая категория.

Естественно, что статус данной категории зависит от средств ее выражения в том или ином языке. В целом, как утверждает В.Б. Касевич, в том, что подводят под понятие каузативности, можно различать каузативность лексическую, словообразовательную и грамматическую (морфологическую) [Касевич 1990: 85].

О **лексической** каузативности можно говорить постольку, поскольку в словаре языка существует класс лексем, толкование которых требует использования элемента (семы) «каузировать» [Касевич 1990: 85]. «Смысловой» каузатив, по Г.А. Золотовой, существует во всех языках и содержится в семной структуре большей части переходных глаголов с разными типовыми значениями [Золотова 1973: 286]. Во всех языках есть пары глаголов, образующие

каузативные корреляции, члены которых связаны супплетивными отношениями, т.е. характеризуются несовпадением корневых морфем:

рус.: *есть* – *кормить*, *просыпаться* – *будить*, *гореть* – *жечь* ...

англ.: *to die* – *to kill* (умирать – убивать), *to fear* – *to frighten* (пугаться – пугать), *to fall* – *to drop* (падать – ронять)...

удм.: *сисъкыны* – *шюдыны* (есть – кормить), *кыллыны* – *поныны* (лежать – класть)...

нем.: *sehen* – *zeigen* (видеть – показывать), *sterben* – *töten* (умирать – убивать), *essen* – *füttern* (есть – кормить) ...

Кроме того, существуют глаголы, само лексическое значение которых передает побуждение / причинение: *to cause*, *to force*, *to ask*, *to order*, *to allow*, *побуждать*, *велеть*, *обусловливать*, *вызывать*, *приводить к* и др.

Словообразовательная каузативность предполагает пары лексем, производящую и производную, из которых первая называет некоторую ситуацию, а вторая – ту же ситуацию, только уже в качестве каузированной, с помощью корня (основы) и каузальное воздействие – словообразовательным средством [Касевич 1990: 86].

Так, во французском языке КГ могут образовываться при помощи префиксов *a-* (*agrandir*), *en-* (*endormir*) и суффиксов *-iser* (*canaliser*) и *-ifier* (*amplifier*, *simplifier*) [Цеева 2004: 193].

В ряде языков можно выделить более-менее регулярные словообразовательные соответствия в оппозиции каузатив-некаузатив. Например, в японском языке выделяется 18 типов таких соответствий, в частности *ar/er*: *agaru* – *ageru* (*rise* – *raise*), *re/s*: *hazureru* – *hasusu* (*come off* – *take off*) и др. [Harley].

Морфологическая каузативность представлена там, где имеется регулярный, распространяющийся на открытый класс лексем способ образования посредством аффикса или служебного слова. Семантика каузативного воздействия передается грамматически, а каузируемой ситуации – лексически [Касевич 1990: 86].

При регулярном аффиксальном оформлении маркера каузативности обычно говорится о существовании в языке каузативного, или понудительного залога.

Маркированным членом оппозиции может быть как каузативный по смыслу член оппозиции (в этом случае направления формальной и синтаксической деривации совпадают), так и некаузативный (направления смысловой и формальной деривации противоположны): башкирск. *һын* «ломаться» → *һын-дыр-* «ломать», арабск. *ta-kassara* «ломаться» ← *kassara* «ломать» [Недялков 1969: 20-21]. Каузативный залог характерен для языков агглютинативного строя.

Так, в удмуртском языке для образования глаголов понудительного залога используется суффикс – *ты-*, при помощи которого КГ образуются почти от всех глаголов:

- переходных: *вурьны* «шить» – *вурьтыны* «заставить шить»;
- непереходных: *лобаны* «летать» – *лобатыны* «заставить летать»;
- возвратных: *вораськыны* «закрыться» – *вораськытыны* «заставить закрыться»;
- с формой притворного действия: *иземьяськыны* «делать вид, что спишь» – *иземьяськытыны* «заставить притворяться спящим»;
- понудительных: *люкатыны* «заставить собирать» – *люкатытыны* «попросить заставить собирать». В этом случае конструкция выражает ситуацию двойной каузации, когда одно лицо побуждает другое воздействовать на третье лицо [Грамматика 1965; Алатырев 1983: 582].

В турецком для образования каузатива используется ряд фонетически и этимологически обособленных суффиксов, дистрибуция которых не всегда предсказуема: *-ir-* (*-ér-*), *-dir-* (*-tér-*, *-tur-*, *-tir-*, *-dür-*), *-t-*. Например, *bit-mek* – *bit-ir-mek* (заканчиваться – кончать), *ye-mek* – *ye-dir-mek* (есть – кормить), *öl-mek* – *öl-dür-mek* (умирать – убивать), *bekle-mek* – *bekle-t-mek* (ждать – позволять ждать) [Müller 2000]. Каузативные суффиксы используются и в других тюркских языках, например, в узбекском, татарском, хакасском, чувашском, казахском.

В ряде языков, в частности в большинстве семитских (арабском, иврите, сирийском) используется каузативная префиксация. В языке майори каузатив образуется при помощи префикса *whaka-*, присоединяемого к глагольной основе: *ako* – *whakaako* (учиться – обучать). В филиппинских языках каузативы об-

разуются как от глаголов, так и от прилагательных при помощи приставки *pa-*: *dakkel – padakkelen* (большой – увеличивать) – язык *Ilokano*, *kain – rakainin* (есть – кормить) – язык *Tagalog (WP)*.

Каузативный залог существовал и в санскрите. По данным Л.И. Куликова, в санскрите наблюдается два основных способа выражения каузативного значения: суффикс *-áya-* и различные варианты носового аффикса (*-nó-/ -ni*, *ná-/nī-*, *-ná-/ -n-*), которые находятся между собой в отношении дополнительного распределения. Каузативы с носовыми аффиксами образуются только у диффузных глаголов (т.е. засвидетельствованных как в переходных, так и в непереходных конструкциях), и, наоборот, преимущественно-непереходные глаголы образуют каузатив только при помощи суффикса *-áya-*, что позволяет квалифицировать его как единственный продуктивный показатель каузатива уже в языке «Ригведы» (к. II тыс. до н.э.) [Куликов 1989].

В германских языках существовала группа слабых глаголов вторичного образования, обладающих каузативным значением. Отличительной чертой данной группы глаголов являлся основообразующий суффикс *-ja-*, восходящий к каузативному суффиксу *-áya-* в санскрите. Наиболее отчетливо данный суффикс прослеживается в готском: гот. *drighan* ‘пить’ – *draghjan* ‘поить’ [Десницкая 1945: 136]. В древнеанглийском суффикс *-ja-* выпадал, вызывая перегласовку корневого гласного и в некоторых случаях геминацию предшествующего согласного: *swelan* ‘умирать’ – *swellan* ‘убивать’, *būgan* ‘сгибаться’ – *bīegan* ‘сгибать’. При помощи данного суффикса КГ могли образовываться и от именных основ: *wurman* ‘согревать’ ← *wearm* ‘теплый’, *tīeman* ‘производить’, ‘рождать’ ← *tēam* ‘потомки’ [Ярцева 1961: 177]. Некоторые исследователи современных английского и немецкого языков относят к каузативным только глаголы, восходящие к глаголам с прасуффиксом *-ja-* (Г. Хирт, Шлейхер), или выделяют данные КГ в особую группу исторических каузативов [Бевава 2002: 13].

Ряд исследователей, работающих в сравнительно-типологическом направлении, выделяют также **синтаксическую** каузативность [Бевава 2002; Курбаназаров 1990; Эргашев 1990]. Последняя находит выражение в языке в виде

двухчастных синтаксических конструкций, первая часть которых представляет собой глагол, содержащий сему каузации, а вторая – комплемент, передающий терминальное состояние объекта каузации. Обычно о синтаксическом способе выражения каузативности говорят в отношении конструкций со служебными КГ, которые в английской литературе о каузативах также называют «перифразическими» [Baron 1973: 307] или «аналитическими» [Stefanowitsch 2002], однако ряд авторов причисляет к синтаксическим КК, ядром которых служат любые глаголы с каузативным значением [Бегова 2002; Храковский 1969; Эргашев 1990]. В частности, имеются в виду конструкции, образованные в английском языке при помощи глаголов *to allow, to beg, to cause, to force, to order* и др. и в русском – *позволять, просить, умолять, побуждать, приказывать* и др.: *I begged Helen to stay but she wouldn't listen (LD). В Прощеное воскресенье она приказала мне приехать к ней в пятом часу вечера (И.А. Бунин)*. Такого рода конструкции строятся по «полуабстрагированным» моделям, в отличие от более «абстрагированных» моделей со служебными КГ [Курбаназаров 1990: 121]. В широком понимании синтаксической каузативности синтаксические средства выражения каузативной семантики, подобно лексическим, относятся к разряду «общетипологических», присущих всем разносистемным языкам [Эргашев 1990: 14]. Таким образом, в зависимости от наличия в языке каузативного залога (морфологической каузативности), языки подразделяются на морфологически- и синтаксически-ориентированные [Бегова 2002]. Средства репрезентации категории каузативности в разноструктурных языках представлены в таблице, основанной на данных Т. Эргашева (Приложение 1).

Таким образом, каузативность определяется как универсальная типологическая категория, характеризующаяся широким набором средств выражения (лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических) в разных языках и обладающая весьма неоднозначной семантикой, которая отражает близость собственно каузативных, каузальных, целевых и результативных значений. В целом, семантика каузативности может рассматриваться в русле двух выделенных нами подходов: онтологическом – через понятия «при-

чинности» / «причинения», и прагматическом – как «побуждение». В данной работе мы будем придерживаться онтологического подхода к определению семантики данной категории. Вместе с тем, с целью разграничения понятий каузальности и каузативности, которые при данной трактовке каузативности оказываются пересекающимися, а у ряда авторов и тождественными, каузативными конструкциями мы будем считать конструкции, ядром которых является каузативный глагол. Тем самым мы, вслед за Е.Е. Корди, связываем каузативность с выражением причинно-следственных отношений в системе глагола [Корди 1988: 21] и не накладываем ограничений на семантику каузатора и объекта каузации.

1.3. Функционально-семантическое поле категории каузативности

Лексико-семантический характер категории каузативности бесспорно признается всеми лингвистами. Вместе с тем, неясным остается вопрос о функционально-семантическом статусе данной категории. Иными словами, не определено, является ли каузативность тем «основным инвариантным категориальным признаком», на котором базируется многоступенчатая подсистема содержательной вариативности, выражаемая в языке морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими и контекстуальными средствами, т.е. образует ли каузативность функционально-семантическое поле [Бондарко 1987г: 5, 28].

Построение функционально-семантических полей (ФСП) является основным принципом функциональной грамматики, разрабатываемой ее основоположником А.В. Бондарко и Н.А. Козинцевой, Е.Е. Корди, Ю.С. Масловым, В.П. Недялковым, С.М. Полянским, В.С. Храковским, М.А. Шелякиным и др. Понятие ФСП дает системное основание для анализа функций языковых единиц разных уровней и определяется А.В. Бондарко как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1987г: 11]. Данная концепция

опирается на теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова и теорию полей, разработанную В.Г. Адмони, Е.В. Гулыгой, Е.И. Шендельс, М. Гухманом, И.П. Ивановой, Г.С. Щур и другими лингвистами.

ФСП обладает следующими системными признаками: 1) признак целостности, характеризующий содержание поля; 2) признак формальной неограниченности, т.е. отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств выражения, которые могут быть морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими и любыми их сочетаниями [Бондарко 1987г: 36-39].

В ранних версиях функциональной грамматики подчеркивается, что исходным моментом при выделении ФСП является грамматическая категория (ГК) и соответствующий ей набор формальных, прежде всего – морфологических средств: «...Из множества смыслов, выражаемых в текстах на данном языке, необходимо отобрать категориальные смыслы. Речь идет о тех смыслах, которые в своем языковом воплощении не только выражаются так или иначе в речи, но и принадлежат строю языка, лежат в основе грамматических (и лексико-грамматических) единиц, классов и категорий» [Бондарко 1983: 52]. Как отмечает А.К. Киклевич, функциональная теория А.В. Бондарко ориентирована на грамматические (морфологические) категории и на анализ языков с флективной морфологией [Киклевич 1999:75], что признавал и сам автор [Бондарко 1967: 19; Бондарко 1985: 29]. Однако в более поздних версиях функциональной грамматики, рассуждая о структуре ФСП, А.В. Бондарко выделяет два основных структурных типа: поля моноцентрические и полицентрические. Моноцентрические поля могут быть как с целостным грамматическим ядром, т.е. опираться на грамматическую категорию (например, темпоральность – ГК времени, объективная модальность – ГК наклонения в русском языке), так и с комплексным, или гетерогенным ядром, т.е. поля, опирающиеся на комплекс взаимодействующих разноуровневых языковых средств (поля длительности и временной локализованности в русском языке). В последнем случае отсутствует расчленение ФСП на разные функциональные сферы с внутренней

дифференциацией «центр — периферия», характерное для ФСП с четко выраженной полицентрической структурой. Полицентрические поля характеризуются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты; в русском языке к данному типу относится большинство ФСП [Бондарко 1987г: 34-36]. Таким образом, признаются разнообразные опоры для выделения ФСП – не только грамматические (морфологические), но и лексико-грамматические. С содержательной стороны категории функциональной грамматики, как отмечает Е.В. Клобуков, ориентированы на отображение внеязыковой реальности (ФСП темпоральности) и на фиксацию компонентов коммуникативного акта (ФСП модальности) [Клобуков 2001: 40].

В целом, при выделении центра ФСП исходят из следующих критериев: 1) частотность употребления того или иного языкового средства при выражении определенного категориального значения; 2) максимальная функциональная нагрузка; 3) максимальная концентрация специфических для данной категории признаков; 4) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции [Виноградова 2003: 118].

ФСП представляют собой иерархическую систему, включающую три основных уровня: 1) группировки ФСП (максимально широкие объединения ФСП), 2) комплексы ФСП, 3) отдельные ФСП.

А.В. Бондарко выделяет следующие основные группировки ФСП:

- 1) ФСП с предикативным ядром (аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, бытийность, персональность, залоговость);
- 2) ФСП с субъектно-объектным ядром (субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания);
- 3) ФСП с качественно-количественным ядром (качественность, количественность, компаративность);
- 4) ФСП с обстоятельственным ядром (локативность, комплекс полей обусловленности) [Бондарко 1987г: 31-34].

В членении ФСП находят отражение известные типы языковой категоризации, имеющие грамматический (в широком смысле – лексико-грамматический) характер. В целом, в таком делении прослеживается связь с семантикой полнозначных частей речи (глаголом, существительным, прилагательным, наречием) и свойственными им ГК. Данное представление о системе ФСП охватывает основные функциональные единства, но, вместе с тем, является в некоторой степени условным, поскольку, во-первых, невозможно исчислить точное количество ФСП в том или ином языке, во-вторых, в разных языках ФСП могут принадлежать к разным структурным типам, иметь разную значимость и взаимопересечения с другими полями [Бондарко 1987г: 31-34].

Таким образом, конкретное описание ФСП должно сводиться к нескольким задачам: 1) описание инвентаря средств выражения определенного круга смыслов; 2) выявление структуры поля, т.е. выделение элементов ядра («центра») и элементов периферии; 3) изучение связей (пересечений) исследуемого ФСП с другими отдельными ФСП и положения данного ФСП в системе комплексов и группировок ФСП.

Выделение ФСП каузативности в русском языке связано с определенными трудностями – прежде всего, с отсутствием единого формального показателя каузативности (аффикса / служебного слова). Тем не менее, уже были предприняты определенные попытки в этом направлении.

В работе «Типология каузативных конструкций» В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого КК рассматриваются как образующие поле, с грамматическим ядром – КГ, и периферией – конструкциями, выражающими каузацию супрасегментно. Последние относятся к периферии, поскольку их каузативность является факультативной, зависит от конкретного лексического наполнения [Недялков 1969: 8-10].

О.А. Хлебцова выделяет лексико-семантическое поле каузативных глаголов в русском языке, структура которого характеризуется наличием и взаимодействием четырех микрополей, т.е. групп глаголов того или иного структурно-семантического типа: одноконстантных (*побудить*); двухконстантных нерезульт-

тативных (*просить*); двухконстантных результативных (*радовать*); трехконстантных (*выпянуть*) (терминология В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого). В соответствии с этим, все каузативные глаголы в русском языке делятся на два лексико-семантических типа: слабохарактеризованные (одноконстантные), образующие ядро лексико-семантического поля, и характеризованные (двух- и трехконстантные), дифференцирующие основное значение каузации с помощью семантических признаков (параметров) «способ каузации», «результат каузации», «субъект каузации», «объект каузации» и составляющие периферию поля. В работе также рассматриваются парадигматические отношения между основными структурными единицами поля – привативные, эквиолентные и дизъюнктивные [Хлебцова 1986]. Вместе с тем, открытым остается вопрос о внешних связях КГ, о соотношении каузативности с другими языковыми категориями.

В работе Е.А. Гордон впервые предпринимается попытка выделения ФСП каузативности в русском языке. Каузативность рассматривается как семантическая категория и отмечается, что она не может быть признана грамматической, так как значение каузативности не имеет постоянной закрепленной за ним формы выражения. В качестве морфологического ядра данного ФСП анализируются каузативные глаголы. Автор подчеркивает, что соотношение семантики элементов, образующих морфологическое ядро ФСП неоднозначно и в самой группе КГ можно выделить центр – фактитивные глаголы, интерпретируемые через сему «заставить», и периферию – фактитивные глаголы, допускающие толкование через семы «сделать так, чтобы...» (*обессмертить*, *растворить*) и «способствовать» (*просветить*, *участить*), а также другие фактитивные и пермиссивные глаголы, трактуемые через сему «допускать» (*допустить*, *разрешить*, *позволить*) [Гордон 1981: 10]. К периферии ФСП Е.А. Гордон относит: 1) средства сложноподчиненного предложения; 2) конструкции со служебными глаголами *заставить*, *вынудить*, *велеть...* или же *дать*, *позволить* и др. в сочетании с инфинитивом; 3) комбинации средств контекста (например, «он сказал ему выйти» имеет ту же семантику, что и «он велел ему выйти») [Гордон 1981: 2-6]. По сути, вышесказанное означает, что

ФСП каузативности входит или пересекается с ФСП обусловленности, куда относят сложноподчиненные предложения, обладающие схожей семантикой. Неясным остается вопрос, почему глаголы типа *заставить*, *велеть* и пр. относятся к служебным и, вместе с тем, составляют периферию, а не центр ФСП. Далее в работе автор явно противоречит самой себе: вышеперечисленные глаголы называются собственно-каузативными, так как в них «семантика каузативности не осложнена другими лексическими значениями», но признается, что данные глаголы сохраняют свое лексическое значение, поэтому «их роль нельзя свести к служебной» [Гордон 1981: 12-13]. Отмечаются лишь факты ослабления лексического значения КГ и приобретение им полуслужебного характера в конструкциях типа *дать понять*, *дать знать* [Гордон 1981: 14].

В работе С.К. Бевой каузативность в русском языке определяется как функционально-семантическая категория с морфологическим ядром – глагольной каузативностью. Изучение ФСК каузативности проводится в сравнительно-типологическом аспекте, и русский язык по преобладанию лексического способа выражения данной ФСК относится к лексически-ориентированному типу (в отличие от синтаксически-ориентированного английского и морфологически-ориентированного адыгейского языков) [Бевава 2002].

Рассмотрим способы выражения каузативности в русском языке:

1. **Лексический способ:** оппозиция каузатив / некаузатив выражается противопоставлением разнокоренных лексем (*лить* – *течь*, *кормить* – *есть*, *жечь* – *гореть*). Такие пары называют также супплетивными соответствиями [Недялков 1969: 22; Озюменко 1994: 2].

Кроме того, ряд глаголов не образуют оппозиции и передают причинно-следственные отношения на уровне лексем: *обуславливать*, *причинять*, *приводить (к)*, *мотивировать*, *зависеть (от)* и т.д.

2. **Словообразовательный способ.** Наиболее продуктивным способом образования оппозиций каузатив–некаузатив в современном русском языке является постфиксация: *сгибать* – *сгибаться*, *ломать* – *ломаться*. В этих корреляциях направления семантической и формальной деривации не совпадают,

так как семантическая структура каузатива сложнее на один компонент (сему каузации), а маркированным членом оппозиции является некаузатив, который Е.В. Падучева также называет «декаузативом» [Падучева 2001]. Ю.Д. Апресян отмечает, что к таким оппозициям следует подходить дифференцировано, поскольку не во всех случаях мы имеем дело с каузативами. Так, глаголы *восхищать* и *восхищаться* во фразах типа *Его восхищает мужество покорителей космоса* ↔ *Он восхищается мужеством покорителей космоса* представляют собой точные конверсивы, т.е. совершенно равнозначны и не выражают значение каузативности [Апресян 1998: 274-280].

Продуктивным при образовании отадъективных КГ является префикс *о-/об-*, что объясняется, по мнению Е.А. Гордон, наличием у него значений, характерных для процесса каузации (например, значения «снабжение чем-л. в результате действия»: *озеленить, оснастить*; «превращение в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств: *облагородить, обогатить*; «сделать похожим»: *офранцузить, ополячить*) [Гордон 1981: 7]. Для образования КГ со значением каузации состояния может использоваться ряд префиксов, в частности *обез/с-* (*обесцветить, обезглавить*) и *у-* (*упростить, увлажнить*) и суффикс *-ирова-* (*архаизировать, механизировать*).

Е.А. Гордон также выделяет в русском языке два непродуктивных, но регулярных словообразовательных типа:

а) отыменные КГ с суффиксом *-и-*, коррелирующие с некаузативами с формантом *-е-*, которые мотивированы теми же основами прилагательных и существительных (*сиротить – сиротеть, пьянить – пьянеть*);

б) КГ с суффиксом *-и-* и парные некаузативы с суффиксом *-ну-* (*гасить – гаснуть, слепить – слепнуть*).

Сохранились также единичные примеры старых внутрикорневых чередований, восходящих к глаголам с индоевропейским прасуффиксом *-ejo-* и имевших каузативную функцию: *умереть – уморить, гибнуть – губить, пить – поить, глухнуть – глушить* и др.

Все остальные соответствия непродуктивны и нерегулярны: *нервничать* – *нервировать*, *мутнеть* – *мутить*, *досадовать* – *раздосадовать* и др. [Гордон 1981; Хлебцова 1986].

3. Синтагматический / контекстуально-синтаксический способ (термины Е.Е. Корди и В.И. Озюменко), когда в рамках одной и той же лексемы совмещаются два варианта – с каузативным и некаузативным значением: *Солнце заглядывало в стаканы и просвечивало красное вино* (К. Паустовский) – *На небе слой облаков очень тонок, и поэтому сквозь него просвечивало солнце* (К. Паустовский) [Озюменко 1994: 3]. Ряд авторов, в частности О.А. Хлебцова, рассматривает данные образования как конверсивные пары [Хлебцова 1986: 11].

4. Лексико-синтаксический способ. В русском языке широко распространены конструкции с одноконстантными и двухконстантными фактитивными (*заставлять, принуждать, вынуждать, побуждать, велеть, приказывать, требовать, молить, уговаривать* и т.д.), пермиссивными (в широком смысле – непрохибитивными: *дать, позволять, разрешать* и прохибитивными: *запрещать, мешать, препятствовать* и т.д.) и инфинитивом, передающим терминальное состояние. Заметим, что ряд авторов выделяют больше семантических вариантов каузативного значения. В частности, С.К. Бегова предлагает разграничивать следующие значения каузативности: реквестив (просьба), персив (разрешение), императив (приказ), аппелятив (призыв) и собственно каузатив (понууждение) [Бегова 2002: 7]. Г. Карпувене выделяет ассистив, выражающий значение помощи [Карпувене 1988: 70]. С другой стороны, все эти значения можно рассматривать как разновидности фактитивной каузации, характеризующиеся разной иллокутивной силой и степенью участия каузатора.

В данных конструкциях возможна замена КГ и инфинитива отглагольным именем, что, однако, не меняет существа выражаемых отношений, так как отглагольное имя остается обозначением действия со всем его комплексом субъектно-объектных и фазисно-модальных отношений [Золотова 1973: 280]:
...Я попросил у нее разрешения позвонить по телефону (В. Каверин).

Тем не менее, даже в случае с одноконстантными КГ нельзя говорить о наличии исключительно синтаксического, или аналитического способа выражения каузативности в русском языке, поскольку данные КГ сохраняют свое лексическое значение и выражают помимо каузативного, ряд модальных значений: например, *заставить* – «поставить в необходимость делать что-н.», *позволить* – «дать возможность, допустить» [Ожегов 2005].

Одним из продуктивных способов выражения каузации состояния в русском языке являются описательные глагольно-субстантивные обороты, образованные КГ *вызывать*, *наводить*, *причинять*, *ввергать (в)*, *повергать (в)*, *приводить (в)*: *вызывать восхищение*; *наводить тоску*; *причинять боль*; *ввергать в отчаяние*; *повергать в уныние*; *приводить в ужас*. Е.Н. Лагузова подразделяет данные конструкции на каузативные (с первыми тремя КГ) и каузативно-фазисные, отличающиеся большей степенью воздействующей силы и имеющие интегрирующее значение «заставить проникнуться чувством, погрузиться в переживание, выраженное существительным» [Лагузова 1995].

5. Комбинации средств контекста. В русском языке существует особая группа глаголов, которые не имеют формальных маркеров каузативности и приобретают каузативное значение в некоторых определенных контекстах. Так, в нижеприведенных примерах одна и та же форма глагола «лечит» может быть интерпретирована как некаузативная (примеры а, б) и каузативная (примеры в, г) [Тоорс 1987: 595]:

- а) Врач лечит соседа; б) Врач лечит соседа в больнице;
- в) Сосед лечит сына в больнице; г) Сосед лечит сына у врача.

Л.Х. Бабби указывает на то, что «лечит» и другие контекстуальные каузативы образуют относительно небольшой семантический класс: они, как правило, обозначают физическое действие, регулярно выполняемое одним человеком для другого (например, шитье, починка, стрижка и т.д.) [Babby 1983: 76], в связи с этим ученый вводит для таких глаголов термин «service causatives» (сервисные каузативы или каузативы оказания услуг) [Babby 1981: 25]. Г.Х. Тупс насчитывает около 40 подобных глаголов и сочетаний, как рефлексивных

(*бриться, креститься, одеваться, сниматься, стричься* и т.д.), так и нерефлексивных (*вставлять, выгружать, делать операцию, делать перманент, завивать, красить* и т.д.) [Тоорс 1987: 597-600]. Вместе с тем, по мнению Г.Х. Тупса термин «сервисные каузативы» не представляется удачным, поскольку его нельзя применить ко всем контекстуальным каузативам. При этом он ссылается на Ю.Д. Апресяна, который приводит пример с глаголом «казнить», способным в разных контекстах обозначать как само действие, так и каузацию этого действия в своих целях: *казнить сотни стрельцов* = to execute hundreds of Strel'cy / to have hundreds of Strel'cy executed [Апресян 1974: 209; Тоорс 1987: 596]. В сущности, подобные случаи имеет в виду и А.В. Филиппов, отмечая развитие каузативного значения у определенных глаголов в различных ситуациях административно-подчинительных отношений: например, *Я завез дрова всем учителям* (слова заведующего школой) [Филиппов 1978: 91].

В целом, учитывая все вышесказанное, в русском языке можно выделить ФСК каузативности с основным категориальным инвариантом «причинение» и семантическими вариантами (каузация действия, состояния, бытия и пр.), характеризующуюся широким инвентарем разноуровневых средств выражения (лексических, словообразовательных, лексико-синтаксических, контекстуально-синтаксических, контекстуальных) и образующую ФСП. Структуру ФСП можно представить как полицентрическую, с частными полями, выражающими фактитивный и пермиссивный семантические варианты каузативного значения. Фактитивное ядро представлено конструкциями с одноконстантным результативным глаголом *заставлять*, характеризующимся, согласно данным ЧСРЯ, наибольшей частотностью, абстрагированным и универсальным значением, позволяющим ему сочетаться с широким кругом глаголов в инфинитиве. К ближней зоне фактитивного ядра относятся конструкции, образуемые другими одноконстантными глаголами (*принуждать, вынуждать, понуждать, побуждать, вызывать* и др.). Центральную пермиссивную зону составляют непрохитивные конструкции с глаголами *позволять, разрешать* и т.п., не осложненные семантикой отрицания. КК с глаголом «дать», несмотря на его «полуслу-

жебный» характер, вряд ли можно отнести к центральной пермиссивной зоне, поскольку данный КГ выражает пермиссивную каузацию лишь в одном из своих значений, при употреблении в КК с инфинитивами, и, таким образом, не является узкоспециализированным средством передачи пермиссивного значения. Промежуточную область ФСП каузативности образуют конструкции с другими двух- и трехконстантными глаголами. На периферии лежат контекстуальные каузативы.

Рассуждая о положении ФСП каузативности в системе ФСП русского языка, можно предположить, что данное ФСП входит в ФСП обусловленности, точнее – каузальности. В пользу этого говорит, прежде всего, общность онтологического значения, что А.В. Бондарко считает основополагающим при истолковании ФСК [Бондарко 1987г: 31]. Помимо общности онтологического значения причины, налицо совпадение более специфических значений, выделяемых В.Б. Евтюхиным при характеристике отношений обусловленности [Евтюхин 1996: 140-152]: 1) предикативность (непредметность, отвлеченность); 2) биситуативность, а также несимметричность и направленность отношений, возникающих между ситуативными выражениями, что также можно охарактеризовать в терминах «обусловливающей» и «обусловливаемой» ситуаций (ср. каузирующая и каузируемая микроситуации у В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого); 3) одинаковая смысловая отмеченность обусловливающей и обусловливаемой ситуаций, которую также целесообразно трактовать как «семантический сдвиг» от некой условной точки «покоя», «равновесия». Так, КК *Он расстроил / обрадовал меня своим известием* можно квалифицировать как отмеченные по отношению к ситуации типа *Я спокоен*.

Спецификой выражения каузальных отношений в рамках КК можно считать особую сжатую передачу компонентов причинно-следственной связи, эксплицирующую с той или иной степенью полноты только одно из событий / состояний и связывающее их отношение каузации.

Как отмечает Т. Иванова, соотношение между каузативными и каузальными конструкциями может быть представлено следующим образом: КК выра-

жают связь между двумя сигнификативными ситуациями в рамках одной денотативной, а каузальные конструкции – связь между двумя денотативными ситуациями [Иванова 1994: 75-76].

Действительно, исследователи ФСК каузальности в русском языке рассматривают КК и КГ как средства выражения каузальности, выделяя, тем самым, микрополе каузативности в пределах ФСК каузальности [Евтюхин 1996; Теремова 1985].

ФСК каузативности на материале английского языка представлено в работе В.Ф. Веливченко. Автор рассматривает каузативность и каузальность как языковые репрезентации логической категории причинности, объединяющей две качественные разновидности значения «причинение» – обусловленность (каузальность) и побуждение (каузативность). Однако содержание категории каузативности выводится не из онтолого-логических оснований, а, скорее, из коммуникативно-прагматических, так как за понятийную основу каузативности принимается значение «побуждение субъектом объекта к действию или изменению его состояния» [Веливченко 1990: 4-7]. Значение каузативности манифестируется двояко:

1) сообщением о побуждении. При этом центральная роль отводится КГ, в зависимости от семантики которого выделяются четыре типа побуждения, изменяющего психическое состояние объекта, его физические характеристики, сенсорные ощущения или эмоционально-психологическое состояние [Веливченко 1990: 10]. В сущности, все описанные типы побуждения можно описать как разновидности каузации состояния, под вопросом остается каузация действия, которую данная классификация не охватывает. Сообщение о побуждении предполагает использование лексических, лексико-синтаксических и синтаксических языковых средств.

2) непосредственным побуждением. При манифестации значения каузативности непосредственным побуждением релевантным становится фактор совпадения / несовпадения семантического содержания высказывания с коммуникативной интенцией адресанта как субъекта побуждения. Согласно данному

критерию выделяются прямое побуждение, актуализируемое в речи императивными и перформативными директивными высказываниями, и не прямое, имеющее усложненную иллокуцию и семантико-синтаксические и имплицитные способы выражения [Веливченко 1990: 11-12].

Таким образом, В.Ф. Веливченко выделяет в английском ФСК каузативности, структурированную в виде полицентрического поля, ядро которого образуют КГ (как отдельные лексемы, так и образующие аналитические конструкции) и императивные предложения. Промежуточную область образуют языковые единицы, приобретающие значение каузативности в силу своих синтагматических характеристик и контекстуального прочтения: побудительные предложения, оформленные как повествовательные и вопросительные, и предложные словосочетания как дискретная часть предложения. К периферии относятся вспомогательные средства реализации каузативной семантики: модальные глаголы, а также слова и словосочетания, описывающие паралингвистические средства коммуникации [Веливченко 1990: 9].

Следует отметить, что смешение оснований (онтолого-логических и прагматических) при разграничении каузальности и каузативности привело к некоторым неточностям при выделении средств выражения каузативности: так, предложные сочетания, рассматриваемые автором, скорее входят в поле каузальности, чем каузативности. Объединение КК и императива в рамках одного гиперполя каузативности, в принципе, имеет под собой основания, и не только содержательные (общность значения «побуждение»), но и формальные, что ускользнуло от внимания автора. Так, в английском языке глагол *to let* употребляется как при образовании пермиссивных КК, так и в аналитических императивных конструкциях *Let ... Vinf*, что послужило причиной для объединения их в категорию императива в работе А. Абдуразикова [Абдуразиков 1989: 6]. Вместе с тем, нетрадиционное использование термина «каузативность» по отношению ко всем побудительным высказываниям представляется неоднозначным и вводящим в заблуждение, и с этой точки зрения более логичным кажется термин «ФСК побудительности», предложенный О.Г. Овчин-

никовой. Автор рассматривает ФСК побудительности как полицентрическую категорию, выражаемую как специализированными грамматическими средствами (глагольной формой императива и каузативными синтаксическими конструкциями), так и неспециализированными (лексическими, интонационными) [Овчинникова 1986]. В целом, взгляды О.Г. Овчинниковой и В.Ф. Величенко на сущность и структуру данной ФСК весьма схожи. Следует отметить, что объединение императива и каузативных конструкций в рамках одного гиперполя побудительности / каузативности предлагается также рядом лингвистов на материале немецкого языка [Ошева 2002; Рябенко 1972; Рябенко 1973].

В последнее время многие исследователи-англисты изучают каузативные конструкции в рамках ФСК каузальности, рассматривая их как глагольные средства выражения данной категории [Аматов 2000; Болтунова 1988; Камынина 1991; Тарасова 2000].

Рассмотрим способы выражения каузативности в английском языке:

1. Лексический способ. В английском выделяются супплетивные пары некаузатив / каузатив: *believe – persuade, fall – drop, fear – frighten, have – give, learn – teach, see – show* и т.д. Не всегда каузативный статус отношений в подобных парах является общепризнанным. В целом, чтобы избежать субъективности при выделении таких пар в качестве оппозиций некаузатив / каузатив, по мнению Н.С. Бэрона, следует исходить из нескольких моментов: наличие пары в языках с формальными морфологическими маркерами; регулярное употребление детьми некаузативного члена оппозиции вместо каузативного (например, *I died the crow*); устойчивые замены одного члена оппозиции другим в диалектах (например, *learn* вместо *teach*: *A good whipping will learn you not to disobey!*) [Baron 1974: 303-305].

Ряд глаголов передает причинно-следственные отношения на уровне лексем: *to cause, to depend, to determine, to condition, to lead (to), to result in* и др.

2. Словообразовательный способ. В английском каузативные глаголы могут образовываться от основ существительных и прилагательных при помощи суффиксов и префиксов:

-ify: *beauty – to beautify, glory – to glorify, false – to falsify*;
-ate: *regular – to regulate, active – to activate, motive – motivate*;
-ize: *modern – to modernize, legal – to legalize, American – to Americanize*;
-en: *bright – to brighten, length – to lengthen, strength – to strengthen*;
-Ø (конверсия или нулевая аффиксация): *yellow – to yellow, warm – to warm, empty – to empty*;
en/m-: *rich – to enrich, code – to encode, power – to empower*;
dis-: *able – to disable; courage – to discourage* [см. также Baron 1974].

Суффиксация и префиксация может применяться одновременно: *bold – embolden* (formal, to give sm more courage – LD).

С.К. Бегова относит аффиксальное образование к дополнительным способам выражения каузативности, поскольку отдельные аффиксально образованные глаголы могут передавать как каузативное, так и некаузативное значение в зависимости от наличия прямого дополнения [Бегова 2002: 15]: *an opportunity for young people to deepen their understanding of the world (LD) – Enid’s sorrow deepened as she thought of the long years ahead without him (LD)*.

Сохранились также исторические каузативы, некогда образованные от некаузативов при помощи прасуффикса *-ja-* и имевшие регулярные внутрикорневые чередования гласных: *to sit – to set, to lie – to lay, to rise – to rear* (сканд. *raise*), *to fall – to fell*. Современными носителями языка некоторые глаголы такого рода уже не возводятся к соответствующим некаузативным коррелятам, их производный характер не осознается (особенно в случае *to rise – to rear*), поэтому в отношении исторических каузативов можно говорить не о словообразовательном, а, скорее, о лексическом способе выражения каузативности.

3. Синтагматический / контекстуально-синтаксический способ. Оппозиция некаузатив / каузатив выражается противопоставлением непереходного и переходного употребления одного и того же глагола: *to grow – to grow vegetables, to boil – to boil the water* и т.д. Тенденция к употреблению непереходных глаголов в качестве каузативных приобрела в английском нормативный, высоко-продуктивный характер и охватывает глаголы самой разно-

образной семантики. В ряде случаев у глагола при употреблении его с прямым дополнением появляются новые лексико-семантические варианты: *to run sth* (Longman) – (i) to control or be in charge of a company, organisation or system (*For a while, she ran a restaurant in Boston*); (ii) to make sth operate (*They're running special trains to and from the exhibition*).

И.А. Наумова приводит ряд причин, послуживших толчком к развитию данного способа образования глаголов с каузативным значением: 1) распад системы древнеанглийских КГ, связанный с утратой фоно-морфологической противопоставленности между сильными некаузативными глаголами и их слабыми каузативными дериватами; 2) редукция полисемантической древнеанглийской приставки *ge-*, одним из значений которой было каузативное (*resten* «отдыхать» – *gerestan* «дать отдохнуть»); 3) заимствование из французского «двухфокусных» глаголов, которые уже в старофранцузском употреблялись в непереходном и каузативном значениях (*to dance* – *OFr danser*, *to march* – *OFr marchier*) [Наумова 1967: 13-18].

К контекстуально-синтаксическим средствам выражения каузативности можно также отнести конструкции с глаголом *have*, которые в разных контекстах могут передавать как каузативное, так и экзистенциальное / экспериенсивное значение: *We had it read to us every breakfast* (M. Atwood).

4. Синтаксический / аналитический способ. В английском языке существуют грамматикализованные конструкции с формальными операторами каузативности, имеющими статус самостоятельных слов. Данные конструкции строятся по четырехкомпонентной модели, предложенной в работах В.П. Недялкова и Г.Г. Сильницкого [Недялков 1964, 1969, 1971а; Сильницкий 1974]. Эту модель можно представить следующим образом:

$$X - V_{caus} - Y - Z, \text{ где}$$

X – каузатор («субъект» в терминологии В.П. Недялкова);

V_{caus} – оператор каузации, представленный аналитическими КГ, к которым в английском, как правило, относят фактитивные глаголы *to make*, *to get*, *to have* и пермиссивный глагол *to let*;

Y – объект каузации / каузант;

Z – структурно вариативный компонент конструкции, выражающий терминальное состояние / консеквент.

Глаголы, образующие данную конструкцию, характеризуется большой степенью абстрактности выражаемого им значения за счет акцентуации и метафоризации компонента лексического значения «изменение состояния объекта» и десемантизации [Болдырев 1995: 91]. Фактитивные глаголы *to make*, *to get* и *to have* являются результативными, т.е. имплицитными при употреблении в прошедшем времени переход в терминальное состояние.

Г.Г. Сильницкий относит также к служебным каузативам глаголы *to set* и *to keep* [Сильницкий 1974: 17-18], однако, на наш взгляд, данные глаголы являются менее абстрагированными, поскольку, помимо каузативных и модальных значений, передают значения начинательности (*set – to make sm start doing sth or make sth start happening*) и сохранения (*keep – to make sb/sth not change / move*). Кроме того, конструкции, образованные глаголами *to set* и *to keep*, отличаются меньшей вариативностью и частотностью употребления по сравнению с конструкциями с другими служебными КГ, что вытекает из данных, приведенных самим Г.Г. Сильницким [Сильницкий 1974: 17-18].

5. Лексико-синтаксический способ. В конструкциях, построенных по вышеприведенной модели, позицию *Vcaus* могут занимать не только служебные КГ, но и ряд других синонимичных им глаголов, также реализующих признак результативности: *to cause*, *to force*, *to induce*, *to compel*, *to render*, *to coerce*. Конструкции, образуемые данными глаголами, характеризуются меньшей структурной вариативностью и передают более специфические значения каузации.

Кроме того, в данной модели могут употребляться двух- и трехконстантные глаголы, передающие, помимо значения каузации, информацию о способе и результате каузации: *My husband talked me into going skiing (LED)*; *Uncle Vernon slammed the door shut (J.K. Rowling)*. Образование подобных конструкций характерно для глаголов семантического типа инкорпорирования. Наиболее часто в таких конструкциях встречаются глаголы физических действий (*to*

drag, to jerk, to push, to throw и др.), движения (*to dance, to fly, to march, to walk* и др.) и говорения (*to argue, to coax, to reason, to talk* и др.) [Анохина 2006: 119].

Таким образом, исходя из онтологического принципа, ФСП каузативности рассматривается как микрополе более широкого ФСП каузальности. ФСП каузативности характеризуется полицентрической структурой, представленной фактитивным и пермиссивным вариантами каузации. В качестве фактитивного и пермиссивного центров поля выступают фактитивные аналитические КК с глаголами *to make* и *to get* и пермиссивные конструкции с глаголом *to let*, являющиеся наиболее грамматикализованным и универсальным средством выражения каузативного значения. Зону, наиболее близкую к ядру, занимают КК, образованные лексико-синтаксическим способом. Промежуточную область составляют лексические каузативы и глаголы, приобретающие каузативное значение при употреблении в переходном значении. К периферии поля мы относим глаголы, образованные аффиксально, поскольку они передают каузативное значение не во всех случаях употребления. Периферийную, граничащую с ФСП экзистенциальности зону, составляют также *have*-конструкции, каузативное значение которых возникает только в определенных контекстах.

Отметим, что подобная полицентрическая структура микрополя каузативности наблюдается и в ряде других языков. Так, во французском, фактитивный и пермиссивный центры поля также относительно разграничены и могут быть представлены конструкциями со служебными КГ *faire* и *laisser* соответственно: *Il me semble qu'on me fait attendre* – Кажется, меня заставляют ждать; *Tu le laisses aller seul?* – Ты отпускаешь его одного? Вместе с тем, такое разграничение фактитивного и пермиссивного варианта каузации отмечается не во всех языках.

В японском языке фактитивный и пермиссивный центры частично пересекаются: фактитивный и пермиссивный варианты каузации представлены конструкциями с частицей *-sase-*, получающими фактитивное прочтение в конструкциях с непереходными консеквентами, если объект каузации стоит в аккузативе (*Calvin-ga Hobbes-o ik-ase-ta* – Калвин заставил Хоббса уйти), и пер-

миссивное прочтение, если объект каузации маркирован дативом (*Calvin-ga Hobbes-ni ik-ase-ta* – *Калвин позволил Хоббсу уйму*). Вместе с тем, в конструкциях с переходным консеквентом фактитивность или пермиссивность каузации не находят формального выражения и являются контекстуально обусловленными (*Calvin-ga Hobbes-ni piza-o tabe-sase-ta* – *Калвин заставил Хоббса / позволил Хоббсу съесть пиццу*) [Harley 1995].

В немецком языке структуру микрополя каузативности можно определить как моноцентрическую, с центром, представленным конструкциями со служебным КГ *lassen*. Данные КК могут получать как полярные фактитивную и пермиссивную интерпретации, так и пограничную, «ситуационно нейтрализованную» фактитивно-пермиссивную интерпретацию: *Mich aber habt ihr schlechter leben lassen als einen Hund* – *Я тут у вас жил хуже собаки* [Недялков 1971а: 16-18].

Итак, нами выделяется поле каузативности в рамках ФСП каузальности, характеризующееся специфическим сжатым представлением причинно-следственных отношений и определенным инвентарем разноуровневых языковых средств выражения (лексических, словообразовательных, синтагматических, лексико-синтаксических и пр.). Основанием для выделения служит универсальный статус каузативности, вытекающий из онтологической трактовки данной категории – отображение действительных, реально существующих причинных связей между предметами внешнего мира, отмечаемых и категоризируемых нашим сознанием.

1.4. Проблемы межкатегориальных связей в грамматике

Взаимодействие языковых объектов является частным случаем универсальной взаимосвязи вещей, представляющей собой общую закономерность существования окружающего мира, согласно которой все предметы и явления действительности находятся в бесчисленных связях между собой. Под связью понимаются отношения между объектами, проявляющиеся в том, что состояния или свойства любого из них меняются при изменении состояния или свойств других [НФЭ 2001: 510]. Таким образом, связь как мыслительная категория предполагает сравнение двух или более объектов, т.е. установление различий и

сходств между ними: «Установить связь – это значит прежде всего различить какие-нибудь А, В, С и потом их объединить, т.е. частично или полностью отождествить» [Лосев 1998: 144].

Развитие современной науки сопровождается постоянным расширением типологии связей, становящихся предметом изучения различных областей знания: механических, физических, химических, биологических, социальных и других связей, выделяемых в соответствии с разными формами движения материи. Внутри вышеназванных систем связей выделяют следующие виды (подсистемы) связей: существенные и несущественные, необходимые и случайные, кратковременные и долговременные, внутренние, реализуемые внутри исследуемой системы, и внешние, возникающие между объектами данной системы и объектами за ее пределами, непосредственные, указывающие на наличие прямых контактов сущностей друг с другом, и опосредованные или косвенные, характеризующиеся участием посредников. По направлению действия выделяются прямая и обратная связи, по силе – жесткие или ригористичные, когда обнаруживается строгая зависимость одного признака / явления от другого, и корпускулярные или вероятностные, устанавливаемые статистически. Взаимосвязи по устойчивым, существенным признакам трактуются как взаимодействие. В случаях, когда изменения в одних явлениях или их свойствах закономерно влекут за собой определенные количественные изменения в других явлениях / свойствах, между ними устанавливается функциональная зависимость, отражающая наиболее устойчивые связи [Зернов 1986: 35-43; НФЭ 2001: 510; Сальников 2000: 192-195].

Существование связей в языке не подлежит сомнению. Еще В. фон Гумбольдт сравнивал язык с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая со всей тканью в целом [Гумбольдт 1984]. В сущности, как отмечает В.Б. Касевич, самого по себе определения языка достаточно для признания реальности межкатегориальных связей, поскольку наличие связей, пронизывающих систему и, собственно, делающих ее таковой, входит в определение системы [Касевич 2003: 70].

Языковая связь имеет самые разнообразные формы проявления, обусловленные сложностью и многосторонностью лингвистических объектов. Многообразие связей и отношений, в которые вступают языковые категории, предопределяет необходимость классификации этих связей по различным основаниям.

Выделение в языковой системе различных уровней предполагает взаимодействие элементов этих уровней и, следовательно, разграничение иерархических связей, которые анализируются по степени существенности / несущественности, устойчивости / неустойчивости, прямого / обратного, непосредственного / опосредованного воздействия языковых единиц друг на друга [Взаимодействие... 2002: 5].

Ученые допускают выделение связей не только отдельных элементов, но и групп элементов, приобретающих, подобно первым, тот или иной сущностный статус и вступающих во взаимосвязь как с отдельными элементами, так и между собой. Они подразделяют связи взаимодействующих языковых сущностей на внутренние и внешние, т.е. на замыкающиеся внутри тех или иных группировок элементов и на выходящие за пределы этих группировок [Зернов 1986: 8].

Особое внимание уделяется изучению связей глагольных категорий, что обусловлено ядерной функцией глагола в предложении. Ядерная функция глагола в предложении определяется тем, что данный морфологический класс маркирован по признаку предикативности: глагол (в личной форме) является единственной частью речи, которая всегда играет роль сказуемого в предложении. Категории, фиксированные в глаголе, подразделяются на два типа: собственно глагольные, затрагивающие специфику глагольных лексем, например аспектуальность с качественно-количественной характеристикой действия, и общепредложенческие, затрагивающие разные аспекты всего предложения (наклонение, утверждение, отрицание, возможно, время), но находящие выражение в глаголе-носителе предикативности [Долинина 1989; Пушина 2000: 65].

В дальнейшем, отмечая совместную встречаемость глагольных категорий, исследователи указывают на ее ограниченность определенными законами, например, наличием «сильных» – «слабых» связей между категориями. Так,

А.В. Бондарко полагает, что наиболее существенные («сильные») связи у категорий вида с другими глагольными категориями: вид и время, вид и залог, и менее существенные («слабые») связи с категорией наклонения и категориями лица, числа, рода. У категории залога «сильными» связями являются связи залога и вида, залога и лица. У категории времени «сильные» связи обнаруживаются между временем и лицом, временем и залогом, временем и родом. Категория наклонения проявляет «сильные» связи с категориями залога и лица, напротив, «слабые» связи наблюдаются между наклонением и видом [Бондарко 1976: 13-14; Пушина 2000: 66]. Единственными категориями, совместимыми с любыми другими глагольными категориями, Р.О. Якобсон считает вид и залог [Якобсон 1972: 108].

Возможны и другие построения отношений между категориями. Так, в зависимости от функционирования единиц на уровне языка и речи выделяют парадигматические связи, касающиеся отношений между парадигмами, в которых выявляются категории, и синтагматические связи. Последние А.В. Бондарко обозначает как функциональные [Бондарко 1980: 641].

Н.А. Козинцева, рассматривая связи между грамматическими категориями, также выделяет системно-парадигматические взаимосвязи и функционально-семантические синтагматические взаимосвязи. Системно-парадигматические взаимосвязи предполагают включенность грамматической категории в относительно замкнутую систему категорий данной части речи. Системно-парадигматические связи грамматических категорий опираются на общий семантический компонент и имеют семантическую основу. В результате синтагматического взаимодействия грамматических значений образуются семантические комплексы, компоненты которых могут быть независимы друг от друга, суммироваться в значении высказывания, связываться друг с другом и образовывать «нечто большее, чем простая сумма значений» [Козинцева 1991: 5-8; см. также Пушина 2000: 70-71]. Исследуя проблему связей в отношении глагольных категорий в разных языках, В.С. Храковский выделяет связи 1) на парадигматической оси, когда в различных языках один и тот же показатель обслуживает

несколько глагольных категорий, образующих один кластер; 2) на синтагматической оси, т.е. в пределах одной словоформы [Храковский 2003: 158-160].

В.Н. Ярцева предлагает рассматривать отношения «сопряженности», выражающиеся во взаимозависимости грамматических значений (например, значений вида и времени или времени и наклонения), и «синтезирования», состоящего в объединении грамматических значений, независимых друг от друга (например, синтезирование категорий лица и числа в форманте глагола) [Ярцева 1975: 3-5].

Связи глагольных категорий исследуются Н.Н. Болдыревым в терминах функциональной категоризации. Под последней понимается взаимодействие лексической и грамматической категоризации слов в процессе их функционального осмысления в высказывании. Функциональная категоризация глаголов базируется на трех основных принципах: актуализация (реализация исходного системного значения глагола), перекатегоризация (изменение его исходного значения) и поликатегоризация (одновременная реализация значений нескольких категорий) [Болдырев 2001: 46-48; см. также Болдырев 1995].

Проблема связей имеет ключевое значение в функциональной грамматике, построенной по принципу поля. В полях функционально-семантического плана взаимосвязи грамматических и лексических компонентов осуществляются благодаря их содержательной соотнесенности, их способности объединяться в одном семантическом комплексе. Выражаемые в речи, такие семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких грамматических категорий в их связях с лексикой, различными типами контекстуальной и ситуативной среды. Сложная, многоаспектная системность всего комплекса ФСП характеризуется взаимными связями и пересечениями, касающимися как отдельных полей в рамках каждой из группировок, так и отношений между группировками [Бондарко 1971: 17; Бондарко 1983: 42].

В проблематике межкатегориальных связей важную роль играют следующие вопросы: 1) типы системных связей между грамматическими категориями, а также между ФСП; 2) соотношения изучаемых категорий в языковой системе

и в системе речевого функционирования; 3) вычленение «фокуса взаимодействия» (ср., например, настоящее время момента речи как фокус взаимодействия категорий вида и времени); 4) выделение исходных центров изучаемых отношений (ср. межкатегориальные связи, сосредоточенные вокруг аспектуального, модального и залогового центров, в частности, отношение категории вида к категориям времени, наклонения, залога и лица, связи аспектуальности с полями темпоральности, временной локализованности, таксиса, а также модальности, залоговости, персональности и др.) [Бондарко 2003: 24].

Взаимосвязи грамматических категорий, как и взаимосвязи ФСП, находят соответствие в сопряженных категориальных ситуациях, выступающих в составе комплексных ситуаций – аспектуально-темпоральных, аспектуально-таксисных, аспектуально-квантитативных, экзистенциально-локативных, экзистенциально-посессивных и т.п. В рамках функциональной грамматики актуальным является изучение связей не только между близкими категориями, образующими «естественные комплексы» и характеризующимися наличием «сильных» связей, но и между разобщенными категориями, далекими друг от друга. Так, исследуются связи между такими категориями, как определенность / неопределенность, коммуникативная перспектива высказывания, утверждение / отрицание, потенциальность, локативность, субъектность и объектность. Особую сферу исследований составляют межкатегориальные связи в разных типах текстов [Межкатегориальные связи... 1996: 3; Бондарко 2003].

Одна из возможных форм исследования межкатегориальных связей заключается в том, что в качестве основного предмета анализа избирается определенный тип высказывания и далее изучаются взаимосвязанные категории, характеризующие этот тип высказываний. В данной работе в качестве предмета анализа выступают каузативные конструкции.

Отдельные аспекты межкатегориальных связей каузативности уже были рассмотрены в ряде работ. Так, постоянно указывается на связь между категориями каузативности и переходности / непереходности [Баратян 1963; Долинина 1987; Елизаров 1995; Наумова 1967; Озюменко 1994; Танненцапф 1964 и др.].

Данная связь проявляется в одновременной реализации каузативного и переходного значения. Наиболее ярко это прослеживается на примере группы глаголов, в смысловом содержании которых заложено как переходное, так и непереходное значение. Переходное значение некоторых глаголов содержит в себе также каузативное значение. Для одних глаголов такое значение составляет их единственное переходное значение (*to work, to walk, to jump, to starve* и т.д.): *to walk sm around* «закружить», *to starve sm* «заставить к.-л. голодать». Для других – это одно из переходных значений (*to run, to stand* и т.д.) [Баратян 1963].

Неоднократно отмечались связи категорий каузативности и пассивности. Еще Х. Шухардт утверждал, что этимологически конструкция с переходным глаголом является, как правило, продолжением пассивной конструкции. В.П. Недялков рассматривает связи данных категорий на примере немецкой аналитической конструкции с глаголом *lassen*. Исследователь отмечает возможность совмещения каузативного и пассивного значений, связанную с употреблением *lassen* в особого рода рефлексивных конструкциях: *Der Flüchtling liess sich nicht fangen* (Беглец не позволил себя поймать). Особенно четко пассивность проявляется при неодушевленном субъекте: *Die Regeln lassen sich formulieren* (Правила легко формулируются, Правила могут быть сформулированы). Логически взаимосвязь каузативности и пассивности объясняется тем, что как при пассивном, так и при каузативном значении субъект предложения не является непосредственным производителем действия: в первом случае он принимает на себя действие, а во втором – позволяет или заставляет его совершить. При этом, если объектом второго (каузативного) глагола является сам субъект предложения, то возникают отношения, характерные для пассивного залога. В.П. Недялков указывает на то, что подобные связи могут возникать и в других языках: например, при неупотреблении объекта при переходном глаголе, как в китайских конструкциях со служебными КГ *цзяо* и *жан*, или в английском языке при употреблении в качестве объекта при КГ существительных, связанных с субъектом отношениями притяжательности: *He*

had his horse shot («Он велел застрелить свою лошадь» или «Его лошадь застрелили») [Недялков 1964].

В.Н. Солнцев и Н.В. Солнцева на основании анализа данных алтайских языков и языков Юго-Восточной Азии делают предположение о том, что определенная сближенность каузатива и пассива есть явление универсальное. Формально связь этих категорий проявляется в существовании омонимичных показателей (синтетических и агглютинативных аффиксов, служебных элементов аналитических форм), выражающих значение каузатива и пассива. Такие показатели отмечены во многих языках: алтайских, маньчжурских, тунгусских и т.п. Например, в маньчжурском суффиксе *-bu (-mbu)* синкретично представлены каузативное и страдательное значение. Наличие показателей-омонимов, по мнению авторов, предопределено рядом общих черт у названных категорий, в частности, данные показатели оформляют одни и те же подклассы глаголов, объединенные тем, что в действии участвуют два лица, выступающих в разных ролях – непосредственного исполнителя действия и его инициатора или объекта. Авторами отмечается также связь каузатива и категории состояния (пассива состояния), которая проявляется в том, что форма состояния при любом глаголе в языках исследуемого ареала выражает значение каузированного состояния. Особенно четко это прослеживается в австроазиатских языках: *roh* ‘жечь’ – *taroh* ‘сгоревший’, *chet* ‘умирать’ – *tachet* ‘мертвый’. Авторы предполагают, что связь между показателями пассива (состояния) и каузатива в исследуемых языках имеет генетический характер [Солнцев, Солнцева 1997].

Ряд исследователей отмечает связи категорий каузативности, императивности и перформативности [Асатиани 1990; Касевич 1990; Корди 1985; Левицкий 1990]. Императив и каузатив сближает то, что в обоих случаях налицо семантика побуждения. Понимание императива как грамматического способа выражения семантики ‘каузирую’, в сущности, ведет к представлению об императиве как о своего рода «амальгамировании каузативности и перформативности» [Касевич 1990: 90]. Отметим, что Ю.А. Левицкий характеризует форму императива как (скрытый) перформативный каузатив [Левицкий 1990: 93]. Р.А. Асатиани ука-

зывает на изоморфизм семантических структур повелительности и каузативности. И каузативные, и императивные структуры выводятся из единой глубинной структуры, единственным условием является идентичность побуждаемого и действующего лиц в КК [Асатиани 1990: 94-95].

Межкатегориальные связи ряда английских каузативных конструкций с неличными формами исследованы в работах Н.И. Пушиной. В частности, выявлены взаимосвязи каузативных, темпоральных, модальных, залоговых значений в конструкциях с КГ *to order, to demand, to insist, to suggest, to propose, to recommend etc.*: *Sir Hercules ordered that the beast should be chained up in the stableyard* [Пушина 1998]. В работе автора, посвященной проблеме межкатегориальных связей в системе нефинитных форм английского глагола, рассматривается реализация каузативных значений в залоговой конструкции с причастием II: *I have my hair cut once a month; I had my room papered*. Отмечается, что причастие II в анализируемом типе конструкций синтезирует залоговое, каузативное и результативное значения, изоморфные соответствующим значениям языковых категорий. Реализация данных значений сопровождается выражением модальных, посессивных, экзистенциальных значений, значения отрицания [Пушина 2000: 135-141].

Е.Е. Корди, анализируя французские аналитические КК, образованные глаголами *faire* и *laisser*, отмечает, что последние часто употребляются в императиве. В данных конструкциях, по мнению автора, происходит наложение волеизъявления, свойственного императиву, на значения фактитивной или пермиссивной каузации, или, иначе говоря, вторичное каузирование: *Faites-la voir, cette ordonnance. – Дайте мне взглянуть на него, на этот рецепт* [Корди 1996: 76].

Формально связь каузатива и императива обнаруживается в общности используемых для их образования средств. Например, как уже упоминалось, вспомогательный глагол *to let* в английском языке обслуживает каузатив, и он же употребляется для образования императива 1 и 3 л. (*let me go, let him / her go*) [Абдурафиков 1989: 6]. В русском языке повелительная частица «пусть» возводится к лексеме с каузативной семантикой «пускать». В кхмерском языке

служебное слово *ой* (< *ой* «давать») участвует в образовании форм и каузатива и непрямого императива (1 и 3 л.) [Касевич 1990: 87].

В исследовании Е.Е. Корди на примере французских КГ и КК рассматриваются семантические связи каузативности и модальности. Отмечается, что все каузативные знаменательные глаголы имеют в своей семантике модальные компоненты. Например, в ситуации приказа агенс хочет выполнения действия пациенсом (желание), а пациентс в результате должен выполнить каузируемое действие. Следовательно, можно считать, что значения модальных глаголов составляют часть значения КГ. Семантический анализ КГ строится в виде нескольких выражений, составленных из элементарных предикатов и их актантов (переменных). При этом выделяются две составные части толкуемых значений: пресуппозиция и утверждаемое, в состав которого входит как его часть секвенция, представляющая продолжение ситуации на один шаг. Например, глагол *ordonner* 'приказывать' толкуется следующим образом [Корди 1985: 193-194; Корди 1988: 11]:

Пресуппозиция: В не намерен (В делать С)
А хочет (В делать С)
В зависит от А
Утверждаемое: А говорит В (В должен (В делать С))
А каузирует В (В делать С)
Секвенция: В должен (В делать С)
Вероятно (В сделает С).

На материале французского языка Н.В. Гавриловой исследуются связи каузативно-результативных конструкций и категории темпоральности. Говоря о темпоральности, автор имеет в виду временное соотношение между каузативом и результативом – одновременность или разновременность (предшествование, последовательность). Отмечается, что одновременность каузатива и результата во французском, как правило, передается морфологически параллельным употреблением видо-временных форм в каузативе и результативе. Разновременность может быть выражена: 1) морфологически, путем употребления в каузативе времени, обозначающего предшествование по отношению к времени действия результата, или за счет употребления некоторых неличных форм в

результативе; 2) лексически, с помощью наречных слов; 3) синтаксически, таким порядком следования каузатива и результатива, при котором первое действие является каузативом, а второе результативом [Гаврилова 1988].

Учитывая важность исследования отдельных аспектов межкатегориальных связей каузативности с другими глагольными ФСК, нельзя не подчеркнуть значимость комплексного исследования межкатегориальных связей данной категории.

Считается целесообразным, при описании языковых репрезентантов категории каузативности использовать, наряду с функционально-семантическим, парадигматического подхода, который предполагает интеграцию языковых элементов на основании общего семантического признака. Учитывая наличие внешних связей исследуемого ФСП, его включенность в систему комплексов и группировок ФСП, необходимо рассмотреть синтагматику категориальных признаков, их взаимодействие друг с другом, со структурой окружения, а также с ролевой семантикой.

Выводы по первой главе

Функционально-семантический подход, являющийся ведущим в данном диссертационном исследовании, предполагает анализ от семантики к формам ее выражения, что обусловило обращение к философским и формально-логическим основаниям категории каузативности. Каузативность отражает действительные связи между объектами внешнего мира, отмечаемые и категоризируемые сознанием как причинные. Анализ эволюции философских концепций причинности, ее форм, углубляет понимание сущности данной категории, обозначает круг ментальных категорий, с которыми категория вступает во взаимодействие: бытие, цель, условие, следствие, время.

Современные философские и формально-логические теории причинности оказывают влияние на лингвистические представления о причинности, находящие отражение в понятиях концепта «причина», каузальности, каузативности. Каузативность, понимаемая как более узкая категория в сравнении с каузальностью, может рассматриваться с точки зрения прагматического под-

хода, через понятие «побуждение», или, как в данном исследовании, с точки зрения онтологического подхода.

Каузативность, определяемая с позиций онтологического подхода, представляет собой универсальную типологическую и функционально-семантическую категорию, характеризующуюся широким набором средств репрезентации и семантикой причинения – особой сжатой передачей компонентов причинно-следственной связи в системе глагола. Каузативными считаются все конструкции, образованные каузативными глаголами, без ограничений на семантику отдельных конститuentов.

ФСК каузативности образует микрополе в рамках ФСП каузальности с семантическим категориальным инвариантом «причинение» и семантическими вариантами (каузация действия, состояния, бытия и пр.), обладающее определенным инвентарем разноуровневых языковых способов выражения: лексический, словообразовательный, синтагматический, лексико-синтаксический, аналитический, контекстуальный.

ФСП каузативности имеет полицентрическую структуру, с фактитивным и пермиссивным центрами и ядерной, промежуточной и периферийной зонами. Центральную фактитивную зону образуют четырехкомпонентные КК с одноконстантными глаголами *to make, to get, to cause, to force, to induce, заставлять, побуждать, принуждать, вызывать* и т.п., пермиссивную – КК с собственно-пермиссивными КГ *to let, to allow, to permit, позволять, разрешать* и т.п. Промежуточную область образуют КК с другими двух- и трехконстантными КГ. К периферии относятся контекстуальные средства выражения каузативности.

Реализация категориальных значений каузативности сопряжена с различными комбинациями языковых категорий. Отдельные аспекты межкатегориальных связей КК, в частности, связи каузативности и переходности, пассивности, императивности, модальности, темпоральности, значений неличных форм, освещавшиеся в ряде работ, требуют комплексного исследования, сочетающего функционально-семантический синтагматический и системно-парадигматический подходы.

Глава II. ТИПОЛОГИЯ И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

2.1. Парадигма каузативных конструкций

Центральную зону ФСП каузативности в исследуемых языках образуют фактитивные и пермиссивные КК, построенные по модели $X - V_{caus} - Y - Z$, где X – каузатор, V_{caus} – оператор каузации, выраженный КГ, Y – объект каузации, Z – консеквент / терминальное состояние.

Отметим, что порядок следования компонентов модели не является строго заданным и может изменяться в результате трансформаций, например, трансформации *Heavy Noun Shift*: *The laser (X) will be used to clean and render (Vcaus) visible (Z) the gold leaf (Y) which we know is in his hair... (Guardian)*; ...*Лето (X) заставило (Vcaus) распуститься (Z) листья (Y) на деревьях – маленькие зеленые комочки на длинных волосах ветвей (К. Булычев)*.

Парадигма каузативных конструкций формируется с учетом содержательных и структурных особенностей составляющих КК, а именно оператора каузации, каузатора, каузанта и консеквента (см. Приложение 2).

Парадигма КК, задаваемая оператором каузации представлена фактитивными и пермиссивными КГ в финитных видо-временных формах и нефинитных формах инфинитива, герундия, причастий, деепричастий.

Каузатор и каузант КК репрезентируются субъектом и одушевленным / неодушевленным объектом, выраженным одушевленным / неодушевленным нарицательным существительным, антропонимом, личным, указательным, неопределенным, отрицательным, вопросительным, относительным местоимением, реже – числительным.

Консеквент КК характеризуется наибольшей структурной вариативностью и позволяет выстроить типологию КК:

- 1) КК с консеквентом, представленным неличными формами глагола:
 - а) инфинитивом: *I let him sit there (R.Silverberg)*; *Зачем же вы принуждаете меня говорить? (ССРЯ)*;
 - б) причастием I: *Hal managed to get my email working again (MED)*;

- в) причастием II: *We shall have the house painted* (А.С. Хорнби);
- г) герундием с предлогом: *Bad health forced her into taking early retirement* (LD);
- 2) КК с адъективным консеквентом: *Digital technology could render today's televisions useless* (LED);
- 3) КК с субстантивным консеквентом: *Perhaps he'll even make me associate editor* (S. Kinsella); *Мы не причиним тебе зла* (М. Семенова);
- 4) КК с предложно-именной группой: *The manager doesn't allow children in the bar* (LED); *Вопрос привел доктора в недоумение* (Б. Акунин);
- 5) КК с адвербиальным элементом: *Firefighters got him down using a ladder* (MED); *Что привело вас сюда?* (Н. Перумов);
- 6) КК с консеквентом, выраженным придаточным предложением: *You don't know what we had to go through, just to get you where you are* (M. Atwood).

Рассмотрим план выражения и распространение каждого конституента конструкции подробно.

2.1.1. Способы языковой репрезентации оператора каузации (*Vcaus*)

Объектом данного исследования послужили конструкции, в которых позицию *Vcaus* заполняют глаголы, образующие центр ФСП каузативности – *to make, to get, to let, заставлять, позволять, разрешать*, а также синонимичные им КГ, занимающие ближайшую к центру область – *to cause, to force, to induce, to compel, to render, to coerce, to enable, принуждать, побуждать, вынуждать, понуждать, приводить, вызывать, причинять, допускать*. Рассматриваются также конструкции с аналитическим глаголом *to have* и «полуслужебным» глаголом *дать*, представляющие особый интерес ввиду их малоизученности и характера взаимосвязей, актуализируемых в рамках образуемых ими конструкций. Данным глаголам свойственна разная частотность употребления и свои особенности функционирования.

КК с глаголом *to make* являются наиболее употребительными (1 КК на 5500 знаков). Глагол *to make*, в отличие от глаголов *to get* и *to have*, является ингерентно акциональным глаголом, выражающим значение конкретного воздей-

ствия на объект, в то время как *to get* и *to have* – ингерентно неакциональны и отражают лишь определенные отношения между объектами. По мнению Н.Н. Болдырева, ингерентно акциональный характер глагола *to make* обуславливает возможность пассивизации данных КК, в отличие от конструкций с *to get* и *to have*, требующих наличия пропозиционального объекта [Болдырев 1995: 93]: ... *Quickly I was made to realize that there was no point whatever in covering myself (R. Silverberg)*. Н.С. Бэрон связывает возможность пассивизации *make*-конструкций с реализацией ими признака контролируемости: каузативный субъект глагола *to make* обладает бóльшим контролем над изменениями, чем субъекты *to have* и *to get* [Baron 1974: 321], что вызывает сомнения, поскольку разные типы *make*-конструкций реализуют данный признак в разной степени. Отметим, что пермиссивные КК с глаголом *to let* также не употребляются в пассивном залоге.

Н.Н. Болдырев полагает, что *to make* в меньшей степени подвержен грамматизации, поскольку он переосмысливается в рамках той же категории акциональных глаголов [Болдырев 1995: 93]. Именно это свойство каузативных конструкций с *to make* и имел в виду П.К. Курбаназаров, когда обозначил данные конструкции как «полуабстрагированные» в отличие от «абстрагированных» конструкций с *to get* и *to have* [Курбаназаров 1990: 117].

Конструкции с глаголом *to let* характеризуются высокой частотностью употребления (1 КК на 7500 знаков). Отметим, что английская четырехчленная КК с глаголом *to let* функционально ограничена сферой пермиссивной каузации, в отличие, например, от аналогичной немецкой КК с глаголом *lassen*, выражающей как пермиссивную, так и фактитивную каузацию. Вместе с тем, по мнению О. Есперсена, английская *let*-конструкция может в ряде случаев не выражать пермиссивной каузации, например: *I'm going to let you have a piece of my mind!* [Jespersen 1961]. Трехчленная конструкция с глаголом *to let* также не относится к каузативным и считается аналитическим императивом, выражающим желание или требование, обращенное к непосредственному собеседнику в виде «возвратного» или «косвенного» побуждения: *Let them hear (R. Silverberg)* [см.,

например, Абдуразиков 1989: 6; Рябенко 1973а: 185-186]. Следует отметить, что КК с глаголом *to let* могут передавать как интенциональную, так и неинтенциональную каузацию, ср.: *We are letting the goats eat our forests; I let myself be fooled into thinking I could get something for nothing* [Baron 1973: 338].

КК с глаголом *to get* являются менее частотными (1 КК на 18000 знаков), что, возможно, связано со специфическими лексико-семантическими характеристиками данного глагола. Общая сема каузации выступает в сочетании с «семой преодоления трудностей», достижения терминального состояния путем приложения усилий [Длугош 1980: 10]. В отличие от КК с глаголом *to have* результатом передаваемого *to get* воздействия преимущественно отмечается скачкообразный переход от antecedентного состояния к консеквентному [Сильницкий 1974].

Каузативное значение *get*-конструкций является менее устойчивым по сравнению с *make*-конструкциями: в ряде случаев конструкция может выражать экзистенциальное значение: *When he was nearly thirteen, my brother Jem got his arm badly broken at the elbow* (H. Lee). А.М. Длугош отмечает случаи контекстуально-обусловленной передачи пермиссивного типа каузации: *getting things dry* может означать либо «высушить вещи», либо «дать вещам высохнуть». При выраженности консеквентного предиката глаголом «эссивной» группы передается, как правило, пермиссивное значение: *I got a nurse to be in the next room* [Длугош 1980: 14].

Каузативные конструкции с глаголом *to have* являются наименее употребительными (1 КК на 25000 знаков). Каузативное значение данных конструкций весьма неустойчиво: например, при употреблении глагола *to have* в форме инфинитива или герундия актуализируется экзистенциальное / экспериентальное значение, что, вероятно, связано с номинативными характеристиками данных нефинитных форм, которые вступают в противоречие со значением каузации как «воздействия, причинения»: *It was having everybody stare at her that was so appealing* (A. Hoffman); *Linda Bennett refused to have the optometrist she was dating come to her house* (A. Hoffman). Считается, что семантическое ядро, объединяющее каузативное и экспериентальное *to have*, возводится к ассоциативному

представлению о глаголе *to have* как выразителю посессивных отношений, при которых посессор воздействует на объект обладания [Tomazawa 2002: 7].

Особенностью семантики каузативных конструкций с *to have*, отличающих их от подобных конструкций с *to make* и *to get*, является значение контролируемости каузируемого события, что отмечается исследователями как отношения «власти, подчиненности» между каузатором и каузируемым [Wierzbicka 1988: 240-241], социальная ситуация, в которой желание одного человека становится законом для другого [Goldsmith 1984: 118], отсутствие убеждения со стороны каузатора и сопротивления со стороны каузируемого [Tomozawa 2002: 3]. Последнее подтверждается неграмматичностью КК с глаголом *to have*, описывающих ситуации, в которых подразумевается убеждение (**I had the terrorist put down his gun*), или ситуации, в которых каузатор ниже по статусу, чем объект каузации (**Elizabeth had her mother let her stay up late*) [Tomozawa 2002: 3].

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить специфику выражения каузативного значения глаголами *to cause*, *to force*, *to induce*, *to compel*, *to render*, *to coerce*, *to enable*, *to allow*, *to permit*.

Глагол *to cause* передает нейтральное значение причинения, которое может носить как интенциональный, так и неинтенциональный характер со стороны каузатора: *The moderator invoked a rule causing the debate to be ended (AHD)*. *The disease caused his face to swell (LD)*. Значение глагола трактуется как “to be the cause of”, “to bring about” (LDC, AHD, D, YD), “to serve as a cause or occasion of” (MWD), “make sth happen” (LD), “to set off an event or action” (W). В ряде словарей (AHD, MWD) отмечается возможность передачи данным глаголом значения принудительной каузации: “compel by authority or force”.

Глагол *to render* близок по значению к глаголу *to cause*, но, в отличие от последнего, не способен передавать каузацию действия. Его каузативное значение интерпретируется как “to cause to be or become” (LDC, AHD, MWD, WR, D, YD, W): *The shot rendered her immobile (W)*. Широко представленный в произведениях художественной литературы XIX века, данный глагол в его каузативном значении малоупотребителен в современной прозе. КК с глаголом

to render часто используются в публицистике, что позволяет говорить о стилистической отмеченности данного глагола в современном английском.

Глаголы *to compel*, *to force*, *to coerce* объединяет сема насильственного, принудительного характера каузации, что находит выражение в словарных дефинициях в сочетаниях: “by overwhelming pressure”, “forcefully or irresistibly” (MWD), “through pressure or necessity” (AHD, WR), “by force” (YD, D), “by use of pressure, threats, or intimidation” (YD, AHD). В ряде словарей подчеркивается наличие нежелания или сопротивления со стороны объекта каузации: “to cause sm to do sth they do not want by threatening them” (LD), “to make (an unwilling person or group) do sth, by force, threats etc.” (LDC). В словаре Мерриам-Вебстер Онлайн (MWD) рассматриваются различия между данными КГ и отмечается, что глагол *to force* является главным членом синонимического ряда и передает значение преодоления сопротивления с помощью физических усилий, власти или давления (*forced to flee for their lives*); *to compel* предполагает преодоление сопротивления или нежелания за счет некоей неодолимой силы (*compelled to admit my mistake*); *to coerce* выражает преодоление сопротивления или нежелания при помощи применения насилия, угроз и давления (*coerced into signing over the rights*). Данные глаголы широко употребляются в пассивных конструкциях, передавая вынужденный характер действия: *I was compelled to shake my head* (A. Christie).

Следует отметить, что глагол *to coerce* не зафиксирован в источниках художественной литературы XIX-XXI вв., послуживших материалом для данного исследования. Все примеры с КГ *to coerce* извлечены из словарей и газетных статей, что свидетельствует о стилистической отмеченности глагола.

КГ *to allow*, *to permit* имеют общее значение *to give permission, consent* – «дать разрешение, согласие» (D, YD, MWD, AHD, WR). В целом, данные КГ считаются взаимозаменяемыми, но в ряде словарей отмечается, что КГ *to permit* имеет позитивные коннотации, выражая полное одобрение, санкционирование каузируемой ситуации, в то время как глагол *to allow* сообщает лишь об отсутствии противодействия со стороны каузатора (D, YD). Глагол *to permit* относят к формальному регистру, поскольку он часто употребляется в ситуациях офици-

ального разрешения: “to allow sth to happen, especially by an official decision, rule, or law” (LED), “to authorize” (YD), “to consent to expressly or formally” (MWD). Нейтральный КГ *to allow* способен передавать более широкий круг каузативных значений, в частности, каузацию обладания: “to let have” (D, YD, AHD, LED).

КК с глаголом *to induce* передают ментальную каузацию действия: “to make sm decide to do sth” (LD), “to move by persuasion or influence” (AHD, MWD, D, YD). Кроме того, данный глагол способен выражать каузацию ментального или физического состояния: *This drug may induce drowsiness* (LD).

КГ *to enable* синкретично реализует каузативное значение и модальное значение возможности: “to make sth possible” (LD, D, YD, MWD, AHD, LED), “to give sm the ability or opportunity to do sth” (LD). В компьютерном дискурсе данный глагол широко употребляется в значении “to cause to operate”, “to activate”: *enabled the computer's modem* (AHD), *software that enables the keyboard* (MWD), *software enabling computer network access* (YD).

Русские КГ, согласно данным ЧСРЯ можно расположить в следующей последовательности по мере убывания частотности их употребления: *позволять, приводить, заставлять, вызывать, разрешать, допускать, вынуждать, причинять, принуждать, побуждать, понуждать*.

Глагол *заставлять* считается наиболее широкой по значению лексемой и употребляется как в отношении человека, его слов, действий и поступков, так и в отношении абстрактных сущностей, условий, обстоятельств. В словарных дефинициях отмечаются модальные оттенки значения данного глагола – «поставить перед необходимостью, неизбежностью» (ССРЯ, СО, А, ЛЛ).

Глаголы *принуждать* и в особенности *вынуждать* подчеркивают, что воздействие на кого-либо имеет принудительный характер или что обстоятельства, условия ставят кого-либо перед неизбежностью поступить каким-либо образом (ССРЯ). КК, образованные данными глаголами, часто употребляются в залоговых конструкциях: *Магда принуждена была Кречмару объяснить, что птичка села на подоконник и поет* (В.В. Набоков); *За год до этого итальянец Канницаро вынужден был оставить свои интереснейшие синтезы бензильных*

производных (С. Логинов). В толковых словарях глаголы *вынуждать* и *принуждать* определяются, как правило, через глагол *заставлять* – «заставлять сделать что-либо» (Е, СО, ЛЛ, СРЯ). В дефиниции глагола *принуждать*, представленной в словаре Т.Ф. Ефремовой, подчеркивается силовой характер воздействия, выражаемый данным глаголом (Е).

Считается, что глаголы *понуждать*, *побуждать* и *принуждать* образуют синонимический ряд, в котором *принуждать* передает самую сильную степень воздействия на кого-либо (ССРЯ). В словаре В.Н. Ключевой указывается, что глагол *понуждать* является архаичным, однако это не отмечается в более поздних изданиях словарей (К). Глагол *побуждать* определяется как «склонять к какому-нибудь действию» (ЛЛ, СРЯ, Е, СО) и передает не силовой, а, скорее, ментальный характер каузации.

КГ *позволять*, *разрешать*, *допускать* объединяет значение «дать позволение, разрешение ч.-л. сделать» (СРЯ, Е), «дать право на ч.-н., на совершение чего-н.» (СО, К). Глаголы *позволять* и *допускать* также могут употребляться в значении «дать возможность»: *Неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих; Твердый грунт тропы допускает движение вьючных обозов* (СРЯ). КГ *допускать* активно употребляется для передачи каузации перемещения, локативного состояния: *Не допускай ее сюда, уезжай* (СРЯ).

Вызывать передает значение каузации бытия в широком смысле, как возникновение и материальных, и абстрактных сущностей: «служить причиной возникновения, появления чего-либо» (ССРЯ), «заставить появиться» (СО). Этот глагол используется также как для выражения ситуаций речевой каузации. Ему синонимичен глагол *причинять*, употребляемый реже и, в основном, для обозначения причины чего-либо неприятного (Е).

Глагол *приводить* используется как в прямом значении – каузации перемещения, движения – «заставлять приходить куда-либо или к кому-либо» (Е, СО), так и в переносном – передавая широкий круг значений каузации бытия, действия, состояния.

Глагол *дать* является высокочастотным глаголом с широким кругом значений. Как пермиссивный глагол он употребляется в конструкциях с инфинитивным консеквентом: *дать уйти, дать прикурить*. В этих случаях, по мнению Е.А. Гордон, происходит ослабление собственно лексического глагола, и он приобретает полуслужебный характер. Например, в выражениях *дать знать, дать понять*, глагол *дать* выполняет связочную функцию [Гордон 1981: 13]. Вместе с тем, данный глагол часто функционирует как фактитивный, выражая каузацию обладания, бытия, состояния: *Дать книгу; Земля дала богатый урожай; Дать удовлетворение (СО)*.

Парадигма КК по линии *Vcaus* (Приложение 2) представлена:

1) видо-временными формами личных глаголов:

– Present Simple / Continuous / Perfect / настоящее время: ...*Then he throws a towel at me and makes me mop up the floor (A. Proulx); ...She's allowing them to stand over a pile of bones... (A. Hoffman); Government troops have forced the rebels to surrender (LD); А научное значение задачи не вызывает сомнений (В. Каверин);*

– Past Simple / Continuous / Perfect / прошедшее время (несовершенный и совершенный вид): *We got the job done (R. Silverberg); ...She wasn't letting him get his hands on her (R. Silverberg); What had induced the deceased to make a fresh will... he could not say (A. Christie); Этот человек вызывал у него особый интерес (Б. Акунин); ...Она позволила мне взять эти книги (В. Каверин);*

– Future Simple / будущее время (совершенный и несовершенный вид): *Lady Lucas will have a daughter married before I have... (J. Austen); Заставлю идти, как бы вам ни хотелось дрыхнуть (К. Булычев).*

Следует отметить, что не все КК одинаково представлены во всех видо-временных формах. Так, каузативные *get*-конструкции, как правило, не употребляются в *Present Perfect*, в связи с омонимичностью данных конструкций с посессивно-экзистенциальными моделями с *have got*: *And it means the baddies have got you and you've got a gun jammed against your head (S. Kinsella)*. Прогрессивный вариант *get*-конструкций также не отмечен, возможно, из-за наличия в структуре причастия I, которое соотносится с синтаксическими конструк-

циями с личными формами глагола в *Continuous*. *Have*-конструкции почти не представлены в формах длительного и совершенного вида, однако отдельные варианты все же отмечаются: *She's had kids go through that home...* (H. Tomozawa). *Another is having her hair blow-dried* (S. Kinsella). Возможно, данные ограничения в вариативности КК с глаголом *have* связаны с наличием в смысловой структуре последнего семы обладания.

2) неличными формами:

– герундием и инфинитивом в функциях подлежащего, определения, дополнения, обстоятельства (цели, следствия, времени, образа действия и т.д.): *...Заставлять друзей заново возиться с бессильным – это уж слишком* (М. Семенова); *Miss Bingley was left to all the satisfaction of having forced him to say what gave no one any pain but herself* (J. Austen); *Tom, похоже, все еще пытался развести ссорящихся и не допустить схватки* (Н. Перумов); *And in order to get the resolution passed, he turned the meeting back to Clara Gruber...* (J.M. Cain);

– инфинитивом в функциях *be*-предиката, составного глагольного сказуемого с модальными, аспектуальными, фазисными глаголами и сочетаниями: *Mr. Darcy's next step was to make your uncle acquainted with it* (J. Austen); *Никто никого и ни к чему не может принудить силой* (С. Логинов);

– причастиями (совершенного и несовершенного вида): *He had been very foolish, allowing a misplaced chivalry to blind his common sense* (J. Fowles); *Был определенный трепет перед властью, вызывающий, наряду с отвращением, еще очень часто гордость за страну...* (Б. Немцов);

– деепричастиями (совершенного и несовершенного вида): *Искры вливаются в распятое тело, причиняя новую боль...* (М. Семенова).

Конструкции могут употребляться в сослагательном наклонении, передавая гипотетические причинно-следственные отношения: *If the pointy-haired boss had to think about the problem in its full complexity, it would make his head explode* (P. Graham), *Если бы не вычищенное вероятностное поле – заставил бы сбросить ход, а так – просто страшиновато* (С. Лукьяненко); и в повелительном наклонении: *Please have the porter carry these boxes up to my room*

(А.С. Хорнби); *Вызывай Врага на бой завтра утром* (Е. Власова). По мнению Н.Н. Болдырева, употребление грамматических каузативов в форме императива свидетельствует о наличии у них признака волитивности. Глагол *to cause* не употребляется в повелительном наклонении, что, по-видимому, говорит об отсутствии у него признака волитивности и контролируемости каузации: **Cause Mary to do the dishes* [Болдырев 1995: 92].

Анализируемые конструкции часто употребляются в форме вопроса: *Where did you get your cards printed?* (А.С. Хорнби); *Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение?* (ССРЯ)

2.1.2. Способы языковой репрезентации каузатора (X)

В роли каузатора исследуемых конструкций может выступать агенс и источник*, представленные, соответственно, одушевленным субъектом / объектом и неодушевленным объектом (Приложение 2). Каузатор может не находить формального выражения в структурной схеме предложения: *It takes a while to get the wrinkles out* (M. Atwood). В русском языке подобное имеет место в неопределенно-личных предложениях и в предложениях, где позицию первого компонента занимают модальные предикативы со значениями возможности, целесообразности, волеизъявления и т.п.: *Утешало лишь, что не заставили его готовить глиний методом Птижана* (С. Логинов); *Можно развести костер и принудить колдунью идти по углям* (М. Семенова).

Выделение признака **одушевленности** может происходить при помощи

1) X – одушевленного нарицательного существительного, обозначающего лицо или животное: *The rebels coerced the villagers into hiding them from the army* (LD); *Мать накачивала себя, вызывала гнев* (К. Булычев);

2) X – антропонима: *Kropik let that one pass* (J. Carroll); *Как же Катя-то могла позволить ему даже думать об этом?* (В. Каверин);

3) X – личного / относительного местоимения: *Will you permit me to say something first?* (J. Fowles); *...Разумные вирусы, которые поселяются в теле*

* Здесь и далее при обращении к терминам глубинных падежей используется классификация, предложенная Н.С.Широглазовой [Широглазова 2004; см. также Апресян 1974; Богданов 1977; Чейф 1975; Andor 1978; Anderson 1977; Cook 1972; Longacre 1976].

человека и заставляют его делать, что им угодно (А.Н. Стругацкий);

4) X – неопределенного / отрицательного местоимения: *And as for Cobol, he doesn't know how anyone can get anything done with it* (P. Graham); Антон, мы пили добровольно? Никто нас не принуждал? (С. Лукьяненко);

В русском языке в качестве одушевленного каузатора может выступать указательное местоимение: Тот встряхнулся, приводя в порядок свой помятый костюм... (Б. Акунин).

Языковая репрезентация и распространение **неодушевленного** каузатора проявляют большую вариативность. Данную позицию способны заполнять следующие средства:

1) X – неодушевленное существительное;

Первый вариант представления неодушевленного объекта реализуется в ряде вариантов конструкции $X - V_{caus} - Y - Z$, где

– X – неодушевленное исчисляемое / неисчисляемое существительное: *That boat whose white paint and great dimensions... made her rightly guess that it belonged to the brig just anchored* (J. Conrad); Шар поднялся метров на сто – дальше его не пускал канат (К. Булычев);

– X – отглагольное существительное: *All the skinnydipping I did in my middle teens made me look back on that time with Karl and Jim...* (R. Silverberg); *Непредвиденное разбирательство вынудило его отложить каждодневные воинские упражнения* (М. Семенова);

2) X – неопределенное / отрицательное местоимение: *Nothing could get him really angry* (T. Capote); *...Что-то прошло по его груди и по левому боку, почти не причинив боли* (М. Семенова);

3) X – личное, указательное, вопросительное или относительное местоимение, замещающее неодушевленное существительное или пропозицию: *It let them build great looking online stores literally in minutes* (P. Graham); *Но то, о чем он так скучно рассказывал, заставило Соколова забыть и римские законы и философию Юма* (С. Логинов); *Что же заставило гнома из Лунных Гор... отправиться туда?* (Н. Перумов).

В английском языке неодушевленный каузатор также может быть выражен герундиальным, инфинитивным оборотом, именной группой: ...*Going so long without talking to you has got me sorta crazy (S. King); To walk through it in these days, of peonies, of pinks and carnations, makes my head swim (M. Atwood); What he saw nearly made him pass out again (J.K. Rowling).*

Каузатор, выраженный неодушевленным существительным, в системе глубинных падежей может быть представлен не только источником, но и: а) инструментом, в тех случаях, когда позиция каузатора заполняется существительным со значением «часть тела» (синекдоха) или предметным существительным, являющимся, по сути, орудием совершения акта каузации (метонимия): *Руки лежали на пульте и легкими движениями пальцев заставляли катер наклоняться (К. Булычев); Меч свистнул над русой головой, не причинив вреда (М. Семенова); б) элементом, характеризующим семантему природного производителя каузации: ...В комнату ворвался свежий теплый ветер, заставивший схватиться за грудь и без сил опуститься на крашеный табурет (С. Логинов); When the window is partly open – it only opens partly – the air can come in and make the curtains move (M. Atwood).*

В качестве каузатора могут выступать несколько одушевленных и неодушевленных объектов, выраженных именным словосочетанием с сочинительной связью: *His expressionless face, his eyes open wide with immobile pupils, and the rigidity of his pose, made him look like an immense man-doll... (J. Conrad).*

Следует отметить, что в ряде КК существуют ограничения по признаку одушевленности / неодушевленности каузатора. Так, КК с глаголом *to have*, как правило, не допускают заполнения позиции каузатора X именем неодушевленного объекта: **Jim's words had his sister help him.* Это свойство каузативных *have*-конструкций можно связать с реализацией ими признака контролируемости процесса причинения. В тех случаях, когда в качестве каузатора выступает неодушевленный актанта, конструкция приобретает экзистенциальное значение: *The soil was coarse and soft, perhaps having had all the cohesion baked out of it by ten million years of Arizona sun (R. Silverberg).* Тем не менее, нами отмечается вариант

каузативной конструкции с глаголом *to have*, в котором позицию каузатора занимает неодушевленное абстрактное существительное: *For once Timothy yields: the prevailing mood of depression has him down, too* (R. Silverberg). В КК, образованных глаголом *разрешать*, в роли каузатора также выступают, как правило, одушевленные объекты, за редкими исключениями: *Если бы закон о взаимном страховании разрешил адвокатам создавать в субъектах Федерации общества взаимного страхования...* (RC). Напротив, в КК с глаголом *to enable*, каузатор, в основном, является неодушевленным объектом, но исключения также возможны: *If you administer the servers, you can in one step enable all your users to page people* (P. Graham).

В конструкциях, образованных глаголом *побуждать*, особенно часто отмечается использование в качестве каузатора существительного «причина»: *Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал* (М.Ю. Лермонтов).

Внешнее распространение одушевленного и неодушевленного каузатора, в целом, обнаруживает сходство. Выделяются случаи лево- и правостороннего распространения X.

В **препозитивном распространении** позиции каузатора X, как правило, принимают участие следующие языковые средства:

1) качественные / относительные прилагательные: *How does a more powerful language enable you to write shorter programs?* (P. Graham);... *Количество зла, которое может причинить обществу злой и невежественный дурак* (А.Н. Стругацкий);

2) притяжательные местоимения или существительные в генетиве: *Call a lawyer? My father would have himself uncircumcized first* (R. Silverberg); *Ego шуточный вопрос привел братьев в смятение* (Б. Акунин);

3) указательные местоимения: *That woman can make one do anything she wants* (O. Wilde); *Этот вой заставил Фолко в страхе озираться* (Н. Перумов);

4) количественные / порядковые числительные: *Three Chasers on each team throw the Quaffle to each other and try and get it through the goal posts at the*

end of the pitch (J.K. Rowling); Однако первая же ложка вызвала у Фолко лишь горькое разочарование (Н. Перумов).

В препозиции к неодушевленному каузатору также выступают неопределенные / отрицательные местоимения: *I can remember some expressions which might justly make you hate me (J. Austen); Никакие факты не могли бы никогда привести ее к сознанию в своем собственном разврате (Ф.М. Достоевский).*

В русском языке в качестве препозитивного распространителя позиции каузатора также отмечаются причастия и причастные обороты: *...Ровно шагающий муж, сам того не замечая, заставил её идти прямо (С. Логинов).*

Часто вышеуказанные распространители выступают в сочетании друг с другом: *... Это могучее беззвучное ускоряющееся движение заставило его замереть (К. Булычев).*

В качестве **постпозитивных распространителей** чаще всего используются:

1) описательные и лимитирующие *of*-конструкции в английском языке, в русском языке им соответствуют существительные в родительном падеже, которые, как правило, носят субъектно-определятельный или собственно-определятельный характер или передают отношения посессивности: *The idea of charity on such a scale... would have made our most enthusiastic philanthropists gasp (E. Bellamy); Дочка Крашенинникова... не сразу смогла привести его в чувство (Б. Акунин);*

2) определительные придаточные предложения: *When the mail arrived, Uncle Vernon, who seemed to be trying to be nice to Harry, made Dudley go and get it (J.K. Rowling); Наихудшие страдания ей причиняло правое колено, которое целовали (М.А. Булгаков);*

3) причастные обороты: *...The persistent chase given him by the Dutch frigate had forced him to run south... (J. Conrad); Артист, обиженный жизнью и не нашедший успокоения даже в смерти, не вызывал у него ни малейшего сочувствия (С. Логинов);*

4) адъективные и локативные обороты: *A movement in the trees behind Ronan made Hagrid raise his bow again (J.K. Rowling); ...Фолко, в добротной*

аннуминасской одежде, с гербом цеха, с мечом у пояса, вызвал у них бурю восхищенных охов и ахов (Н. Перумов).

В русском языке в постпозиции к одушевленному каузатору также отмечаются определяющие имена – приложения: *...Они на чем свет ругали этих дармоедов-дружинников, заставивших их отложить важные домашние дела и вылезти наружу, в этот дождь и слякоть (Н. Перумов).*

2.1.3. Способы языковой репрезентации объекта каузации / каузанта (Y)

Объект каузации, так же, как и каузатор, способен обладать признаком одушевленности и неодушевленности. Соответственно, в терминах глубинных падежей, объект каузации, как правило, представлен пациентивом или объективом.

Однако необходимо отметить превалирование признака одушевленности в компоненте Y конструкций, что может объясняться преобладанием агентивной функции объекта каузации, являющегося вторичным субъектом в пределах данной части КК. Особенно четко это прослеживается в русских КК. Так, в конструкциях с глаголами *вынуждать, принуждать, понуждать, позволять, разрешать* случаи представленности элемента Y одушевленным объектом не отмечены, в конструкциях, образованных глаголами *дать, побуждать*, зафиксированы единичные примеры такого рода: *У иных даже лопнули лайковые перчатки, побужденные надвинуться далее ... (Н.В. Гоголь); Выньте говядину из духовки и дайте ей остыть до комнатной температуры (RC).* Исследуемые английские КК, в целом, допускают заполнение позиции Y именем как неодушевленного, так и одушевленного объекта каузации. Отдельные ограничения, отмечаемые в ряде структурных вариантов конструкций, будут рассмотрены далее.

Объект каузации может не иметь эксплицитного выражения в структуре КК. Как правило, это имеет место с одушевленными объектами, когда ситуация контекста однозначным образом указывает на каузанта, объект каузации кореллирует персонажу, от лица которого ведется повествование, или с целью избежать повторения, когда лицо, являющееся объектом каузации, упоминается в предложении: *I will pass over the excitement which my arrival caused [among the guests] (S. Butler); Что-то сквозило в полумраке, холодком отдавалось в спине,*

заставляло щуриться и смотреть, смотреть, смотреть... (С. Лукьяненко); Угрожая копьями, они хотели заставить [Шамашкара] высыпать деньги из кошель, оказавшегося на перерубленной шее, но Шамашкар воспротивился... (С. Логинов). Особенно часто случаи импликации компонента Y имеют место в русских КК, образованных глаголами заставлять, приводить, вызывать, позволять, разрешать.

Рассмотрим варианты заполнения позиции Y, где Y является **одушевленным** объектом:

1) Y – личное местоимение в объектном падеже: *At most, I permitted you to deceive yourself* (A. Christie); *Знает народ иудейский, что... много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь!* (М.А. Булгаков);

2) Y – антропоним: *He would induce Ford to buy and smuggle it in the steamer on board the brig* (J. Conrad); *Везение – или чутьё – не дало Илье Ильичу вляпаться в мошеннические соблазны* (С. Логинов);

3) Y – одушевленное нарицательное существительное, в том числе собирательное: *...These evil-doers coerce the young to commit suicide* (Guardian); *...На центробежной медогонке выбирать мёд и ставить рамки на место, побуждая пчел снова их заполнять* (КП);

4) Y – неопределенное / отрицательное местоимение: *I will have someone take you down to both vaults* (J.K. Rowling); *Книги с мудреными названиями в узком стеклянном шкафу, которые никому не давали читать...* (В. Каверин);

5) Y – возвратное местоимение: *We can't force ourselves to go where we're not welcome, can we?* (R. Bach); *Будь на станции кто-нибудь, кроме нее, она никогда бы не позволила себе выйти* (К. Булычев);

6) Y – числительное: *A sudden slamming and loud footsteps made the three of them look up* (J.K. Rowling);

7) Y – определительное местоимение: «*Мы заставим всех уважать Америку!*» – заявил Джордж Буш... (КП).

Неодушевленный объект каузации обнаруживает меньшее разнообразие языковых репрезентантов и их распространителей, что, по-видимому, связано с

небольшой частотностью его употребления. Признак неодушевленности каузанта находит выражение в следующих языковых средствах:

1) Y – исчисляемое / неисчисляемое неодушевленное существительное: ...*The rare letters from Mrs. Vinck, later from the girl herself, were the only thing to be looked to to make life bearable amongst the triumphant savagery of the river* (J. Conrad); *Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекции* (А. Беляев);

Нередки случаи синекдохического объекта, например, выраженного существительным, обозначающим часть тела: *Противогаз слегка сжимает лицо, давит на щеки и заставляет губы вытянуться в каком-то полуоцелуе...* (В. Пелевин)

2) Y – личное местоимение: ...*And thrusting back all my misery into my heart, I made an effort to compel it to remain there – dumb and still* (J. Austen); ...*Словно шар нарочно хотел отомстить людям за то, что они заставили его так долго лететь* (К. Булычев).

В английском языке неодушевленный объект каузации также может репрезентироваться указательными, неопределенными или отрицательными местоимениями: *She pauses to let this sink in* (M. Atwood); *How can you get anything done in them, I think, without macros?* (P. Graham).

В целом, объект каузации не склонен к распространению, однако можно выделить ряд как лево-, так и правосторонних распространителей.

В **препозиции** к объекту каузации наблюдаются:

1) прилагательные, причастия и причастные обороты: ...*Both together sufficed to make the sad old story very real to her* (E. Bellamy); ...*Она, вооруженная кобургой и тряпкой, с засученными рукавами, в пять минут привела полгода нетопленную кухню в порядок...* (И.А. Гончаров). Прилагательные могут выступать в сочетании с усилительными частицами и местоимениями: ...*Было в ней, помимо несравненной красоты, что-то еще, что заставляло даже самых великих гордецов склоняться и гордиться тем, что принимает она их службу* (Е. Власова).

2) притяжательные местоимения и существительные в генетиве: *Don't allow your problems to dominate your life* (LED); *А потом долго внушали, какой*

горький срам причинила она, неблагодарная, своему роду (М. Семенова);

3) указательные местоимения: *I also asked her why they let that Bully Kid beat up on other kids (T. Capote); Не знаю, что побудило того офицера, вернувшись на Родину после войны, рассказать о ней моему отцу (С.Л. Берия).* Следует отметить, что в русском языке указательным местоимениям в данной позиции, как правило, сопутствуют местоименно-соотносительные придаточные: ... *Они с легкостью приводят в равновесие те предметы, у которых центр тяжести выше точки опоры (А.И. Куприн).*

4) неопределенные / определительные / отрицательные / дистрибутивные местоимения: *Good support for threads will enable all the users to share a single heap (P. Graham); Do you, in England, allow no friendship to exist between a young man and a young girl? (O. Wilde); Барон вел процесс, то есть заставлял какого-то чиновника писать бумаги... (И.А. Гончаров);*

5) квантитативные местоимения / числительные: *The high cost of borrowing is forcing many companies to close (LD); Допустим, в сорок седьмом еще можно было заставить подпрыгнуть два миллиона политзаключенных (В. Пелевин).*

Правостороннее распространение каузанта проявляет меньшую вариативность. Отмечаются следующие постпозитивные распространители:

1) описательные и определительные of-конструкции / существительные в родительном падеже, выражающие разнообразные виды определительного значения (субъектно-, собственно-определительное, определение по обладателю, по отнесенности к чему-либо и т.п.): ...*The profound differences which make the members of each sex in many things strange to the other... (E. Bellamy); Каждый удар заставлял стены шара становиться прочнее и толще (В. Пелевин);*

2) определительные придаточные: *How do you get the person who grows the potatoes to give you some? (P. Graham); ...Огромные волны заставляли дрожать скалы, на которых высился над пучиной ее замок (Е. Власова).*

Неодушевленный каузат также получает правостороннее распространение посредством предложно-именных словосочетаний, выполняющих локативную функцию: *A special spot-wave-scrambler also caused his televised image, in the*

area immediately about his lips, to mouth the vowels and consonants beautifully (R.D. Bradbury); *Уважаю его за то, что сумел привести к миру конфликт в Приднестровье и Чечне* (Б. Немцов).

Помимо вышеперечисленных постпозитивных распространителей в русском языке отмечаются: 1) адъективные и причастные обороты: *Заставь птицу, поющую в нежном восторге, закрыв глаза, в горячем луче солнца, понять хоть краешек мудрости человеческой, – и птица упадет мертвая* (А.Н. Толстой); 2) существительные в аппозиции: *...Радость была не такая частая гостья в нашей семье, чтобы заставлять нас, детей, томиться...* (К. Паустовский).

В качестве как одушевленного, так и неодушевленного объекта каузации могут выступать сочиненные члены предложения: *...It swung to one of the bamboo roof sticks and caused a shower of dust and bits of dried leaves to settle on the shabby table* (J. Conrad); *Стук ставни и завыванье ветра в трубе заставляли бледнеть и мужчин, и женщин, и детей* (И.А. Гончаров).

2.1.4. Способы языковой репрезентации консеквента / терминального состояния (Z)*

Компонент «терминальное состояние» проявляет наибольшую структурную и семантическую вариативность. Парадигматические соотношения данного типа особенно существенны, поскольку они связаны с передачей результата каузации. Парадигма элемента Z в конструкциях с исследуемыми глаголами представлена в Приложении 3.

В отдельных случаях отмечаются варианты КК, в которых терминальное состояние выражается личной формой глагола, например, в конструкциях с *Vcaus* в страдательной форме причастия: *Побужденный признательностию, он наговорил тут же столько благодарностей, что тот смешался, весь покраснел* (Н.В. Гоголь) ← *Чувство признательности побудило его наговорить....

Конструкции с компонентом Z, выраженным **инфинитивом**, являются наиболее употребительными: в их образовании участвуют глаголы *to make, to get, to let, to have, to cause, to force, to compel, to allow, to permit, to induce, to coerce,*

* Заметим, что обозначение данного элемента конструкции как «консеквент» или «терминальное состояние» условно, поскольку терминальное состояние невозможно рассматривать в отрыве от его носителя – объекта каузации. На уровне синтаксиса данные компоненты конструкции соединяет вторичная предикативная связь.

заставлять, вынуждать, принуждать, понуждать, побуждать, дать. Отмечаются также единичные случаи употребления глагола *допускать* в КК данного типа, в основном, в литературе конца XVIII века: *Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам (Д.И. Фонвизин).*

Инфинитив в конструкциях с глаголами *to take* и *to have* представлен в немаркированной форме. В американском варианте, особенно в южных диалектах, отмечаются также *have*-конструкция с маркированным инфинитивом и *get*-конструкции с немаркированным: *Have him to call me; I got her bring me the bread [Butters 1986: 184].* Инфинитив в данных конструкциях выступает в простой форме активного залога. Глаголы *to let, to cause, to allow, to permit, to enable* также моделируют конструкции с пассивной формой инфинитива: *Ned has already let it be known that he doesn't care much whether he lives or dies (R. Silverberg); ...The first sign of my endeavouring to escape would cause me to be sent to one of the hospitals for incurables (S. Butler); Visitors to Lyme in the nineteenth century... were certainly expected to allow themselves to be examined and spoken to (J. Fowles); James... went forthwith into the drawing-room without permitting this to be ascertained (J. Galsworthy); ...The system enables the fault to be traced back to the original workman (E. Bellamy).*

В русском языке инфинитив в КК исследуемого типа, как правило, передает активное значение, однако отмечаются и случаи выражения пассивного значения в лексеме глагола: *Когда они вернулись, Клавдия заставила его дважды пройти дезинфекцию (К. Булычев).*

Лексическое наполнение консеквента данного типа конструкций характеризуется большим разнообразием. Консеквент данных КК образуется от переходных и непереходных глаголов следующих основных семантических групп:

1) бытия / небытия, обладания: *to be, to happen, to behave, to stay, to grow, to last, to appear, to disappear, to collapse, to have, быть, жить, становиться, создавать, расти, убивать, исчезать, уничтожать, иметь* и т.п.: *The little kid hadn't pulled out anyone's heart or caused any planes to crash (S. King); They make*

you have good luck (H. Lee); Никакая плата не побудила бы его создавать меч для злого, разбойного человека... (М. Семенова);

2) положения и перемещения в пространстве: *to go, to come, to run, to move, to sit, to lie, to turn, to carry*, идти, отступить, лететь, перебираться, лежать, садиться, наклоняться, шагать, поднимать и т.п.: ...*Things that caused me to go to prison* (T. Capote); Дику захотелось попросить Салли, чтобы она разрешила ему сесть на ее место и управлять катером (К. Булычев);

3) эмотивных реакций, желания, восприятия: *to feel, to want, to shiver, to laugh, to gasp, to falter, to stare, to cower, to sound, to hear, to seem, to hurt, to see*, испытывать, уважать, тосковать, страдать, краснеть, замирать, вздрагивать, любить и т.п.: *Father being only a man, thought that it would make you feel among friends to tell you who we were* (E. Bellamy); Взгляды, которые ремингтонист метал на Эраста Петровича, заставили бы менее впечатлительного человека поежиться (Б. Акунин);

4) ментальных процессов: *to think, to understand, to memorize, to realize, to consider, to remember*, думать, забывать, вспоминать, верить, решать, задать, понимать и т.п.: ...*These discoveries forced Dewey to consider again the possibility of "plain robbery" as a motive* (T. Capote); Главный менеджер страны дал понять, что... государство готово учитывать интересы отечественного бизнеса (RC);

5) активного действия, в том числе

а) говорения: *to talk, to say, to tell, to argue, to ask, to promise, to question*, говорить, рассказывать, сообщать, произносить, повторять, просить и т.п.: ...*She caused a herald to proclaim as loudly as possible...* (G.R.R. Martin); Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побуждение непреодолимое скорее сообщить ее (Н.В. Гоголь);

б) действия, обусловленного физиологически: *to look, to watch, to eat, to drink, to cry, to vomit*, смотреть, пить, есть, спать, вглядываться, слушать и т.п.: ...*She brought him back to life in her arms, and made him breathe again with*

her own breath (J. Conrad); Одну на воздух, а другую, чтобы уйгур во дворе спать разрешил и водички дал (С. Логинов);

в) иного физического действия, в том числе связанного со специальным применением некоторого усилия (в частности трудовые операции): *to work, to write, to try, to do, to pay, to whip, to tape, читать, рисовать, платить, совершать, делать, работать, петь, надевать, торговать* и т.п.: *If we could only get him to try harder (MED); Обещаниями и дешевыми бусами, вынуждая их на свой страх и риск совершать чудовищные поступки (КП).*

Возможно употребление в качестве консеквента КК с инфинитивом другого каузативного глагола: *I interrupted to make Uncle Jack let me know when he would pull it out... (H. Lee); Клавдия нашла массу аргументов, заставляющих ее как человека, ответственного за экспедицию, воспрепятствовать этому сближению (К. Булычев).* В таких случаях имеет место ситуация двойной каузации, когда каузатор первичной КК заставляет объекта каузации совершить акт каузации над третьим лицом.

Следует указать, что в анализируемых конструкциях с глаголом *to get* каузатор и объект каузации преимущественно характеризуются одушевленностью, однако отмечаются и единичные случаи неодушевленных объектов в позициях X и Y: *This is the only way to get a kettle to boil up the river (J.K. Jerome).* В конструкциях, образуемых глаголами *to induce, to enable* объект каузации является одушевленным, возможно также употребление в данной позиции элементива или персонифицированного каузанта: *...Meteorologists are planning a barrage of rockets to induce rain to clean the roads, and the air (Guardian); ...Reading at runtime enables programs to communicate using sexpressions (P. Graham).*

В инфинитиве конструкций с глаголом *to have* выступают, как правило, только предельные, акциональные глаголы: *Donald had Paula learn the score of Beethoven's Fifth* (ср. **Donald had Paula know the score of Beethoven's Fifth*) [Baron 1974: 320]. Нами отмечается употребление неакциональных глаголов мысли в конструкциях в сослагательном наклонении, передающих значение побудительности, желательности: *I would have you know that... Would you have me*

believe that? (А.С. Хорнби). Н.С. Бэрон также указывает на большую частотность конструкций данного типа с эргативным инфинитивом: *My doctor had me restrict my consumption of eggs.* (Ср. **The comedian had his audience laugh*) [Baron 1974: 320]. Заметим, что при заполнении позиции Y в конструкциях данного типа неодушевленным объектом значение каузативности ослаблено или утрачивается: *Hagrid, can we have a window open?* (J.K. Rowling)

Интересную структурную особенность проявляют инфинитивные КК с глаголом *to let*. В КК данного типа с глаголами *to go, to fall, to slip* каузант, выраженный личным местоимением, занимает свое нормальное место, а выраженный существительным, особенно если при нем есть распространенное определение, ставится после вышеперечисленных глаголов: *Don't let it fall; He let fall a hint about his intentions* [Хорнби 1992: 42]. Это отклонение согласуется с общей тенденцией “short before long” в английском языке, по которой фонетически «тяжелое» дополнение смещается в позицию после краткого дополнения [Yamashita 2001].

КК анализируемого типа с глаголом *to coerce* не относится к широко распространенным, синонимичный вариант конструкции с предложной герундиальной группой является более употребительным. В зарегистрированных примерах отмечаются инфинитивы, образованные от переходных глаголов, обозначающих физические действия: *Stapleton was instrumental in encouraging the teams to coerce all competitors to sign a document...* (Observer). Элементы X и Y КК с глаголом *to coerce* и инфинитивным консеквентом представлены одушевленными объектами. Зафиксирован единичный случай заполнения данных позиций неодушевленными объектами: ... *To identify the genetic factors at work and develop drugs that would coerce the human body to heal itself when damaged* (Guardian).

В русских конструкциях с инфинитивным предикатом консеквента часто наблюдается опущение, грамматический эллипсис компонента Z конструкции, нередко и вместе с объектом каузации: *А я готовить не умею. – Заставим, – суровеет Коля (КП).*

Отметим, что конструкции данного типа, помимо вышеуказанных глаголов, могут моделироваться глаголом *приводить*, но только в довольно устойчиво-

вых, возможно, устаревших вариантах с каузатором, представленным существительными «бог», «случай»: *Эх, только бы привел мне бог благополучно добраться до берега с этими ротозеями!* (В. Каверин).

Инфинитивный компонент конструкции, в основном, получает правостороннее распространение за счет комплементов при инфинитивах, образованных от переходных глаголов. Возможно также постпозитивное распространение данного элемента конструкций за счет локативных оборотов: *He wanted to curse her for letting Jack die on the dirt road* (A. Proulx); ...*Что заставило хромавшую лошадь бодрей застучать по ухабистым камням площади* (И.А. Бунин).

В препозиции к компоненту Z в русских КК отмечаются следующие распространители: 1) частицы: *Клавдия могла заставить скаут опуститься на землю и даже провести опытное бурение* (К. Булычев); 2) наречия образа действия, отношения, частотности, времени, меры / степени и др.: *Нелепость этой мысли заставила досадливо поморщиться* (К. Булычев); *Если бы отец жил в деревне и ходил в этом мундире, он разрешил бы Олегу иногда надевать его* (К. Булычев). Инфинитивный предикат консеквента анализируемых английских конструкций не имеет тенденции к препозитивному распространению, за исключением, возможно, наречий меры / степени: ...*Remember you must not let old friends make you quite forget new ones!* (E. Bellamy).

КК с причастием I не относятся к числу распространенных, в их образовании регулярно принимают участие глаголы *to get* и *to have*. Причастие I выступает в данной конструкции в простой форме активного залога, оно не склонно к пассивизации, поскольку пациент является не только объектом воздействия, но и исполнителем. Как правило, причастие I в конструкциях данного типа образовано от переходных и непереходных глаголов физического и «моторного» действия: *My dad was strict, though. He wasn't happy unless he had me doing chores* (T. Capote). *We'd better get the kids going or they'll be late* (MED). Отмечаются также случаи образования причастия I от глаголов, выражающих психические и эмоциональные реакции (*to think, to thank, to laugh, to giggle* и др.): *Disgusted that*

the Slytherins had lost, he had tried to get everyone laughing at how a wide-mouthed tree frog would be replacing Harry as Seeker next (J.K. Rowling).

В тех случаях, когда в позиции Y выступает объектив, конструкция передает ситуацию, в которой каузатор приводит объект в его функциональное состояние: *I wonder if Frankie could get this video working (LD)*. Причастие I в КК данного типа образовано от глаголов *to work, to go, to run* (в значении «работать, функционировать»).

Позиция Z в конструкциях с причастием I не проявляет тенденции к распространению. В основном, конструкция получает правостороннее распространение за счет комплементов при причастиях I, образованных от переходных глаголов: *She had me doing all kinds of jobs for her (LD)*. Возможно также распространение данного типа конструкций посредством причастий I, соединенных сочинительной связью: *Within minutes he had the audience laughing and clapping (LD)*.

Тип *make*-конструкций с вторичным предикатом консеквента, выраженным причастием I, не отмечается в литературе о каузативах. Н.С. Бэрон говорит о невозможности построения такого рода конструкций: **The actress made her director eating out of her hand [Baron 1974: 308]*. По-видимому, неупотребительность *make*-конструкций с причастием I связана с распространенностью каузативных конструкций с глаголом *to set* и причастием I: *It set me thinking about social customs in a way I never did before... (J.M. Cain)*

Отмечается также ряд случаев употребления КК, образованных глаголом *to enable*, с причастием I в качестве консеквента: *...And her stay in the world would enable her discovering objects worthy her protection (M.G. Lewis)*. Однако эти единичные случаи зафиксированы только в произведении конца XVIII века, в настоящее время КК данного типа, по-видимому, вышла из употребления.

В каузативных конструкциях с вторичным предикатом консеквента, выраженным **причастием II**, выступают глаголы *to get, to have, to make*. Отмечаются также единичные случаи использования причастия II в конструкциях с глаголом *to render*: *...The merest association with it could render them terminally ostracised from LA high society (Guardian)*. КК с глаголами *to get* и *to have* проявляют

большее семантическое разнообразие. Принято считать, что в позиции консеквента, выраженного причастием II, употребляются исключительно переходные глаголы. Однако обнаруживается частое употребление и непереходных глаголов, удерживающих при себе предлог: *We must get it seen to* (А.С. Хорнби). Как исключение, А.М. Длугош отмечает случай образования причастия II от непереходного глагола *to die*: *He nearly got him died six years after this* [Длугош 1980: 16]. В целом, выделяются следующие основные семантические группы глаголов, образующих причастие II в данном типе конструкций:

– глаголы перемещения (например, *to put, to deliver, to bring, to send, to place, to transfer* и т.п.): *Harry, please relax, or Madam Pomfrey will have me thrown out* (J.K. Rowling);

– глаголы, связанные со специальным применением некоторого усилия (в том числе «сервисные» каузативы, например, *to do, to dress, to cut, to publish, to print, to whitewash, to panel, to tie* и т.п.): *We shall have the house painted* (А.С. Хорнби);

Реже отмечается употребление причастий, образованных от: 1) глаголов передающих социальные отношения (типа *to invite, to marry, to treat* и др.): *In a short time, I shall have a daughter married* (J. Austen); 2) глаголов восприятия: *I wonder how she manages to get herself noticed* (M. Atwood); 3) глаголов говорения: *He was having trouble getting his one last thing said* (R. Silverberg); 4) фазовых глаголов: *I should be able to get the first chapter finished by tonight* (MED).

В позиции каузатора анализируемого варианта конструкций выступает, как правило, одушевленный объект, компонент Y не имеет ограничений по параметру «одушевленность / неодушевленность».

Отдельную группу образуют конструкции с причастием II, допускающие экзистенциальную интерпретацию: *Michelangelo had his nose broken by a bully* (P. Graham); *I ran one, two hundred yards getting my feet all cut up...* (R. Silverberg). В целом, как замечает Н.И. Пушина, все конструкции данной группы реализуют значение нанесения ущерба субъекту (одушевленному / неодушевленному), что выражается в семантике причастия II, образованного от глаголов со

значением разрушения, уничтожения, вторжения, конфискации и т.д.: *to break, to kill, to cut off, to steal etc* [Пушина 2000: 139].

Отмечаются также редкие случаи использования глагола *to have* в его исторической функции: *The two others have purple placards hung around their necks...* (M. Atwood). В подобных конструкциях *have...hung* представляет собой аналитическое сочетание, изофункциональное перфекту и выражающее определенное состояние как результат одноименного действия [Болдырев 1995: 92]. Н.И. Пушина именует такие конструкции каузативно-подобными [Пушина 2000: 139].

Тип *make*-конструкций с причастием II развивается только в новоанглийский период и не относится к числу распространенных. Особенностью данного типа КК является то, что причастие II, как правило, образовано от глаголов восприятия или ментальной деятельности, а объект каузации является одушевленным и выражен возвратным или личным местоимением: *I had to shout to make myself heard above the music (LD)*; *He made it known that he would not be running for re-election (LD)*. В позиции Y данных КК также отмечается неодушевленный объект, распространенный притяжательным местоимением: *Rita has ways of making her resentments felt (M. Atwood)*. В случаях, когда каузатор представлен неодушевленным объектом, каузативное значение конструкции утрачивается: *With the second glass of champagne, a kind of hum makes itself heard...* (J. Galsworthy).

Компонент Z конструкции, выраженный причастием II, может получать левостороннее распространение за счет наречий: *Just as you get your side beautifully fixed, he gives it a hoist from his end, and spoils it all (J.K. Jerome)*. В позиции к причастию II выступают предложно-именные группы с разным значением: 1) локатива: *He could ... have me shipped off to the Colonies (M. Atwood)*; 2) экспериенсива: *...I might make my sentiments known to you (J. Austen)*; 3) инструментива: *A friend of mine got his oil checked with a horn dipstick...* (A. Proulx); 4) пациентива: *Are you trying to get something started between Oliver and me? (R. Silverberg)*.

В образовании конструкций с прилагательными участвуют глаголы *to make, to get, to have, to render, to force*. Наибольшее разнообразие проявляют

конструкции с глаголами *to make, to render, to get*. В данных конструкциях отмечаются как относительные, так и качественные прилагательные в положительной и сравнительной степенях сравнения: ...*Hawking a hand and body dryer that will, he believes, render towels obsolete (Guardian); In restoring your old car you have made yourself richer. You haven't made anyone else poorer (P. Graham)*. Реже наблюдаются случаи употребления в позиции консеквента прилагательных в превосходной степени: *I suspect the statements that make people maddest are those they worry might be true (P. Graham)*.

Прилагательные, отмеченные в данных КК, способны выражать:

1) физическое состояние объекта каузации: *In their estimation Gillian was young and stupid and would get herself pregnant in record time (A. Hoffman);*

2) психическое состояние объекта каузации: *He suddenly couldn't remember if he had known this or not, and it made him quite irritable (R.D. Bradbury);*

3) ситуативное состояние объекта каузации: *He helped his mother to get the tea ready (D.H. Lawrence);*

4) социальное состояние объекта каузации: *Being smart seems to make you unpopular (P. Graham);*

5) обладание объектом каузации: *He had married this woman, conquered her, made her his own (J. Galworthy).*

Заметим, что в конструкциях данного типа с глаголом *to get* не отмечаются прилагательные в сравнительной форме, что, по-видимому, связано со спецификой каузативного значения, передаваемого данным глаголом – «скачкообразный переход в новое состояние».

КК с глаголом *to have* малоупотребительны, чаще всего в данной конструкции отмечается прилагательное *ready*: *Make sure you have the car ready for tomorrow (LDC).*

В КК анализируемого типа с глаголом *to let* употребляются, в основном, прилагательные *loose* и *alone*: *Fireman in Seattle, purposely set a Mechanical Hound to his own chemical complex and let it loose (R.D. Bradbury); Your mother's tired – let her alone! (LD)*

Конструкция с глаголом *to force* употребляется с прилагательным *open* в значении «взломать, вскрыть, открыть силой»: *Clara, the coloured maid, found the door locked at 10 the next day, and they forced it open* (O. Henry).

КК с компонентом *Z*, выраженным прилагательным, склонны к левостороннему распространению. В качестве распространителей, как правило, выступают наречия, интенсифицирующие каузируемое состояние (*a lot, very, most, so, still, much, even, too, really, quite, perfectly, completely, totally, utterly* и др.), или наречия образа действия (*curiously, oddly, commonly, sufficiently, irresistibly* и др.): *My dear, don't tell me it's made him – really ill?* (J.M. Cain) ...*The envy of the women and adoration of the men would have rendered you already sufficiently remarkable* (M.G. Lewis).

Примечательно, что данный тип КК хорошо сочетается с результативными конструкциями *so... (that)...*, *too... to...*, *...enough to...*: *You'd get things so scrambled up nobody would know who to fight any more* (J. Knowles); *If there is enough demand for something, technology will make it cheap enough to sell in large volumes* (P. Graham); а также со сравнительной конструкцией *as...as...*: *...Which she must have done on purpose to make me as uncomfortable as she could* (M. Atwood).

В постпозиции к элементу *Z*, помимо придаточных предложений и инфинитивных комплексов, чаще всего обнаруживаются герундиальные обороты и субстантивные сочетания с предлогом *to*: *...He still seemed buried in a repose, which every succeeding minute rendered him less capable of enjoying* (M.G. Lewis). *...She wanted to compose her own, and to make herself agreeable to all* (J. Austen).

Позиция *Z* в данном типе КК также способна к распространению посредством сочинительной связи нескольких прилагательных: *...You have the whole summer ahead to get them nice and empty before next year starts...* (J.K. Rowling).

Следует отметить, что четырехчленные КК с прилагательными получают широкое распространение в современном английском. Чаще всего в образовании подобных конструкций участвуют глаголы, передающие физические действия различного характера (*to pull, to push, to rip, to shake, to slam, to jerk, to hold, to slide, to tear, to wrench, to crack, to snap*, и др.) в сочетании с прилагательными

open и *shut*: Gillian pushes the back door open (A. Hoffman); Harry snapped it shut ... (J.K. Rowling). Отмечаются также КК с прилагательными, выражающими внутреннее психическое состояние объекта каузации, который часто кореферентен субъекту: At breakfast on Thursday she bored them all stupid with flying tips... (J.K. Rowling); Dudley had laughed himself silly at Harry... (J.K. Rowling).

Четырехчленные конструкции с вторичным предикатом консеквента, выраженным **субстантивным** компонентом, моделируются глаголами *to make*, *to get*, *to cause*, *to render*, *to allow*, *to permit*, *позволять*, *разрешать*, *допускать*, *дать*. Отмечается также вариант конструкции с глаголом *вынуждать*: Выпрямив руку, он стал поводить браунингом перед собой, стараясь вынудить какой-нибудь уяснительный звук (В.В. Набоков).

Существительные в русских конструкциях данного типа употребляются преимущественно в винительном падеже, реже наблюдаются случаи использования существительных в родительном падеже: ...Ты причиняешь мне боль, любимая... (Е. Власова); Тот, похоже, все еще пытался развести ссорящихся и не допустить схватки (Н. Перумов). Отметим, что существительные в родительном падеже используются, в основном, в отрицательных конструкциях: Мать накачивала себя, вызывала гнев (К. Булычев); – Мое? – торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева (М.А. Булгаков).

Позицию существительного в данных КК могут замещать личные, указательные, неопределенные, отрицательные или относительные местоимения, выступающие, как правило, с постпозитивным распространителем: If a company wants to make a platform that startups will build on, they have to make it something that hackers themselves will want to use (P. Graham); Лучшее спасение – работа, но её нет, а мысль о развлечениях не вызывает ничего, кроме тошноты (С. Логинов); Ну давай, показывай, что ты там себе причинил (М. Семенова). Компонент Z может быть также представлен существительными с количественным значением, с последующим распространителем в виде существитель-

ного в родительном падеже: *Помнится, нас очень волновал и вызывал множество споров вопрос о вооружении (В. Каверин).*

Наибольшую семантическую вариативность компонента Z проявляют КК с глаголами *to make, to allow, to permit, допускать, позволять, разрешать*, в которых данный компонент выражен неодушевленными существительными:

1) предметными: *I'm saying that he'll make you a tractor to replace your horse (P. Graham);* *Заключённые...никогда не узнают, кто не хотел разрешить им елку, а кто разрешил (А.И. Солженицын);*

2) абстрактными: *Without allowing herself time for consideration... Elizabeth on finishing this letter, instantly seized the other (J. Austen);* *Ефремов себе этой иллюзии не позволил (RC).* Отметим частое употребление в данной позиции существительных широкой семантики, всегда выступающих с распространителем (как правило, правосторонним): *It was necessary to make this circumstance a matter of pleasure (J. Austen).*

В образовании КК анализируемого типа с глаголом *to make* также участвуют одушевленные нарицательные существительные со значением лица: *Attacking an outsider makes them all insiders (P. Graham).* КГ *to allow, to permit, допускать, позволять, разрешать* образуют широкий круг КК с субстантивным консеквентом, выражающим единичное, процессуальное или множественное действие: *And the doctor permitted his Irish nostrils two little snorts of triumphant air (J. Fowles);* *Ее друг происходил из богатой семьи, которая не допустила бы его женитьбы на девушке низкого социального положения (RC).*

В лексическом наполнении компонента Z конструкций анализируемого типа с глаголами *to cause, вызывать* участвуют неодушевленные существительные разной семантики, выражающие:

1) негативные эмоции (*worry, uneasiness, annoyance, confusion, affliction, misery, alarm, resentment, отчаяние, тревога, уныние, гнев, тоска, недовольство, подозрения, раздражение, ярость, негодование, горе* и др.): *...They died in a twelvemonth from the misery which their knowledge caused them (S. Butler);* *Старик был жалок, а не страшен, вызывал сострадание, а не ненависть*

(Н. Перумов). Эмоциональное состояние может быть выражено метафорически, в сочетаниях с существительными, обозначающими временной интервал: *This caused him many sleepless nights...* (J. Conrad).

2) позитивные эмоции (*excitement, rapture, surprise, удивление, изумление, восторг, интерес, восхищение, веселье, оживление* и др.): *This bit of cross-examination had caused great excitement in court* (A. Christie); *Деньги, которые умеют такое, вызывают уважение даже у самого законченного бессеребряника* (С. Логинов);

3) единичное, процессуальное или множественное действие (*delay(s), waste, arrest, accident, precipitation, споры, хохот, аплодисмент, кутерьма, усиление, рост, взгляды, восклицания, вопросы* и др.): *What caused the breaking of that twig?* (A. Bierce); *...Вызывая улыбки мужчин, весело и без тени смущения рассказывала она о своей поездке туда* (М. Семенова);

4) негативное физическое состояние человека (*pain, death, боль, увечья, головокружение, сотрясение мозга, метеоризм, рана, язвы, смерть* и др.): *I believe a speck of dust would have caused him more pain than a bullet wound* (A. Christie); *Вид крови в ней вызывал тошноту и головокружение* (В.В. Набоков);

5) общее значение «состояние» (*state, feeling, reaction, состояние, эмоции, чувство, реакция, настроение, ощущение* и др.): *He told me I had caused great ill-feeling among the brothers and the people* (A. Bierce); *Из всех сотрудников Дозора Медведь вызывал у меня самые странные и смешанные эмоции* (С. Лукьяненко).
Существительные такого рода всегда выступают в анализируемых КК в сопровождении пре- или постпозитивных распространителей.

Объект каузации в конструкциях данного типа с глаголом *to cause* может быть смещен за позицию Z, в таких случаях он сопровождается предлогом *to*: *These boys ... caused serious damage to an old and valuable tree* (J.K. Rowling).

Необходимо заметить, что в КК, моделируемых глаголом *причинять*, также употребляются существительные, выражающие негативные эмоции и плохое физическое состояние человека. Особенно часто отмечается использование существительного «вред»: *Слезайте, мы не причиним вам вреда!* (А. Беляев).

В конструкциях анализируемого типа, образованных глаголом *to get*, компонент *Z* выражен неодушевленным существительным, предметным или абстрактным: *For his birthday this year, I got my dad a sweater (MED)*; *Can you get me some fun? (S. King)* Возможно также замещение существительного в данной позиции неопределенным местоимением *one*: *The bike was obviously ruined, but would that cheapskate get me a new one? (S. King)* Следует отметить, что в данном типе каузативных *get*-конструкций в позиции *Y* представлен только одушевленный объект.

Глагол *to render* образует КК данного типа с неодушевленными абстрактными существительными: *Two factors have collided to render this the age of cynicism in television: opportunism and freedom (Guardian)*. Отмечаются также конструкции с одушевленными существительными: *...The natural Blush which glowed on their Cheeks rendered them in Camillo's Mind, finished Beauties... (J. Fowles)*. Заметим, что в современном английском конструкции данного типа малоупотребительны.

КК с глаголом *дать* и субстантивным консеквентом обнаруживают большую семантическую вариативность. Во-первых, глагол *дать* в КК данного типа может выступать как лексический каузатив, передающий ситуацию динамического обладания, что имеет место, в основном, при употреблении в качестве компонента *Z* неодушевленных предметных существительных [Виноградова 2003:108, Сюткина 2004:62]: *Отец дал мне яд (А.Н. Толстой)*. Во-вторых, КГ *дать* может употребляться в данной конструкции как пермиссивный глагол (чаще прохибитивный): *Видно было, что какая-то мысль не даёт ему покоя (С. Логинов)*. Пермиссивное значение передается КГ *дать* и в сочетаниях типа «дать разрешение, позволение, возможность» и т.п. В-третьих, КГ *дать* может функционировать в КК данного типа как фактитивный глагол с семантикой «каузация бытия, состояния»: *Со временем выяснилось, что применение «Перфторана», в том числе в малых дозах, часто дает положительные эффекты (RC)*; *Глобализация человечества дает понимание того, что требование отказаться от силы как средства решения споров является следствием этого процесса (RC)*.

Нельзя не отметить, что ряд глаголов, в частности *to cause, to induce, to compel, to force, to allow, to permit*, *вызывать, позволять, разрешать, допускать, дать* образуют псевдо-трехчленные каузативные конструкции с существительными, синонимичные анализируемому четырехчленным. Объект каузации в данных конструкциях, как правило, представлен в составе одного из распространителей существительного и может быть выражен:

1) притяжательным местоимением: ...*There was something noble in the simple faith of our visitor which compelled our respect (A.C. Doyle)*;

2) существительным в генетиве: *Besides, Lingard was rich, and that in itself was enough to compel Willems' unwilling admiration (J. Conrad)*; *Это ей нравилось, но вызвало рост воронки (С. Лукьяненко)*;

3) существительным или местоимением в составе предложной группы: *Sometimes he questioned, and induced in her mind temporary doubts (J. London)*; *И Петр Герасимович не вызывал нынче в Нехлюдове никакого неприятного чувства своей фамильярностью и хохотом (Л.Н. Толстой)*. Такие группы, в основном, образуются предлогами *in, for, to, of, between, у, в*. Представляют интерес предложно-именные распространители с синекдохическим объектом каузации: *Олег хотел думать о Марьяне и, засыпая, вызывал в памяти ее образ (К. Булычев)*;

4) прилагательным: ...*An evil which was causing general alarm throughout the country (S. Butler)*; *Общее изумление вызвал мужчина, затесавшийся на сцену (М.А. Булгаков)*.

Объект каузации в КК данного типа может быть кореферентен каузатору или представлен в предложении в качестве одного из актантов: *We can permit no second thoughts (R. Silverberg)*; *Том, похоже, все еще пытался развести ссорающихся и не допустить схватки (Н. Перумов)*. Объект каузации может быть не представлен на поверхностном синтаксическом уровне, но он легко выводится из контекста: *No effort of will can possibly induce disbelief in such a god (J. London)*. → **induce our disbelief*; *Прослышавший об этом Каганович решил меня предостеречь: "И ты разрешаешь этот брак?(RC) → *разрешаешь им вступить в брак.*

Отметим, что глагол *вызывать* способен образовывать собственно трехчленные КК. В таких конструкциях данный глагол передает значение каузации бытия, где объектом и одновременно результатом каузации выступает некая конкретная или абстрактная сущность: *Такой рост может идти при энергичном подпитывании со стороны мага, вызвавшего инферно...* (С. Лукьяненко).

Помимо вышеуказанных распространителей позиция субстантивного консеквента конструкции получает распространение за счет ряда иных языковых средств. В частности, в препозиции к существительному обнаруживаются: 1) причастия: *Яд этого полосатика хотя и не смертелен, но вызывает глубокие незаживающие язвы...* (К. Булычев); 2) неопределенные, отрицательные, количественные местоимения: *She hesitated a little before crossing, the sight of such an unusual object as an European-rigged vessel causing her some uneasiness...* (J. Conrad); *Солнце било прямо в кентуриона, не причиняя ему никакого вреда* (М.А. Булгаков); 3) указательные местоимения: *I wonder at Jolyon's allowing this engagement* (J. Galsworthy); *Полицейский ждал, недоумевая, что за внезапная надобность вызвала эту остановку* (Б. Акунин); 4) числительные: *But Time allows only one plea* (J. Fowles).

В качестве правосторонних распространителей отмечаются также: 1) адъективные и причастные обороты: *In your time the fact that women were dependent for support on men made the woman in reality the one chiefly benefited by marriage* (E. Bellamy); *Советский небоскреб вызывал какое-то подспудное уныние, совершенно неоправданное, но яркое* (С. Лукьяненко); 2) придаточные предложения: *Then, I think, I'll... allow myself the career I'm presently abandoning* (R. Silverberg); *А взрослые... допускали злодейскую, непростительную мысль, что Марьяна может не вернуться* (К. Булычев).

Позиция Z в конструкциях данного типа может получать распространение посредством ряда существительных, соединенных сочинительной связью: *...Its surface was broken by a very unexpected ripple, which has caused our friend considerable perplexity and annoyance* (A.C. Doyle).

Каузативные конструкции, в которых консеквент выражен **предложно-именной группой**, образуются глаголами *to get, to have, to make, to let, to allow, to permit, to force, to coerce, побуждать, принуждать, вынуждать, понуждать, приводить, вызывать, допускать*.

Среди английских КК исследуемого типа наиболее употребительными являются конструкций с глаголом *to get*. В литературе о каузативах обычно рассматриваются варианты *get*-конструкций с неодушевленным, как правило, предметным существительным в составе предложно-именной группы, имеющим значение локатива [Длугош 1980: 20; Baron 1974: 308]: *How on earth are they going to get that piano down the stairs (LD)?* Данный факт связан с тем, что в указанной конструкции употребляются предлоги направления и положения в пространстве: *up, down, across, to, on, out of, off, into, through, behind* и др. Однако, нами отмечаются и другие варианты анализируемой конструкции:

1) с абстрактным существительным, в том числе в составе устойчивых сочетаний типа *under control, in order* и т.п.: *“Now”, he says, “to get you into the spirit of the place, how about a little drink”? (M. Atwood); *It took them three hours to get the fire under control (MED);**

2) с одушевленным существительным или местоимением: *We’ll get the timetable to you as soon as we have it (MED);*

3) с существительным, обозначающим часть тела: *I wish I could get him out of my head (S. King).*

С глаголами *to let, to allow, to permit, to have* отмечается только локативный вариант конструкции с предлогами *in, into, out of, near, inside, on*: *Sally had refused to let the botanists into the yard (A. Hoffman); I don't allow the cat in the bedroom (LED); They’ll catch the maniac who did it and have him out of here in no time (J.K. Rowling).*

Make-конструкции с предложно-именной группой не отмечаются исследователями. Н.С. Бэрн, сравнивая каузативные конструкции с *to make, to get* и *to have*, отмечает существование *get*- и *have*- конструкций с предложно-именными группами со значением локатива, но указывает на неграмматичность подобных

make-конструкций: **The provost made the students out of his office* [Baron 1974: 308]. Нами отмечается вариант конструкции с предлогом *into* при неодушевленных и одушевленных объектах каузации: ...*She'd save up the safety pins and make them into a chain* (M. Atwood); *You'd never have believed a pretty young lady like that could have made herself into such a ruffian* (A. Christie).

Глаголы *to force* и *to coerce* образуют конструкции анализируемого типа преимущественно с предлогами *into, to, towards, out of, on*. Существительные, употребляемые в составе предложно-именной группы, могут быть: 1) предметными, со значением локатива: *He tried to force the suitcase through the tiny hole in the fence* (LDC); 2) абстрактными, передающими консеквентное состояние объекта каузации: ...*Azirun, who helps her parents coerce Shahanara and little sister Hushnara into wedlock* (Guardian).

Русские одноконстантные каузативные глаголы употребляются в анализируемом типе конструкций с определенными предлогами: глаголы *побуждать, приводить, вынуждать, принуждать, понуждать* – с предлогом *к*, глагол *вызывать* – с предлогом *на*, глагол *приводить* также используется с предлогом *в*.

Рассмотрим вариант конструкции с предлогом *к*. Отметим, что в составе предложно-именного словосочетания конструкций, образованных глаголами *вынуждать, принуждать, понуждать, побуждать*, преимущественно употребляются отглагольные существительные (*служба, покаяние, восстание, деятельность, сопротивление, прогулка, бой, скандалы* и т.п.): *Шаги королевской власти вызывали раздражение у части французской элиты, вынуждая ее к активному сопротивлению* (КП). В конструкциях с глаголом *приводить*, помимо подобных существительных, употребляются существительные, передающие терминальное состояние объекта каузации, оцениваемое как положительное (*мир, солидарность, ясность, известность, добро* и т.п.), так и отрицательное (*гибель, регресс, конец, несправедливость, крах, трагедия, уничтожение* и т.п.): *Уважаю его за то, что сумел привести к миру конфликт в Приднестровье и Чечне* (Б. Немцов); *Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному регрессу* (К. Булычев). Часто в данной позиции употребляются

абстрактные существительные типа *результат, последствия*, как правило, с распространителем – прилагательным оценки: *...Курс, взятый советским руководством, приведет к печальным последствиям* (С.Л. Берия).

Объект каузации в конструкциях с глаголом *приводить*, подобно КК с глаголом *вызывать* и субстантивным предикатом консеквента, часто опускается или выражается через распространители существительного: 1) постпозитивные существительные в родительном падеже: *...Проклятию Людей, которое ведь, если разобраться, и привело к гибели Нуменора!* (Н. Перумов); 2) ряд прилагательных: *К чему приведет вас кредит? ... – Да хоть ко всеобщей солидарности и равновесию интересов приведет* (Ф.М. Достоевский); 3) притяжательные местоимения: *...Это, как правило, приводит и к их личной трагедии, и к трагедии народа* (Б. Немцов).

Объект каузации в КК с компонентом Z, выраженным сочетанием с предлогом *к*, помимо существительного, может быть представлен местоимениями-субститутами (вопросительными, указательными, отрицательными): *Государство – аппарат принуждения, а к чему ты меня принудишь, если я уже померла?* (С. Логинов). В КК с глаголом *приводить* и предлогом *к* в позиции Z может быть представлено местоименное слово *тому*, с последующим местоименно-соотносительным придаточным: *Но потом теснота в квартире и невозможность за собакой нормально ухаживать привели к тому, что она ушла к другим хозяевам* (Б. Немцов).

В каузативных конструкциях с глаголом *приводить* и предложно-именной группой с предлогом *в* отмечаются классы существительных, схожие с теми, что выделяются в КК с субстантивным предикатом консеквента, образованных глаголом *вызывать*:

1) существительные, выражающие негативные эмоции (*ярость, гнев, отчаяние, бешенство, ужас, уныние, грусть, смятение* и др.): *Собственное косноязычие привело его в отчаяние* (М. Семенова);

2) позитивные эмоции или состояние объекта (*восторг, изумление, известность, гармония, героизм, равновесие, порядок* и др.): *...Земля уравнивается*

среди разнообразия звездных влияний и приведет в гармонию все свое сложное колебательно-поступательное движение... (А.П. Платонов). Часто отмечается употребление устойчивых словосочетаний *в себя, в чувство, в сознание, в порядок*: *Ладно, ты тут приведи все в порядок, а потом поболтаем* (Д. Донцова);

3) процессуальное действие (исполнение, движение и др.): *Машина была довольно тяжелой, и приводить ее в движение было трудно* (В. Пелевин);

4) существительные с общим значением «состояние» (*состояние, настроение, расположение* и др.), получающие лево- / правостороннее распространение: *...Они поражают отравленным кинжалом в нервные центры и этим приводят их в состояние полного паралича* (А. Беляев).

Предложно-именные словосочетания с предлогом *на* употребляются в конструкциях, образованных глаголом *вызывать*. Отмечается также единичный вариант конструкции с глаголом *вынудить*: *Только кто ее вынудил на подобный шаг? – скривилась Настя* (Д. Донцова).

В конструкциях с данным предлогом используются, как правило, существительные, передающие единичное или множественное действие: *Он... схватил из-под ног обросший мхом гнилой сук и запустил им в кобеля, надеясь обозлить его и вызвать на неразумный прыжок* (М. Семенова); *Волкодав словно встречал кого-то, наседавшего с оружием, вызывал его на удары...* (М. Семенова). Реже наблюдаются случаи, в которых существительное передает состояние объекта каузации: *Вызвать на откровенность* (СО).

Отметим, что в данном варианте конструкции часто употребляются существительные типа *дуэль, поединок, единоборство, соревнование* и т.п. В подобных случаях *вызывать* выступает как глагол речевой каузации и не является результативным: *Молодой вельх даже не закричал, вызывая Волкодава на поединок* (М.Семенова) → *...но последний отклонил вызов.

Распространение в данном типе конструкций получает субстантивный элемент. В препозиции отмечаются: 1) прилагательные, функция которых заключается как в характеристике существительного, так и в передаче степени проявления состояния, выраженного существительным: *...He had to force himself into a*

*gracious behaviour (J. Conrad); ...Я своими разысканиями и строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привел... (А.С. Пушкин); 2) притяжательные местоимения: *Then gradually the almost infinite size of this water forced itself on his attention (W. Golding); 3) указательные местоимения: ...Кр. не без труда принудил себя к этой верховой прогулке (В.В. Набоков); 4) неопределенные местоимения: *Щедрость его хотя и очень понравилась тетушкам, но привела их даже в некоторое недоумение своей преувеличенностью (Л.Н. Толстой).***

В качестве правосторонних распространителей, в основном, выступают: 1) существительные в генетиве: *Сталин... прекрасно понимал, что дальнейшие репрессии могут привести в итоге к краху его личной власти (С.Л. Берия); 2) определительные предложно-именные словосочетания: *Голова и предсказание консультанта привели его к мысли о Понтии Пилате... (М.А. Булгаков); 3) определительные, местоименно-соотносительные придаточные, придаточные места: *I had tried to get them into a position where there was nothing else they could say (J.M. Cain).***

Предложно-именной компонент конструкции может получать распространение за счет существительных, соединенных сочинительной связью: *Но в коридоре был удручающий тифозный воздух... который тотчас же приводил в уныние и грусть всякого вновь приходившего человека (Л.Н. Толстой).*

Необходимо отметить, что глаголы *приводить, допускать, вызывать* могут употребляться в данных конструкциях с предложно-именными группами в значении локатива: *Я вас приведу в поселок, я обещаю (К. Булычев); Заранее предвкушая прибыльное развлечение, ассирийцы раздвинулись, допустив на стену первый ряд атакующих (С. Логинов); Хозяйка вызвала его в другую комнату (Л.Н. Толстой).* Круг предлогов, используемых в данных конструкциях, достаточно широк – это предлоги места и направления *в, к, на, за, до* и др. КК с глаголом *допускать* также могут передавать каузацию действия: *Рогволд, молодые товарищи которого не допустили его до тяжелой работы (Н. Перумов) → не позволили ему работать.*

В качестве компонента Z конструкций с КГ *приводить, допускать, вызывать* также могут употребляться **наречия** пространственного значения: *Записывались порой лица странные, вполне чуждые химии, которых привела сюда молва или мода (С. Логинов)*. Нередки случаи, когда локативный компонент Z не представлен в структуре предложения, однако из контекста ясно, что имеется в виду место нахождения каузатора: *Он успел подготовиться к бою и вызвать подмогу (С. Логинов)*.

В литературе об английских каузативах уделяется мало внимания использованию в качестве вторичного предиката КК **адвербиальных элементов**. Конструкции с ними образуют глаголы *to get, to have, to make, to force, to let, to allow*. В качестве адвербиальных элементов выступают наречия и поствербативы: *Filch 'll have me there all night (J.K. Rowling)*; *She was pulling at me, to get me up, respectably onto my feet (M. Atwood)*; *He got up and put back the curtains and opened the windows wide to let the night air in (R.D. Bradbury)*. Заметим, что глагол *to make* употребляется в данной конструкции только с поствербативами, подвергшимися идиоматическому переосмыслению: *At Testifying, it's safer to make things up than to say you have nothing to reveal (M. Atwood)* – *to make sth. up* «выдумывать». В целом, конструкции такого типа передают значение локатива, однако возможны и другие значения, в частности, значение изменения состояния: *Boston college, maybe, or, if she can get her grades up, Brandeis (A. Hoffman)*.

Постпозитивы в функции вторичного предиката имеют тенденцию к употреблению с правосторонними распространителями, представленными предложно-именными группами: *Vallance seized his arm and forced him back to the bench (O. Henry)*. Наречия в данной позиции не склонны к распространению.

Глаголы *to force* и *to coerce* образуют также конструкции с предлогом **into** и **герундием** в позиции Z. Герундий в данных конструкциях выступает в простой форме активного залога: *Bad health forced her into taking early retirement (LD)*. Как правило, герундий образован от предельных, переходных глаголов. В качестве компонента Y в конструкциях такого рода выступает одушевленный объект каузации: *Her parents are trying to force her into marrying a man she*

hardly knows (LA). Позиция предиката консеквента получает правостороннее распространение за счет использования прямого и косвенного дополнений при герундии: *John Rutter, who tried to coerce Cameron Dias into paying him millions of dollars...* (*Guardian*).

Следует отметить, что в английском языке существует целый ряд глаголов, образующих каузативные конструкции с предлогами *into* и *out of*, подобные представленным выше. В качестве объектно-предикативного члена в данных конструкциях выступают герундий, имена существительные и замещающие их местоимения: *I think I'll bully father into getting me one* (*J.K. Rowling*); *Ron steered him out of the hall* (*J.K. Rowling*). А.И. Рейдель выделяет три группы глаголов, приобретающих каузативное значение в указанной конструкции: 1) глаголы, выражающие физическое воздействие: *to whip, to starve, to thrash, to bludgeon, to club, to jostle, to pummel, to slap* и др.; 2) глаголы, выражающие эмоциональное воздействие: *to blackmail, to terrorise, to outrage, to badger, to cow, to goad, to hypnotise, to hoax, to fool* и др.; 3) смешанная группа глаголов разной семантики: *to creak, to catch, to mother, to vote* и др. [Рейдель 1971: 17-18].

Н.С. Бэрн указывает на возможное заполнение позиции Z в конструкциях с глаголами *to make, to have, to get* **придаточным предложением** цели: *I asked my lawyer to have it so that the case would not come up for another month* [Baron 1974: 308]. Нами отмечаются также объектные придаточные и придаточные места: *He has made a company what it is today* (*A.C. Хорнбу*); *You don't know what we had to go through, just to get you where you are* (*M. Atwood*). Конструкции данного типа с глаголом *to allow* не относятся к каузативным, так как передают значение «признавать, соглашаться с»: *I allow that there may have been a mistake* (*LED*).

Трехчленные каузативные конструкции с консеквентом, выраженным объектным придаточным, также образуются глаголами *позволять, допускать*: *Но я не позволю, чтобы кто бы то ни было касался моих лесов!* (*Н. Перумов*); *Олег понял, что не может допустить, чтоб Марьяна с Диком без него полетела в такую даль* (*К. Булычев*). Все отмеченные конструкции данного типа передают

прохибитивный вариант каузации, где объект каузации, как правило, выражен подлежащим придаточного предложения, а консеквент – сказуемым.

Таким образом, анализ английских и русских фактитивных и пермиссивных конструкций позволил описать парадигму КК по линии четырех компонентов конструкций – каузатора, оператора каузации, объекта каузации и консеквента. Консеквент, репрезентирующий результат каузации или терминальное состояние каузанта, является структурно вариативным компонентом, что дает возможность выстроить типологию КК: КК с инфинитивом, причастием I, причастием II, герундием с предлогом, субстантивным консеквентом, прилагательным, предложно-именной группой, адвербиальным элементом и придаточным. Помимо лексического наполнения каждого компонента КК, важную роль играет их внешнее распространение.

2.2. Типы межкатегориальных связей каузативных конструкций

Каузативные конструкции демонстрируют большое многообразие межкатегориальных связей, одни из которых характерны для большинства консеквентных парадигматических вариантов конструкций, а другие обусловлены типом и семантикой компонента *Z* и являются специфичными лишь для отдельных видов каузативных конструкций. Целесообразным представляется рассмотрение прежде всего наиболее устойчивых, типичных связей, свойственных большинству анализируемых КК.

2.2.1. Межкатегориальные связи, актуализируемые в рамках всей типологии КК

ФСП каузативности как микрополе в составе категории обусловленности (каузальности), устанавливает регулярные связи с другими межкатегориальными значениями **каузального комплекса** – причины, следствия, цели, условия, уступки. Каузативные конструкции образуют в сочетании с каузальными сложные смысловые цепи отношений, передающие детерминированность явлений действительности, их взаимовлияния и упорядоченности, тем самым обеспечивая локальную связность, или когезию, текста.

Каузативные конструкции, образуемые практически всеми КГ, могут выступать в подобных макроструктурах, выражающих отношения обусловленности в

качестве как обусловливающего, так и обусловливаемого компонента: *She would have quitted the house for ever, had not the entreaty of her eldest girl induced her first to reflect on the propriety of going...* (J. Austen): КК с глаголом *to induce* является обусловливающим компонентом в каузальной структуре условия; *И в какой-то момент этот сторож заставил меня поднять голову, потому что в комнате что-то произошло* (А.Н. Стругацкий): КК с глаголом *заставлять* представляет собой обусловливаемый компонент в каузальной структуре причины.

Данные отношения не являются специфичными для исследуемых языков и отмечаются и во многих других языках, например, в немецком: *“Warum habe ich dich nur besuchen müssen!” wiederholte er mehrere Male, um Karl die Mitschuld nicht vergessen zu lassen...* (F. Kafka): КК с глаголом *lassen* выступает как обусловливаемый компонент каузальной структуры цели.

Нередки случаи, когда КК образуют усложненные построения с другими фактитивными и пермиссивными КГ, передавая ситуации двойной, тройной и т.д. каузации: *I interrupted to make Uncle Jack let me know when he would pull it out...* (H. Lee); *Клавдия нашла массу аргументов, заставляющих ее как человека, ответственного за экспедицию, воспрепятствовать этому сближению* (К. Булычев). В данном случае каузант фактитивной КК является одновременно каузатом пермиссивной / прохибитивной) КК. Подобные **связи фактитивных и пермиссивных значений** каузации обнаруживаются и в ряде других языков, например, в немецком: *...Da sie also zur Vermeidung der Alimentenzahlung und des Skandals ihren Sohn, meinen lieben Neffen, nach Amerika haben transportieren lassen* (F. Kafka). Пример передает ситуацию двойной каузации, где пермиссивное значение сопряжено с фактитивным значением каузации локативного состояния.

Отметим, что КК данного типа могут быть рекурсивными, позволяя описание ситуаций тройной, четырех- и даже пятикратной каузации: *The corporate executives made the president make the general make the sergeant make the private kill the reporter* [Stabler]. В русском языке подобные КК тоже возможны, но с вариацией КГ: *Корпоративные боссы заставили президента попросить генерала приказать сержанту дать команду рядовому убить репортера*. Передача ситуаций

двойной, тройной и т.д. каузации наблюдается и в языках с морфологическим каузативом, например, в языке Боливии *Quechua: Susanitapaj t'impuchichichiy lecheta – Have someone make boiling milk for Susanita* [Stabler, см. также Herrero 1978: 216]. Вместе с тем отмечается, что итерация третьего и более каузативного суффикса не выражает идею множественной каузации, а служит для передачи юмористического или эмфатического эффекта, что, как указывает Е.П. Стаблер, имеет место и в ряде других языков, например, в турецком и малайском [Stabler]. Некоторые языки с морфологическим каузативом, в частности Суахили, вообще не допускают итерации каузативного суффикса: **Mwalimu a-li-m-fungu-lish-ish-a msichana mlango. – The teacher made someone make the girl open the door* [Stabler].

Возможны не только линейные, но и параллельные связи нескольких КК, когда КК объединены одним каузатором (X) или объектом каузации (Y): *...He (X) was explaining this to me, speaking very fast, never once letting me get a word in edgewise, making everything sound almost rational and logical (R. Silverberg); But I don't think it's social to get a bunch of people (Y) together and then not let them (Y) talk, do you? (R.D. Bradbury)*

Каузативные конструкции, подобно другим конструкциям с семантикой обусловленности, тесно связаны с **категорией таксиса**, понимаемой как временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса [Бондарко 1987в: 234]. КК как конструкции, представляющие собой сочетание основной (каузирующей) и вторичной (каузируемой) предикации, передают отношения зависимого таксиса. Доминирующим таксисным значением, реализуемым в данных конструкциях, является значение разновременности, а точнее, предшествования antecedента консеквенту. Это обусловлено природой причинно-следственных отношений, которые часто трактуются в философии и логике через временную последовательность явлений действительности.

Отношения разновременности, актуализируемые в КК, могут носить строгий (сильный) или нестрогий (слабый) характер. Первый тип наблюдается, когда

действие А (антецедентное) строго предшествует действию В (консеквентному), т.е. «тогда и только тогда, когда каждый момент, в который имеет место А, находится ранее каждого момента, в который происходит В» [Полянский 1987: 243]: *I caused a rumour to reach her that my fortune was not a third of what was supposed (Ch. Bronte); Башкирское управление, в котором я служила, разрешило мне остаться на лето в Москве (В. Каверин)*. Нестрогая разновременность предполагает отсутствие строгой временной регламентации границ действий, т.е. сосуществование на каком-либо временном отрезке конечной части каузирующего действия с начальной частью каузируемого – «слабое предшествование» [Полянский 1987: 245]: *...The hot day made her feel very sleepy and stupid (L. Carroll); И все-таки эта деталь вызывала раздражение (С. Лукьяненко)*.

Отношения строгой и нестрогой разновременности можно отметить и в КК других языков: 1) строгая разновременность: *...Er neigte sich vor und zwang einen Käfer umzukehren (R.M. Rilke)*; 2) нестрогая разновременность: *“Dein Gesicht macht mich nicht fröhlicher”, sagte er (T. Storm)*.

Разумеется, выделение данных типов для КК является в некоторой степени условным, поскольку всегда присутствует момент воздействия каузатора на объект каузации, а способ воздействия в КК с рассматриваемыми КГ не выражен и домысливается из контекста. Тем не менее, наблюдается ряд закономерностей, позволяющих определить тип отношений разновременности. Последний зависит как от аспектуального значения КГ, так и от заполнения позиции консеквента. Отметим, что в зарубежной литературе о каузативах для обозначения данных типов каузации со строгим и слабым предшествованием были предложены термины *launch/trigger* («запуск») и *entrainment* («захват») *causation* соответственно [Stefanowitsch 2002; Salo 2003: 85]. Однонаправленные в онтологическом и семантическом плане отношения причинения на поверхностном синтаксическом уровне имеют прямой, совпадающий по вектору порядок выражения, в отличие от большинства каузальных конструкций, допускающих обратный порядок следования обусловливающего и обусловливаемого компонентов.

Каузативные глаголы, образующие анализируемые конструкции, являются одним из главных источников категориальных значений – в частности, значений темпоральности, временной локализованности, аспектуальности, модальности.

Темпоральность понимается как семантическая категория, отражающая понимание человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи или к иной точке отсчета [Бондарко 1990: 5]. Каузирующее действие, выражаемое КГ, может иметь абсолютную темпоральную отнесенность и локализовываться в сферах прошедшего, настоящего и будущего, что находит отражение в использовании соответствующих видо-временных форм: *That's why we had the light fixture removed (M. Atwood)*; *Полное расстройство здоровья не позволяет мне исполнять мои обязанности по службе (С. Логинов)*; *"Fritz will get you some beer," she said (K. Mansfield)*. Вместе с тем, каузирующее действие может быть релятивным, передавая временную ориентацию акта каузации относительно другого действия, например, в придаточных предложениях и причастных оборотах, деепричастных оборотах в русском языке: *I fear you will compel me to go through a private marriage ceremony (Ch. Bronte)*; *...Они что-нибудь вышивали, сидя в березовой аллее и заставляя меня читать вслух Гончарова (И.А. Бунин)*.

Связи каузативности со значениями абсолютной и относительной темпоральной ориентации передаются и в немецком языке, в основном, посредством временных форм, причастных оборотов и придаточных предложений: *Das schlechte Wetter nötigte sie, nach Hause zu gehen (Enkarta)* – абсолютная временная отнесенность действия, выраженного КГ *nötigen* в форме *Präteritum*; *"Alter, was wird mir passiert sein!" erwiderte ich, mich zum Lachen zwingend (W. Hauff)* – причастие I *zwingend* выражает релятивное время акта каузации.

Отмечаются связи каузативности со значениями категории **временной локализованности**, в частности, значениями конкретности и неопределенности местоположения КС во временном потоке. Конкретная временная локализованность может не получать акцентуации в структуре КК и включаться в осознаваемый говорящим смысл высказывания, отражаясь в видо-временных глагольных

формах, например, в форме конкретного прошедшего времени. Вместе с тем, возможна экспликация данного значения за счет лексических операторов, причастных и причастных оборотов, указывающих на временную локализованность акта каузации: *Before the committee vote, Bush's administration had tried to coerce the top military lawyers, the judge advocates general (JAGs) into signing... (Guardian)*; ...Вспомни, сколько странного и нехорошего приключилось с тобой с того дня, когда ты привела в кром этот корень всех зол... (М. Семенова). Подобное имеет место и в ряде других языков, например, в немецком: *Der mit dem gepuderten Haupte, Mr. Haise ließ sich gestern in einem Nankingmorgenrock auf der Terrasse sehen... (B. von Arnim)*. В таком случае речь может идти о варианте «фиксированной локализованности во времени» [Бондарко 1987б: 214].

Каузирующее действие может носить нелокализованный во времени характер. Нами отмечается реализация в КК всех типов временной нелокализованности, выделенных А.В. Бондарко [Бондарко 1987б: 217-233]:

1) «простая повторяемость», т.е. неограниченная повторяемость действия в рамках конкретного эпизода: *They listened to the confused but loud utterance coming in bursts of unequal strength, with unexpected pauses and noisy repetitions that made some words and sentences fall clear and distinct on their ears... (J. Conrad)*; Мы пробовали садиться, но холод и сырость вынуждали нас идти дальше (ССРЯ). В обоих случаях повторяемость действия выражена через видо-временную форму КГ, в первом примере она получает акцентуацию за счет множественности субъекта и объекта каузации, что позволяет говорить о сложных связях межкатегориальных значений временной нелокализованности, аспектуальности и количественности. Простая повторяемость действия может быть репрезентирована в КК при помощи лексических средств: *Again and again Ron and Hermione made him recount what he'd seen (J.K. Rowling)*; Он вновь и вновь заставлял диагноста сообщать, как функционирует мозг (К. Булычев).

2) обычность (узуальность), которая сопряжена с оценкой говорящим повторяющегося действия как выходящего за рамки конкретного эпизода, типичного для некоего временного плана: *I don't sing like this often. It makes my throat*

hurt (M. Atwood); ...Неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой (И.А. Гончаров). Значение узуальности акта каузации передается в первом примере посредством формы *Present Simple*, во втором – формы прошедшего времени несовершенного вида. В обоих случаях налицо лексическая репрезентация данного значения через наречия частотности.

3) временная обобщенность (вневременность), характеризующаяся наивысшей степенью генерализации ситуаций действительности, суждением о действии как о закономерности: *They [programs] allow you to crunch together a great deal of information and fit it all into one file* (J. Carroll); Плачущий ночью к слезам побуждает другого (К. Паустовский).

Аналогичные типы связи отмечаются и в немецком языке: *Da fiel ihm der Kopf vornüber, und er zwang ihn nur mühsam wieder empor* (R.M. Rilke) – простая повторяемость; *Denk nur, wenn Brunelda nicht zu Hause war, hat sich der Mann von dem Diener in ihre Zimmer führen lassen und immer eine Kleinigkeit als Andenken mitgenommen* (F. Kafka) – узуальность акта каузации; *Wenn man den menschlichen Geist von einer Hypothese befreit..., die ihn zwang, falsch oder halb zu sehen... so hat man ihm schon einen großen Dienst erzeigt* (J.W. Goethe) – вневременной характер каузирующего действия.

ФСК таксиса, темпоральности и временной локализованности, образующие связи с категорией каузативности, в свою очередь, не могут рассматриваться в отрыве от ФСК **аспектуальности**, передающей характер протекания и распределения действия во времени [Бондарко 1987а: 40]. Аспектуальная характеристика обязательна для всех высказываний с глагольными предикатами, поэтому в передаче аспектуальных значений в КК участвует, прежде всего, каузативный глагол, а также обстоятельственные элементы высказывания. Аспектуальность образует сложный, неоднородный комплекс, объединяющий значения лимитативности, длительности, кратности, фазовости и др.

Говоря о связях каузативности и **лимитативности**, следует отметить, что каузативное действие, как правило, является предельным, что находит выра-

жение в совершенном виде глагола в русском языке, форме прошедшего времени или перфекта в английском или немецком: *“I got you meat!” (W. Golding); Восклицание вызвало воспоминание (И.А. Гончаров); Sie brachte inzwischen notdürftig ein Becken voll warmen Kaffee zusammen, welchen mit ihr zu teilen sie den Geliebten zwang (G. Keller).* Вместе с тем, помимо реального предела, выражаемого в вышеприведенных примерах, каузативные конструкции способны передавать ситуации с потенциальным пределом, подразумевающие процессность, направленность на достижение предела. Такого рода ситуации могут быть закрытого типа, т.е. соотносить потенциальный предел с реальным, который в КК выражен четвертым элементом конструкции – консеквентом: *Even remembering it now makes me feel all tense and scratchy (S. Kinsella); Лес вызывал в Клавдии отвращение, но и притягивал ее (К. Булычев).* Интерес представляют такие предельно-процессные ситуации, в которых реальный предел не находит выражения в самой конструкции, а вытекает из более широкого контекста: *Я упал бы, но сила, бьющая из поднятых рук шефа, держала меня – и Ольгу, на невидимых ниточках, заставляла изгибаться, прижиматься друг к другу (С. Лукьяненко).* В данном случае реальный предел каузативного действия – завершение процесса превращения – выносится за рамки КК.

Особо следует отметить связь каузативности со значением **наблюдаемости, перцептивности**, поскольку каузативный глагол, помимо некоего действия, совершаемого каузатором-агенсом, способен выражать акт восприятия каузатора-источника, что легко доказывается путем трансформации, разложения высказывания на антецедент и консеквент: *...The sight of their black skirts and boots induced silence in even the rowdiest book borrowers (A. Hoffman).* – **The rowdiest book borrowers saw their black skirts and boots → They became silent.* Заметим, что в данном примере значение перцепции подкрепляется употреблением в качестве каузатора отглагольного существительного, образованного от глагола восприятия *to see*, однако и в русском, и в немецком, и в английском, и некоторых других языках отмечаются примеры, в основном, с каузатором, выраженным неодушевленным существительным или его заместителем, демонстрирующие акт пер-

цепции объектом каузации каузатора: *Каждая его гримаса вызывала дружный хохот (Н. Перумов); Diese große Hitze macht mich durstig (Enkarta); ...Nothing annoyed her so much as the occurrence of any incident which forced her to vary its clock-work regularity (Ch. Bronte)*. В целом, наблюдаемость внутренне свойственна всем КК как отражающим изменения действительности и передающим восприятие этих изменений как причин и следствий неким наблюдателем.

В каузативных конструкциях отмечается совокупное выражение значения каузативности и аспектуальных значений **кратности** действия. Под последним понимается характеристика действия с точки зрения прерывности / непрерывности его осуществления [Храковский 1987: 124]. Семантический признак кратности реализуется как совокупность двух сопряженных значений: однократности и неоднократности. Отметим, что ФСП кратности пересекается с ФСП временной локализованности, и значение однократности каузируемого действия, превалирующее в анализируемых КК, выражается совместно со значением временной локализованности. Значение многократности реализуется в семантическом типе итеративной (дискретной) неоднократности, нелокализованной во времени и передающей множество повторяющихся ситуаций с одними и теми же участниками. Эти значения были рассмотрены при анализе межкатегориальных связей каузативности и временной локализованности. Следует отметить возможность выражения в рамках КК значений счета при помощи обстоятельств кратности КГ в форме прошедшего времени: *Fourteen times he made me buff up that Quiddich cup before he was satisfied (J.K. Rowling); Когда они вернулись, Клавдия заставила его дважды пройти дезинфекцию (К. Булычев)*.

Отмечается фазисная детерминация акта каузации, т.е. одновременная реализация каузативных и **фазовых значений**: *Even better, Professor Flitwick announced in Charms that he thought they were ready to start making objects fly (J.K. Rowling)* – значение начинательности; *И эта происшедшая и происходящая в ней переменная не переставая вызывала в Нехлюдове особенно Радостное чувство (Л.Н. Толстой)* – значение срединной фазы, совмещенное со значением простой повторяемости.

Каузативный глагол, образующий данные конструкции, является одним из главных источников категориальных значений, наиболее существенным среди которых является **категориальное значение модальности** [Золотова 1973; Лайонз 1978 и др.].

Инвариантным значением модальности считается отнесенность содержания высказывания к действительности; понимаемая таким образом модальность распространяется на отношения субъекта высказывания к действию и отношения говорящего к достоверности содержания высказывания [Золотова 1973]. Наиболее распространенными терминами при такой интерпретации модальности являются «объективная» и «субъективная» модальность.

На уровне объективной модальности анализируемые КК выражают, как правило, модальное значение реальности, передаваемое формой синтаксического индикатива и сопрягаемое со значением временной определенности, представленной формами настоящего, прошедшего и будущего времени. Ирреально-модальное значение реализуется при употреблении конструкций в синтаксически ирреальных наклонениях (сослагательном, условном, желательном, в русском языке – также побудительном): *I'm not saying that if you let Henry Ford get rich, he'll hire you as a waiter at his next party (P. Graham); What if he changed his heart if not his skin and made her life easier...! (J. Conrad); Если девушка позволяет проводить себя до самого дома, значит, она к себе приглашает (С. Логинов); ...Ты его заставь сожрать пачку сигарет, враз бросит (КП).*

Следует отметить, что каузативные конструкции облигаторно реализуют модальные значения желания (достижения каузируемого терминального состояния), волеизъявления. Наличие признака волитивности у КГ, образующих данные конструкции, по мнению Н.Н. Болдырева, подтверждается их использованием в форме императива [Болдырев 1995: 92]: *'Allow me,' the waiter said, opening the door (LED); Get that dog out of my kitchen (MED). Тогда закрой наглухо городские ворота, заставь кузнецов дни и ночи ковать груды оружия, заставь всех надеть доспехи и взяться за мечи (Н. Перумов).* В вышеприведенных примерах в форме повелительного наклонения реализуются зна-

чения каузативности и субъективно-модальные разновидности значения волеизъявления (просьба, предложение помощи, приказ, мольба), иллюкутивная сила которых контекстуально обусловлена.

Значения неуверенности, сомнения или просьбы актуализируются при употреблении КК в форме вопроса, часто данные значения сопряжены со значениями модальных глаголов: *We can't force ourselves to go where we're not welcome, can we?* (R. Bach); *Will you get me a glass of water?* (MED); *А дворников опять заставим работать этим самым способом?* (КП); *Она на все их просьбы не поет, говорит «устала», а я один кивну цыгану: не можно ли, мол, ее понудить?* (Н.С. Лесков).

Значение каузации может выступать в сочетании с широким спектром субъективно-модальных значений возможности, вероятности, необходимости, долженствования, желательности, уверенности, разрешения, обещания, совета, просьбы. Значения, относящиеся к сфере отрицания, существенно расширяют круг данных значений (неуверенность, невозможность, запрет, отсутствие необходимости, нежелательность и т.п.). Связи каузативных и вышеперечисленных модальных значений имеют место при употреблении КК:

– с модальными глаголами *can, may, shall, should, ought to, must*: *He said nothing should induce him to come into the mate's views* (E.A. Poe); *He is brave; he will be powerful, and I hold his bravery and his strength in my hand, and I shall make him great* (J. Conrad);

– с модальными словами и сочетаниями (глаголами, краткими прилагательными, предикативами, вводными словами) *be required, be allowed, be able to, be to, have to, doubt, intend, wish, believe, be likely to, indeed, perhaps, probably, можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, следует, должен, обязан, хочет, возможно, вероятно, разумеется* и др.: *But in a typical American secondary school, being smart is likely to make your life difficult.* (P. Graham); *“You have indeed made me feel that,” I answered* (E. Bellamy); *Где конфликт?! Ты должен вызывать антагонизм народных масс!* (С. Довлатов); *Разумеется, и вреда они не могли причинить ни малейшего и немедленно обратились в бегство* (С. Логинов).

В каузативных конструкциях достаточно регулярно устанавливаются **посессивные отношения** между каузатором и объектом каузации. Данные отношения, в зависимости от сущности каузанта, могут быть классифицированы, пользуясь терминологией И.Б. Долининой, по типу

1) «отчуждаемой принадлежности», например

– «человек и его вещи»: ...*They reached the settlement and made fast their little craft to the jetty of Lingard and Co. (J. Conrad);*

– «человек и его близкие люди»: ...*The consciousness that she had made so immense a social stride, had the effect of causing some little nervous disturbance in my wife (A.C. Doyle);*

2) «неотчуждаемой принадлежности», например

– «человек и его части тела»: *If I hadn't got my tubes tied, it could of been me, say I was ten years younger (M. Atwood);*

– «человек и его ментальная деятельность»: *He forced his ideas upon the group (YD);*

– «человек и его качества, чувства, эмоции»: *He did not mean to make his voice pathetic (J. Galsworthy).*

Посессивные отношения могут носить имплицитный и эксплицитный характер, получая выражение в КК посредством притяжательных местоимений в препозиции к объекту каузации.

В русском языке не отмечается такой вариативности выражения межкатегориальных связей каузативности и посессивности. Зафиксированы конструкции, передающие отношения «отчуждаемой принадлежности» по типу «человек и его вещи», «человек и его близкие люди»: *Тот встряхнулся, приводя в порядок свой помятый костюм, и с большим достоинством всем нам поклонился (Б. Акунин); А потом долго внушали, какой горький срам причинила она, неблагодарная, своему роду (М. Семенова).* Посессивные отношения между каузатором и каузантом выражены при помощи притяжательного местоимения *свой*.

Интересно, что во французском, где существуют два падежных маркера каузанта – предлог *par* ‘by’ и предлог *à* ‘to’, отношения неотчуждаемой принад-

лежности могут выражаться в КК с предлогом *à*, но не с *par*: *Elle fera lever la main à Jean* – *She will have John raise his hand*, но не **Elle fera lever la main par Jean* [Кайне 1975: 235].

Заметим, что посессивные отношения между каузатором и объектом каузации могут иметь обратную направленность, когда посессором является не каузатор, как в вышеприведенных примерах, а каузат: *His expressionless face, his eyes open wide with immobile pupils, and the rigidity of his pose, made him look like an immense man-doll broken and flung there out of the way (J. Conrad); Собственное косноязычие привело его в отчаяние (М. Семенова).*

Каузируемое лицо может быть кореферентно субъекту-каузатору. В данном случае объект каузации выражается возвратным местоимением, и происходит синкретичная реализация каузативных и **рефлексивных** значений. Объект каузации при этом, по словам И.Б. Долининой, воспринимается как отчужденный от субъекта [Долинина 1982: 30]: *Funny never permitted himself to realize that when you won they lost (J. Knowles); Будь на станции кто-нибудь, кроме нее, она никогда бы не позволила себе выйти (К. Булычев).*

2.2.2. Межкатегориальные связи, обусловленные характером консеквента

Перейдем к рассмотрению межкатегориальных связей, реализуемых в каузативных конструкциях с разным частеречным типом консеквента.

Каузативные конструкции с инфинитивом: *I'll get Andrew to give you a call (MED); Ей понравилось, что я не дал ей взять вину на себя (В. Каверин)*

Конструкции данного типа обладают большим потенциалом и способны передавать широкий круг разнообразных значений каузации, одним из наиболее распространенных является каузация действия.

КК указанного типа отмечаются и в других языках германской группы, например, в немецком языке, где в их образовании участвуют глаголы *lassen, zwingen, nötigen*: *Unser Lehrer ließ uns die Hausaufgabe noch einmal machen (Enkarta); Der unbelehrbare Alte ließ ihn aber nicht ausreden, sondern zwang ihn, noch einen Fischeschwanz aufzuessen... (G. Keller); Das schlechte Wetter nötigte sie, nach Hause zu gehen (Enkarta).*

Реализация онтолого-семантического варианта каузации действия обусловлена не только лексическим заполнением позиции инфинитива, но и репрезентацией объекта каузации, который характеризуется активностью, т.е., как правило, обладает признаком одушевленности. Исключением являются случаи персонификации, приписывания неодушевленному предмету агентивных признаков: ...*Someone who can make a computer do what he wants – whether the computer wants to or not* (P. Graham). Следует также отметить, что ряд исследователей, в частности Дж. Тerasава, выделяют конструкции с одушевленным субъектом и объектом каузации в отдельный тип – *force*-каузации, характеризующийся наибольшей иллокутивной силой модального значения принуждения [Terasawa 1985: 135-137]: *Then I compelled her to stand up* (J. London); *Зачем ты меня заставляешь бегать наверх?* (В.В. Набоков). В фокусе конструкций данного типа находятся каузативное действие и результат каузации, они выражают прямую, принудительную каузацию и предполагают достижение результата, что доказывается невозможностью подобных предложений: **Then he... makes me mop up the floor, but I don't do it; *Then he... accidentally makes me mop up the floor*. Отметим, что пермиссивные конструкции данного типа, выражающие каузацию действия, как правило, являются нерезультативными: *Sue doesn't let her kids eat candies, [but they still do it]* (LED); *Она позволила мне взять эти книги, [но я не взял]* (В. Каверин).

Действие, выражаемое инфинитивом, в основном, вступает с действием основного глагола в таксисные отношения следования (строгой одновременности): *Government troops have forced the rebels to surrender* (LD); *Он заставил меня сесть и тоже пить чай вместе с ним* (В. Каверин). Каузируемое действие при этом носит результативный характер и является, как правило, однократным. Возможны также таксисные отношения нестройной одновременности: *We have something to stew about, now, but at least they're letting us do our stewing in style* (R. Silverberg); *Зачем же вы принуждаете меня говорить?* (ССРЯ) Актуализация отношений нестройной одновременности имеет место за счет 1) формы *Continuous* английского глагола и формы несовершенного вида русского глаго-

ла, реализующих значение длительности или многократности каузирующего воздействия; 2) лексического значения и формы инфинитива, передающих процессуальный, неоднократный характер действия. Следует отметить, что рассматриваемые конструкции, в отличие от лексических каузативов, способны передавать ситуации, в которых возможен достаточно большой интервал между действием причины и наступлением следствия, что подтверждается допустимостью трансформации таких конструкций при помощи лексических обстоятельственных показателей темпоральности: **Bill caused John to die by stabbing him. → Bill caused John to die on Monday by stabbing him on Sunday.* *Мама заставила сына написать сочинение. → Мама заставила сына написать сочинение во вторник, и он написал его в четверг. Анализируемые конструкции также могут передавать расчлененную темпоральную отнесенность: **Он заставляет ее выступить завтра на собрании с речью о вреде курения.* Теоретически временной интервал между причинной и следственной микроситуациями может быть сколь угодно большим, однако он всегда остается предельным. Каузативные конструкции не допускают неопределенно-фиксированной временной ориентации следственного компонента: **Bill caused John to die someday.*

В целом, аспектуальные характеристики каузирующего и каузируемого действий достаточно многообразны и позволяют выделить следующие основные варианты связей antecedentного и consequentного действий с точки зрения способа их протекания:

– однократность каузирующего воздействия – однократность каузируемого действия: *You'll allow me to mention your name? (J. Galsworthy); Это не я заставила его подняться к тебе (А.И. Куприн);*

– однократность каузирующего воздействия – многократность каузируемого действия: *Get Chris to wash his jeans occasionally (LD); Она, во всей прелестьи своего жаркого тела, позволила целовать себя уже всюду (И.А. Бунин).*

Многократность каузируемого действия может быть моносубъектной, как в данном примере, так и полисубъектной: *...A loud voice made all three of them jump (J.K. Rowling);*

– однократность каузирующего воздействия – дуративность каузируемого действия: *Она... заставила их всех бежать бегом с шестами, веревками и лестницами к обрыву (А.И. Куприн)*. Отметим, что в данном примере значение дуративности каузируемого действия сопряжено со значением полисубъектной многократности;

– многократность каузирующего воздействия – многократность каузируемого действия: *“What! To tell people what they wanted?” “Yes; and oftener to induce them to buy what they didn’t want” (E. Bellamy)*; *Она не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались (М.Ю. Лермонтов)*;

– многократность каузирующего воздействия – дуративность каузируемого действия: *She’s... making us watch her as she silently reads, flaunting her prerogative (M. Atwood)*; *Однако я неоднократно ловил на себе одобрительный взгляд Холмса, что побуждало меня продолжать поиски с удвоенным тщанием (Б. Акунин)*. В последнем примере находит эксплицитное выражение семантика фазовости консеквентного действия.

Как уже отмечалось, действие, выражаемое инфинитивом, может носить фазовый характер. При этом наблюдаются значения продолжения, как в вышеприведенном примере, начинательности и прекращения действия: *She forced herself to begin her design by saying... (J. Austen)*; *Марокканец... натянул поводья, что заставило хромавшую лошадь бодрей застучать по ухабистым камням площади (И.А. Бунин)*; *Горн взял ее под локоть и заставил ее остановиться (В.В. Набоков)*. Значение начинательности может не получать эксплицитного выражения посредством фазовых глаголов или аффиксов (*застучать*), оно, как правило, свойственно консеквентному компоненту КК на референтном уровне.

В инфинитивных *have*-конструкциях наблюдается взаимопересечение категорий каузативности и экзистенциальности, что часто проявляется в возможности двоякой интерпретации семантической роли субъекта – как каузатора-агенса или как экспериенцера: *...She always had people tell her about themselves (D.H. Lawrence)*. В русском языке каузативный вариант данной конструкции

может передаваться при помощи инфинитивных конструкций с лексическими КГ *заставлять, просить, умолять* и т.д., выражающих коммуникативную ситуацию просьбы, но с разной иллокутивной силой: **Она всегда заставляла/просила/умоляла/приказывала/велела... людям рассказывать о себе*. Возможна также передача данных отношений при помощи каузальных конструкций с предлогом *no* и отглагольным существительным, образованным от соответствующего КГ: **По ее просьбе/приказу/указанию... люди всегда рассказывали ей о себе*. Как правило, трактовка предложения как каузативного / экзистенциального контекстуально-обусловлена. В данном случае обращение к контексту делает более предпочтительной каузативную интерпретацию: *What she liked most of all was an argument on religion or philosophy or politics with some educated man. This she didn't often enjoy... (D.H. Lawrence)*. Однако, как уже отмечалось ранее, экзистенциальное значение конструкции может быть обусловлено номинативными характеристиками форм инфинитива и герундия глагола *have*: *I was ready to have him tell me that the desire to learn is fundamentally a trait found in his people, with a few honorable exceptions (R. Silverberg)*.

Помимо каузации действия каузативные конструкции анализируемого типа могут выражать значение каузации состояния, т.е. переход объекта каузации в новое состояние под воздействием каузатора. Под состоянием понимается понятийная категория, обладающая онтолого-семантическими дифференциальными признаками статичности, потенциальной изменчивости, дуративности, акциденциальности и инактивности носителя состояния [Акмалова 2005: 65-68]. Онтологически терминальное состояние является следствием воздействия со стороны каузатора и реализует признак результативности. Ингерентно-свойственный предикатам состояния признак длительности и статичности обуславливает актуализацию данных значений и в исследуемом типе каузативных конструкций.

Отметим, что глагол *to have* не участвует в образовании конструкций с инфинитивом, передающим каузацию состояния, так как в инфинитиве каузативных *have*-конструкций выступают, как правило, предельные, акциональные глаголы. При употреблении в инфинитиве глаголов, передающих состояние, конс-

трукция интерпретируется как экзистенциальная: *There are worse things than having people misunderstand your work (P. Graham)*. КК с глаголами *to coerce*, *вынуждать*, *принуждать*, *понуждать*, *разрешать* также, в основном, передают каузацию действия, за редкими исключениями: *И стиснул пальцами костлявое юношеское запястье, вынуждая человека безнадежно потерять равновесие (М. Семенова)*.

Таким образом, инфинитивные КК, помимо аспектуальных значений, обусловленных реализацией каузации действия, образуют регулярные связи с категорией состояния. Семантический тип каузируемого состояния зависит не только от лексического заполнения позиции Z (консеквента), но и от позиции Y, в частности, от признака одушевленности / неодушевленности объекта каузации. Одушевленность объекта каузации связана, как правило, с реализацией внутренних состояний, локализованных внутри него и не выходящих за рамки его телесной и духовной сферы. Значение каузации внутренних состояний может актуализироваться также при так называемом «синекдохическом» объекте каузации, выражающем часть тела. Носителями внешних состояний, присущих объекту действительности как целому и локализованных за его пределами, могут быть как одушевленные, так и неодушевленные предметы [Акмалова 2005: 87].

В целом, нами отмечаются следующие семантические варианты состояния, выражаемые КК с инфинитивным консеквентом:

1) внутреннее физическое состояние: *My arms must be very weak or something, because holding 'The Times' makes them ache after a while. (S. Kinsella)*; *Самую тяжелую форму цинги я наблюдал у Ивана Львовича, который болел ею почти полгода и лишь нечеловеческим усилием воли заставил себя выздороветь... (В. Каверин)*;

2) внутреннее психическое состояние: *I descended the bare and shiny staircase in a silence that enabled me to compose my distracted thoughts (J. Conrad)*; *Она дала Павлу понять, что присутствие его в доме нежелательно (RC)*;

3) внешнее состояние положения в пространстве (безотносительно к другим предметам): *... A desperado speed that thrilled her youngest child and caused*

crowds in towns from Texas to Oregon to stand up... (T. Capote); Противогаз слегка сжимает лицо, давит на щеки и заставляет губы вытянуться в каком-то полуоцелуе... (В. Пелевин);

4) внешнее локативное состояние (по отношению к другим предметам): *...How foolish it would be of me to allow you to remain at the castle when term ends (J.K. Rowling); Волкодав сейчас же заставил ее вновь распластаться в траве, и весьма вовремя (М. Семенова);*

5) внешнее ситуативное состояние: *Innumerable generations of gardeners had done their best to make it bloom (E. Bellamy); Пакетик заливаешь кипятком, даешь остыть и наносишь на всю длину волос (RC);*

6) внешнее социальное состояние: *Suppose you wanted to do work that didn't pay, and yet they made you be an office worker? (J.M. Cain); ...Одним махом перевоспитаем ХАМАС и заставим их дружить с Израилем (КП);*

7) внешнее бенефактивное состояние, которое также иногда выделяют в отдельный онтолого-семантический тип – каузация обладания: *They're real strong magic, they make you have good luck (H. Lee); Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст (С.Л. Берия).*

В ряде случаев отмечается связь значения каузативности, состояния и перцептивности, когда меняется не фактическое состояние объекта каузации, а его восприятие сторонним наблюдателем: *These days Antonia wears only black, which makes her red hair seem even more brilliant (A. Hoffman).* В русском языке подобные отношения выражаются, как правило, в каузальных конструкциях: *При свете дня испачканный костюм, возможно, не выглядел белым, но в темноте отчетливо выделялся (Б. Акунин).*

В рамках инфинитивных КК также возможно установление связей каузативности и экзистенциальности, что проявляется в реализации данными конструкциями онтолого-семантического типа каузации бытия. Отмечаются два семантических варианта каузации бытия:

– каузация созидания или собственно бытия: *And the one on the pigeons, trained to peck a button that made a grain of corn appear (M. Atwood); ...Сама страна вырастила нас, не дала нам погибнуть (В. Каверин);*

– каузация небытия: *He wanted to curse her for letting Jack die on the dirt road (A. Proulx); Парень сделал еще несколько пассов, заставляя стаканчик лопнуть, одежду расползтись по швам... (С. Лукьяненко).*

Созидание или разрушение может носить не только однократный, но и многократный характер: *He's making things fall apart (A. Hoffman)*. В данном случае акт разрушения многократен за счет итеративности воздействия и множественности объекта каузации.

Возможна реализация значения экзистенциальности в инфинитивных КК, выражающих каузацию действия, где действием является акт созидания / разрушения: *Никакая плата не побудила бы его создавать меч для злого, разбойного человека... (М. Семенова); You made that Bludger try and kill me? (J.K. Rowling)*.

Особо следует отметить возможность сопряженности в данном типе конструкций каузативного значения и значения пассивности объекта каузации. В английском языке эта связь может находить формальное выражение в КК с глаголами *to cause, to let, to allow, to enable* в которых в позиции Z наблюдается пассивный инфинитив: *In every town he caused to be erected statues of himself... (O. Henry)*. Возможна передача пассивного значения за счет семантики глагола в позиции инфинитива: *I know he forced my mother to undergo any number of abortions before I slipped through the net (Observer)* *Всех чиновников в России нужно заставить пройти службу в армии (КП)*.

Каузативные конструкции с причастием II: Where did you get your cards printed? (А.С. Хорнби)

Конструкции данного типа описывают ситуации, в которых каузатор (как правило, агенс) приводит объект в новое состояние, выраженное причастием II. Каузируемое состояние носит результативный характер и вступает с действием КГ в таксисные отношения следования.

Анализируемые конструкции не только каузативны, но и пассивны, поскольку причастие II реализует залоговое пассивное значение, которое, хотя и не имеет формального выражения и принадлежит его содержанию, тем не менее изоморфно грамматическому значению залога [Пушина 2000: 135]. С.В. Мощенникова говорит об «инактивизированности» причастия II в исследуемых конструкциях [Мощенникова 2004: 64]. Каузатор не осуществляет прямого воздействия на объект каузации, а каузирует агенс действия причастия II, который не имеет формального выражения в структуре предложения (так называемая «экспертная каузация»). Тем не менее, семантика причастия II и объекта каузации, а также контекстуальное окружение позволяют эксплицировать данный актанта и, как правило, идентифицировать его профессиональную принадлежность: *How long you figure before we save up and get the fourth wall torn out and a fourth wall-TV put in? (R.D. Bradbury). Perry... had had the manuscript leather-bound in a prison shop and its title, Dirty Jokes, stamped in gold (T. Capote).* Таким образом, в указанных конструкциях значение каузативности сопряжено с пассивным и результативным значением, что проявляется в образовании причастия II, в основном, от предельных, переходных глаголов: *We got the job done (R. Silverberg).* Результативный характер причастия II может акцентуироваться за счет употребления постпозитивного распространителя со значением локатива: *You could get me transferred, I said. To the colonies (M. Atwood).*

Более разнообразная семантика каузируемого состояния наблюдается в конструкциях, образованных глаголами *to get* и *to have*. Отмечаются следующие семантические варианты терминального состояния:

1) Внутреннее физическое состояние: *But divorce? Call a lawyer? My father would have himself uncircumcized first (R. Silverberg).* В приведенном примере значение каузативности совмещено со значением рефлексивности, так как каузатор конструкции однореферентен объекту каузации, что находит выражение в репрезентации последнего возвратным местоимением.

2) Внутреннее психическое состояние: *The way he kept on, he had me almost convinced Hickock and Smith were innocent (T. Capote).* Заметим, что возможна

интерпретация данной конструкции как каузативно-подобной: **He had almost convinced me...*

3) Внешнее локативное состояние: *He could... have me shipped off to the Colonies (M. Atwood)*. В данном случае актуализация значения локативности имеет место за счет образования причастия II от глагола движения и постпозитивного распространителя.

4) Внешнее ситуативное состояние: *I'll get the children dressed (MED)*.

В русском языке отношения, выражаемые КК с причастиями II могут передаваться несколькими способами: 1) при помощи инфинитивной конструкции с глаголами речевой каузации: *They will have you put in prison (A.C. Хорнби)* – *Они прикажут посадить тебя в тюрьму*; 2) посредством лексических КГ с тем же значением, что и причастие II английских конструкций: *Они посадят тебя в тюрьму*; 3) каузальной конструкцией с предложно-именной группой, образованной предлогом *по* и отглагольным существительным с семантикой каузативности: *По их приказу / указанию... вас посадят в тюрьму*. Каузатор выражен через притяжательное местоимение при отглагольном существительном.

В тех случаях, когда каузативная конструкция передает ситуацию статического обладания, отмечаются следующие русские соответствия [Пушина 2001: 132-133]: *I had my room papered* – 1) *Мне оклеили комнату*; 2) *Мною комнату оклеили*; 3) *Я оклеила свою комнату*. Первый и второй вариант – каузативные конструкции, в которых каузатор действия выражен местоимением в дательном падеже или притяжательным местоимением к объекту действия личного глагола, соответствующего причастию II в английской конструкции. Третий вариант, наряду с каузативным (*Я попросила, чтобы мне оклеили комнату*) имеет и некаузативное прочтение (*Я сама оклеила свою комнату*).

В немецком языке наиболее близко данную каузативную ситуацию описывает КК с глаголом *lassen* и инфинитивом: *Ich ließ mein Zimmer tapezieren*. Возможна передача ситуаций экспертной каузации при помощи рефлексивно-каузативной конструкции с *lassen*: *Ich habe mich bei einem Friseur auf der Twerskaya rasieren lassen (Брился в парикмахерской на Тверской)* [Недялков 1971а: 20].

В *have*-конструкциях с причастием II, подобно инфинитивным конструкциям с данным глаголом, регулярно отмечается взаимодействие каузативных и экзистенциальных значений, обусловленное их содержательными интерпретациями: 1) как каузативных конструкций: *He had his horse shot* – Он приказал застрелить свою лошадь; 2) как экзистенциальных конструкций: *He had his horse shot* – Его лошадь застрелили. В обоих случаях каузатор и объект каузации связаны посессивными отношениями по типу отчуждаемой принадлежности. Как отмечает Н.И. Пушина, в вариантах конструкции с семантикой неотчуждаемой принадлежности возможна лишь экзистенциальная интерпретация [Пушина 2000: 138-139]: *Michelangelo had his nose broken by a bully (P. Graham)*.

В немецком языке подобные связи каузативности, состояния и пассивности наблюдаются в инфинитивных конструкциях с глаголом *lassen*: *Ich habe mir sagen lassen...*, в которых в качестве объекта ко второму глаголу употребляется местоимение в дативе, ондореферентное субъекту. Такие конструкции также допускают каузативную (*Я попросил мне сказать...*) и некаузативную интерпретацию (*Я узнал..., Мне сказали...*) [Недялков 1964: 305].

В конструкциях анализируемого типа с глаголом *get* не наблюдается вариантов, допускающих как каузативное, так и экзистенциальное значение, что говорит о большей устойчивости реализуемого ими каузативного значения. Вместе с тем, отмечается экзистенциальный вариант конструкции с объектом каузации, связанным с каузатором отношениями неотчуждаемой принадлежности: *I ran one, two hundred yards, getting my feet all cut up (R. Silverberg)*. Экзистенциальное значение регулярно реализуется в конструкциях с *have got*: *And it means the baddies have got you and you've got a gun jammed against your head (S. Kinsella)*.

Особенностью *make*-конструкций с причастием II является реализуемая ими связь каузативности и перцептивности, проявляющаяся в образовании причастия II от глаголов восприятия: *...The Slytherins in the crowd made their boos and hisses heard, too (J.K. Rowling)*. Отметим, в конструкциях данного типа достаточно регулярно наблюдается выражение посессивных отношений между каузатором и объектом каузации, что актуализируется за счет притяжательных местоимений

при каузанте, как в вышеприведенном примере. Не менее редки случаи сопряженности каузативных и рефлексивных значений: *I had to shout to make myself heard above the music (LD)*. Подобные связи наблюдаются и в аналогичных КК с глаголом *get*: *I wonder how she manages to get herself noticed (M. Atwood)*.

В русском языке отношения, передаваемые английскими *make*-конструкциями с причастиями II, находят выражение в сложно-подчиненных предложениях с придаточным цели: *He made himself heard – Он сделал так, чтобы его услышали; Он добился того, чтобы его услышали*. В немецком языке данный тип значения передается в инфинитивных конструкциях с *lassen* и обозначается как «описательная рефлексивность» [Недялков 1971а: 38]: *Er ließ sich hören; Er ließ sein Lachen hören*.

Каузативные конструкции с причастием I: Within minutes he had the audience laughing and clapping (LD)

Каузативные конструкции с причастием I преимущественно передают ситуации, в которых под воздействием каузатора объект совершает действие, обозначенное причастием.

В ситуациях каузации действия позицию объекта занимает лицо. Действие, обозначаемое причастием I, носит процессуальный характер, что обусловлено категориальными свойствами причастия I: *We'd better get the kids going or they'll be late (MED)*. Каузируемое действие также может быть итеративным, что имеет место, как правило, при многократности акта каузации: *He wasn't happy unless he had me doing chores (T. Capote)*. Множественный характер действия получает выражение и за счет обстоятельственных темпоральных показателей: *She had us working day after day (R. Quirk)*.

Сам акт каузации воспринимается как «импульсный»: каузатор лишь инициирует совершение действия, которое далее разворачивается без его вмешательства. Действие, обозначаемое причастием I, характеризуется фазовым значением начинательности. Это находит выражение и в словарных дефинициях глагола *to get*: “to make or help somebody or something start doing something” (MED). Такой тип каузации получил в зарубежной литературе наименование

“launch / trigger” – «запуск»-каузация [Salo; Stefanowitsch]. Таким образом, между действием каузативного глагола и действием причастия I наблюдаются таксисные отношения следования.

В русском языке такой тип отношений наиболее полно передается каузативными конструкциями с одноконстантными КГ и инфинитивом несовершенного вида или с начинательной приставкой *за-*: *Видно было, что она решилась принудить себя делать, что делают другие, чего прежде не делала (И.А. Гончаров). Жуткое несоответствие между тем кошмарным местом, куда звал их Рогволд, и мирным покоем Пригорья заставило хоббита слабо запротестовать (Н. Перумов).* Подобное наблюдается и в немецком языке, где такие отношения передаются каузативными конструкциями с инфинитивом от глагола, обозначающего процессуальное или итеративное действие: *Er hat seinen Hund im Freien laufen lassen (Enkarta); Ich lasse meinen Sohn immer den Rasen mähen (Enkarta).*

Отмечается также экзистенциальный вариант *get*-конструкции, в котором субъект воспринимается не как агент, а как экспериенцер: *When a few people make more money than the rest, we get editorials saying this is wrong (P. Graham).*

В ряде КК анализируемого типа значение каузации действия граничит с каузацией состояния. Это имеет место при заполнении позиции консеквента причастиями I, образованными от глаголов, передающих эмоциональные реакции и ментальные процессы: *...He had tried to get everyone laughing at how a wide-mouthed tree frog would be replacing Harry as Seeker next (J.K. Rowling); There is a colourful series of pictures from Hong Kong, Thailand and other exotic places, which would usually have me thinking wistfully about going on holiday (S. Kinsella).* Каузатор в данных КК вызывает переход каузанта в новое внутреннее психическое состояние, результатом которого является действие, выражаемое причастием I. Отметим, что в приведенном примере наблюдается синтез каузативного, итеративного и модального значения ирреальности. Формально состояние передается при помощи обстоятельства образа действия *wistfully*. Также следует обратить внимание на длительный, мультипликативный характер действия, который может эксплицироваться за счет множественного характера компонента при при-

части: *They had left Detweiller alone in a small interrogation room, Tyndale told me, to soften him up – to get him thinking all sorts of nasty thoughts* (S. King). В русском языке мультипликативность действия, сопряженная с реализацией внутреннего психического состояния, имеет место в КК с глаголом *вызывать* и отглагольными существительными: *...Вызывая улыбки мужчин, весело и без тени смущения рассказывала она о своей поездке туда* (М. Семенова).

В немецком языке также отмечается ряд сочетаний КГ с субстантивными компонентами и предложно-именными группами, передающими данные значения (*auslösen etw, verursachen etw, anregen zu D, versetzen in A, bringen zu D* и др.): *Was mich aber in eine Art von Rausch versetzte, das waren die geräumigen Mäntel...* (R.M. Rilke); *Er konnte mich immer wieder zum Lachen bringen* (Enkarta).

Каузативные конструкции с причастием I способны выражать каузацию состояния неодушевленного объекта: *I wonder if Frankie could get this video working* (LD); *Hal managed to get my email working again* (MED). Внешнее ситуативное состояние, передаваемое в данном типе конструкций, оценивается говорящим как нормальное, функциональное состояние объекта каузации, в отличие от antecedentного состояния, воспринимающегося как отклонение от нормы. В русском языке значение каузации «функционального» состояния реализуется в конструкциях с предложно-именным консеквентом и глаголом «приводить» (*в действие, исполнение, движение*): *...Оружие крепилось на правой руке, а кнопки и провода на левой приводили реактивный снаряд в действие* (С.Л. Берия).

Таксисные отношения, возникающие между действием КГ и состоянием, могут носить характер строгой разновременности /следования, как в последнем примере, или нестрогой разновременности / частичной одновременности: *He soon had them all laughing* (A.C. Хорнби).

***Каузативные конструкции с прилагательным: This sort of test can make a person nervous* (A. Hoffman).**

Доминирующим значением, передаваемым в рамках анализируемого типа КК, является значение воздействия каузатора на объект каузации с переходом последнего в новое состояние.

В рамках анализируемого варианта КК реализуются связи категорий каузативности и состояния. Терминальное состояние является следствием воздействия со стороны каузатора и реализует признак результативности. Сущностные признаки длительности и статичности, свойственные предикатам состояния, реализуются и в адъективных каузативных конструкциях.

Терминальное состояние вступает с действием каузативного глагола в таксисные отношения следования, которые могут носить характер: 1) строгой разновременности: *What made the Florentines rich in 1200 was the discovery of new techniques for making the high-tech product of the time, fine woven cloth (P. Graham)*. 2) нестрогой разновременности: *...What rendered him most agreeable to me, was his having a delightful voice, and some skill in music (M.G. Lewis); Civil liberties make countries rich (P. Graham)*. Отметим, что последнее часто сопряжено со значением временной нелокализованности действия КГ.

КК с адъективным консеквентом способны передавать широкий спектр онтолого-семантических типов состояния: внутренние физические и психические, внешние бенефактивное, социальное и ситуативное состояния.

Семантический тип каузируемого состояния зависит от лексического заполнения не только позиции консеквента (Z), но и от типа объекта каузации (Y) – носителя состояния. Так, значения каузации психических и физических состояний передаются при заполнении позиции Y именем одушевленного объекта или замещающих его местоимений, за исключением случаев синекдохи, когда в данной позиции выступают обозначения органов и частей тела: *The chase renders them [hunters] ferocious, gloomy and unsociable... (D.H. Lawrence); ...His half-dead hope made his ears preternaturally acute to any sound on the river (J. Conrad)*.

Каузация бенефактивного типа состояния, которое также можно обозначить как ситуация динамического обладания [Сюткина 2004: 62], накладывает ограничения на семантику каузатора. Между каузатором и объектом каузации устанавливаются посессивные отношения, реализация которых происходит за счет лексического значения прилагательного и притяжательного местоимения, при этом в позиции каузатора выступают одушевленные существительные со

значением лица или замещающие их местоимения: *He had married this woman, conquered her, made her his own* (J. Galworthy).

Особо следует отметить роль прилагательного и его распространителей как источников категориальных значений модальности. Ряд прилагательных передают модальные значения на уровне лексемы. Так, прилагательные *possible, capable* выражают значения возможности, или, в сочетании с негативными префиксами, – невозможности: *New laws have rendered the kind of assistance virtually impossible (LD)*. Прилагательное *mandatory* содержит в своей семной структуре модальное значение обязательности: *...Then no language that makes type declarations mandatory could be convenient to program in (P. Graham)*. Многие прилагательные с суффиксом *-able/ible* имплицитно выражают модальные значения возможности/невозможности, сопрягаемые со значением пассивности: *...The diamond rendered a man invisible (O. Wilde) → *The diamond rendered a man so that he couldn't be seen*. Подобные отношения передаются также при употреблении в позиции Z конструкции *worth doing sth* и сочетаний прилагательных *easy / hard* с инфинитивом: *...A certain amount of susceptibility to educational influences is required to make a mind worth cultivating (E. Bellamy) → ...to make a mind so that it can be cultivated; Mistakes are natural. Instead of treating them as disasters, make them easy to acknowledge and easy to fix (P. Graham) → ...make them so that they can be easily acknowledged and fixed*.

Прилагательные в анализируемом типе КК являются центром передачи значений эмоциональной и оценочной модальности, сопряженных со значениями перцептивности. Консеквент КК данного типа, как и другие структуры обусловленности, характеризуется смысловой отмеченностью, которую можно также трактовать как «семантический сдвиг» от некой условной точки «покоя», «равновесия» [Евтюхин 1996: 145]. При этом отмеченность каузируемой ситуации может быть как стереотипной, так и индивидуальной. Последняя получает акцентуацию за счет постпозитивных предложно-именных распространителей, указывающих на экспериенцера состояния: *Should he have destroyed the only object which rendered life dear to him...* (M.G. Lewis). В выражении степени

семантического сдвига большую роль играет субъективный, оценочный фактор. Интенсификация смысловой отмеченности имеет место при употреблении:

1) прилагательных в сравнительной степени: *In restoring your old car you have made yourself richer. You haven't made anyone else poorer* (P. Graham);

2) наречий степени или образа действия в качестве левосторонних распространителей к прилагательным: *Let's get you completely ready to go before we call a cab* (MED);

3) прилагательных с негативными аффиксами, передающими идею отсутствия свойства, качества и тем самым противопоставляющих консеквентное состояние antecedентному: *...The business with the equivalent of £7.5bn of debt would render the chain uncompetitive in the long run* (Guardian);

4) прилагательных с лексическим значением «иной, другой, отличный»: *It seemed to me that my heart would burst with the anguish of finding that what was to me so plain and so all-important was to them meaningless, and that I was powerless to make it other* (E. Bellamy);

5) придаточных следствия, результата, демонстрирующих, что семантический сдвиг при каузации состояния был настолько сильным, что повлек за собой дальнейшее развертывание каузальной цепи событий: *Being unpopular in school makes kids miserable, some of them so miserable that they commit suicide* (P. Graham).

Модусы общей оценки, психической реакции, восприятия, волитивного плана, эксплицируемые адъективными структурами вторичной предикации, могут сопутствовать модальным значениям, выражаемым за счет внутреннего распространения КГ: *Our plain manner of living, our small rooms, and few domestics, and the little we see of the world, must make Hunsford extremely dull to a young lady like yourself* (J. Austen).

В русском языке данное значение выражается, в основном, в конструкциях с двухконстантными лексическими каузативами, в структуре которых, помимо значения каузации, содержится семантический компонент, передающий терминальное состояние объекта каузации: *Звезды там ясны и так близки, что Вла-*

дычица могла бы украсить ими свою корону (Е. Власова). Такие КГ, как правило, находятся в отношениях производности с соответствующими прилагательными, выражающими состояние: *безобразить* ← *безобразный*, *белить* ← *белый*, *ослабить* ← *слабый*. Однако, возможны случаи, когда связь каузативности и состояния не находит эксплицитного выражения в отношениях словообразовательной деривации и выявляется путем трансформации: *лечить кого-либо* → *делать кого-либо здоровым*, *мыть что-либо* → *делать что-либо чистым*. Помимо «свернутых» моделей передачи каузации состояния, в русском языке возможно построение «расчлененных» конструкций с глаголом «делать», которые, в основном, употребляются при отсутствии соответствующего лексического каузатива: *Они всеми силами старались выжить докучную жилищу со своей территории, делая ее существование все более невыносимым* (Б. Акунин).

Подобные отношения в немецком языке передаются при помощи конструкций с глаголом *machen*, реже – *lassen*: *Macht es dich nicht traurig, allein zu sein?* (Enkarta); *Herr Oberportier, bitte, lassen Sie doch sofort den Roßmann frei* (F. Kafka). Возможна передача отношений такого рода посредством лексических КГ как производных, так и непроизводных от прилагательных, выражающих соответствующее консеквентное состояние: *öffnen* ← *offen*, *nässen* ← *naß*, *heilen* – *gesund machen*.

В одном из диалектов китайского – тайваньском южном Мин – КГ, передающие каузацию состояния, образуются из прилагательных при помощи глагола *phah*: *phahtng* – *lengthen*, *phaho* – *blacken* [Lien].

Каузативные конструкции с субстантивным компонентом: “You know I made her an orphan,” he often concluded solemnly... (J. Conrad); Ученики такого себе не позволяли (С. Логинов)

Каузативные конструкции с субстантивным консеквентным компонентом характеризуются большой вариативностью выражаемых значений. Анализируемые конструкции передают онтолого-семантические типы каузации качества, состояния, обладания.

Качество, в отличие от состояния, понимается как «существенная определенность предмета», то, что делает его устойчивым, целостным и отличает от других объектов действительности [ФС 1986: 193-194]. Присущие объекту качества или свойства не связаны непосредственно с временным отрезком, являются вневременными, атемпоральными [Акмалова 2005: 65], что находит формальное выражение в невозможности их употребления с обстоятельствами, указывающими на ограниченный временной предел реализации консеквента: **You know I had made her temporarily an orphan*. Временная сфера реализации качества может быть ограничена только сферой бытия его носителя: *...That experience will make you a better programmer for the rest of your days (P. Graham)*.

Новое качество объекта каузации возникает в результате воздействия со стороны каузатора и, как правило, вступает с действием КГ в таксисные отношения следования. Отмечаются также отношения частичной одновременности, актуализируемые в следующем примере за счет употребления герундиального каузатора: *Attacking an outsider makes them all insiders (P. Graham)*.

Изменение качества каузанта может носить объективный характер, т.е. быть представленным на денотативном уровне: *They made Newton President of the Royal Society (A.C. Хорнби)*. Вместе с тем, во многих случаях имеет место не реальное изменение качества, а приписывание новых свойств наблюдателем, что характеризуется синтезом субъектно-модальных значений оценки и значениями перцептивности. Новые свойства выражены в предложении как через лексическое значение существительного, так и посредством пре- и постпозитивных распространителей: *This necessity made parsimony a virtue (E. Bellamy)*; *...It sought to justify patriotism and raise it from an instinct to a rational devotion, by making the native land truly a father land... (E. Bellamy)*; *If a company wants to make a platform that startups will build on, they have to make it something that hackers themselves want to use (P. Graham)*. Отметим, что проявление каузируемых свойств объекта может быть пространственно-локализованным, ограниченным одной из сфер его бытия, выражаемой через локативные предложно-именные распространители: *Being smart doesn't make you an outcast in elementary school (P. Graham)*.

Анализируемые русские КК с субстантивным консеквентом не передают значений каузации качества. Выражение данного типа каузации осуществляется в КК с глаголом *делать*: *Безуспешно служил в шести разных местах, куда по-падал по протекции дяди, всё пытавшегося сделать из шалопая положительного члена общества (Б. Акунин)*. Значение каузации качества может передаваться при помощи лексических каузативов: *Он назначил его своим заместителем*. В немецком языке каузация качества передается, преимущественно, при помощи конструкций с глаголом *machen* и предложно-именной группой: *j-n zum Direktor, Vorsitzenden, Leiter machen; den Garten zum Spielplatz machen (Enkarta)*.

Каузируемое состояние, в отличие от качеств, имеет темпорально-ограниченный характер, который может быть эксплицирован за счет распространителей существительного, передающих значение временного лимита состояния: *Sometimes he questioned, and induced in her mind temporary doubts (J. London)*; *...Сам процесс нашего входа-выхода в сумрак вызывает у окружающих секундную амнезию (С. Лукьяненко)*. Длительный, и вместе с тем дискретный характер протекания состояния актуализируется в конструкциях при употреблении в позиции Z существительных во множественном числе, в том числе с квантитативным распространителем: *...She doesn't allow herself a single regret (A. Hoffman)*; *Как они будут тщетно стараться у чужих ворот, вызывая у нас страдания и слезы (КП)*.

В целом, каузация состояния в конструкциях с субстантивным компонентом Z имеет следующие типологические значения:

- внутреннее физическое состояние: *The girl herself introduced the stones into her bladder, even though the subsequent operations caused her great loss of blood and atrocious pain (J. Fowles)*; *....Мысль о развлечениях не вызывает ничего, кроме тошноты (С. Логинов)*;
- внутреннее психическое состояние: *She blushed, and Jane blushed; but the cheeks of the two who caused their confusion, suffered no variation of colour (J. Austen)*; *Общее изумление вызвал мужчина, затесавшийся на сцену (М.А. Булгаков)*;

Существительное в анализируемом типе конструкций, подобно прилагательному, является источником оценочной модальности. Эмоциональное состояние, выражаемое через лексическое значение существительного, передает позитивную (*admiration, respect, радость, восторг и т.д.*) или негативную (*annoyance, worry, страдания, муки и т.д.*) оценку. Физическое состояние в данных конструкциях оценивается как негативное, отклоняющееся от нормального, здорового самочувствия (*pain, affliction, боль, головокружение и т.д.*). Отметим совмещение в ряде конструкций значений состояния и обладания: *Jimmy's behaviour is causing me a lot of problems (LD) – Z = 'I have a lot of problems'*; *Ты бил его ногами по лицу, причинив таким путем тяжкие увечья...* (*В. Каверин*) – *Z = 'У него тяжкие увечья'*.

Оценка терминального состояния может также получать выражение при помощи лево- и правосторонних распространителей. В ряде конструкций, особенно в конструкциях с существительным широкой семантики, распространители являются главным источником модальных оценочных значений: *Two factors have collided to render this the age of cynicism in television: opportunism and freedom (Guardian)*; *И эта происшедшая и происходившая в ней перемена не переставая вызывала в Нехлюдове особенно радостное чувство (Л.Н. Толстой)*. Как правило, они уточняют оценку состояния, выражая степень его проявления, его значимость для наблюдателя: *This bit of cross-examination had caused great excitement in court (A. Christie)*. Наблюдатель может быть не выражен в структурной схеме предложения, предложение, как в вышеприведенном примере, может содержать косвенное указание на него – в данном случае, его пространственную локализацию (*in court*). Наблюдатель может быть представлен через постпозитивный предложно-именной распространитель: *...Scholarly interests which make leisure the only thing valuable to their possessors (E. Bellamy)*; *И Петр Герасимович не вызывал нынче в Нехлюдове никакого неприятного чувства...* (*Л.Н. Толстой*).

В немецком языке каузация состояния передается через каузативные конструкции с субстантивным консеквентом, образованные глаголами с бесприставочными глаголами и глаголами с отделяемыми приставками *machen (j-m Arbeit,*

Freude, Kummer, Mühe, Sorgen), anregen (regen j-s Phantasie, Appetit an), hervorrufen (rufen bei j-m Erkältungen, Begeisterung hervor), auslösen (lösen Freude, Panik bei j-m aus), anrichten (richten Schaden, Unheil an), zufügen (j-m Leid, Schmerzen).

Следует отметить возможность выражения КК анализируемого типа каузации бенефактивного состояния, которую иногда выделяют в отдельный онтолого-семантический тип – каузации владения / обладания [Золотова 1973; Гордон 1981]. Ситуации, в которых объект каузации вступает в посессивные отношения с консеквентом, выраженным неодушевленным существительным, регулярно передаются конструкциями с глаголами *to get* и *to make*: *The agency got the family a new apartment and clothes for the children (MED); I'm saying that he'll make you a tractor to replace your horse (P. Graham)*. Каузативный статус данных конструкции не отмечается в специальной литературе по КК, однако представляется правомерным отнесение вышеуказанных конструкций к каузативным на основании выражаемого ею причинно-следственного отношения между двумя микроситуациями: **The agency did something → the family had a new apartment*. Тем не менее, в данном случае нельзя говорить о данных конструкциях как об аналитических, поскольку КГ частично сохраняют свои лексические значения «добыть, достать» и «сделать, создать».

Отметим, что в одном из языков Конго, языке Уолоф, существует специальный аффикс, служащий для передачи каузации бенефактивного состояния: *Gàllaay togg al e na Faatu yàpp diwtiir. – Gàllaay cooked Faatu some meat with palm oil* [Buell 2006].

Пермиссивные КК с глаголами *to allow, to permit* позволять также способны передавать каузацию обладания: *In certain circumstances the common folk judiciously allowed them certain privileges (H. Lee); Саакянц позволил себе невиданную роскошь! (RC)*.

Отмечаются случаи одновременной реализации значений каузации качества или состояния и каузации обладания, последняя передается при помощи притяжательного местоимения в препозиции к консеквенту-существительному: *...If you persist in indifference, do not make me your confidante (J. Austen)*.

В русском языке тип каузации обладания также выражается посредством лексических каузативов с соответствующими значениями (*давать, дарить* и т.п.). В немецком каузация обладания может передаваться субстантивной пермиссивной конструкцией с *lassen*: *Ich lasse dir mein Fahrrad noch bis morgen abend (Enkarta)*, а также лексическими каузативами *machen, geben, verschaffen* и др.

Ряд трехчленных КК с глаголами *cause, вызывать, дать* образуют зону пересечения значений каузативности и экзистенциальности, передавая ситуацию возникновения объекта каузации под воздействием каузатора: *I summoned strength to ask what had caused this calamity (Ch. Bronte)*; ...Применение «Перфторана», в том числе в малых дозах, часто дает положительные эффекты (RC). В КК данного типа также возможна реализация значения каузации действия, что имеет место при употреблении в функции дополнения к КГ отглагольных существительных. Каузируемое действие, в зависимости от категориальных значений числа у существительного, может реализовывать аспектуальные значения 1) однократности: *What caused the breaking of that twig? (A. Bierce)*; ...Позволить себе такую покупку могут немногие регионы (RC); 2) многократности: *In a few minutes they reappeared, escorting the individuals who had caused all these solemn preparations, towards the seat of judgment (J.F. Cooper)*; Всякая новая гипотеза обладает тем недостатком, что вызывает всегда массу споров (А.Н. Стругацкий). В данных конструкциях отмечается также синтез каузативных и пассивных значений: *It is said that the police have caused the arrest of the woman... (A.C. Doyle)* → **The police have caused the woman to be arrested.*

Каузативные конструкции с предложно-именной группой: *With trembling fingers he got his money into the bag and slid out (D.H. Lawrence)*.

В КК с предложно-именным консеквентом реализуются связи категорий каузативности и состояния. В качестве доминирующего типа состояния выступает локативное, выражающее перемещение объекта каузации в результате действий каузатора. Консеквентное состояние является результативным и вступает с действием КГ в таксисные отношения следования.

Существительное / местоимение в анализируемых КК может выражать:

– исходный локус, или антецедентное локативное состояние: *Let's get him off the road* (I. Asimov). В таком случае каузируемое состояние осознается как находящееся за пределами исходного локуса;

– конечный локус, представляющий собой собственно терминальное локативное состояние: *We go out to the left, past the drained swimming pool, and let ourselves into our rooms* (R. Silverberg); *Здесь же планета не только не допускала к себе, она протягивала злобные пальцы и внутрь станции* (К. Булычев);

– промежуточный локус, т.е. положение в пространстве между антецедентным и консеквентным состоянием: *How on earth are they going to get that piano down the stairs?* (LD).

Локус может быть конкретизирован при помощи постпозитивных распространителей со значением места: *He tried to force the suitcase through the tiny hole in the fence* (LDC).

В русском языке в КК с глаголом *приводить* именной компонент выражает конечный локус перемещения объекта, что обусловлено лексическим значением префикса: *Расскажи, Торин, что же привело тебя в наши края?* (Н. Перумов). С другими глаголами движения, перемещения, речевой каузации возможна передача всех выделенных подтипов локативного состояния: *провести через лес, вывезти из города, вызвать из дома* и т.п.

При метафорическом употреблении КК данного типа передают 1) внутреннее психическое состояние: *I wish I could get him out of my head* (S. King); *Однако и стоящая в порядке змея длиной в километр сама по себе уже представляла великий соблазн и приводила граждан на Садовой в полное изумление* (М.А. Булгаков); 2) внешнее ситуативное состояние: *It took them three hours to get the fire under control* (MED); *Я приведу эти гербы в порядок* (Б. Акунин).

Заметим, что конструкции с глаголом *to make* не передают значения каузации локативного состояния. В данном варианте КК превалирует значение каузации социального состояния, которое выражается, в основном, за счет метафорического переосмысления: *My wonder whether even in old age he is not slightly restive at being made into a monument* (W.S. Maugham). Отмечаются от-

дельные случаи, когда данная конструкция передает значение каузации бытия:
...She'd save up the safety pins and make them into a chain (M. Atwood).

С глаголом *to get* отмечаются конструкции, находящиеся в отношениях деривации с соответствующими конструкциями с именным компонентом: *We'll get the timetable to you as soon as we have it (MED) → *We'll get you the timetable...* В данном случае объект каузации “the timetable” и консеквент “you” связаны отношениями посессивности. Однако, возможна и локативная трактовка, если “to you” = “to your house”.

В рамках данной конструкции также возможна передача внешнего социального состояния объекта каузации: *...Azirun, who helps her parents to coerce Shahanara and little sister Hushnara into wedlock (Guardian).*

В русском языке, помимо вышеперечисленных видов состояния, КК с предложно-именным компонентом *Z* регулярно передают каузацию внутреннего физического состояния: *Однако встревоженный шепот из темноты привел блаженствующего агента в чувство (Б. Акунин).* Ряд конструкций образует область пересечения ФСП каузативности и экзистенциальности, передавая, в основном, каузацию небытия: *И одна из главных задач власти как раз и состоит в том, чтобы равноправие не привело к чрезвычайной несправедливости и к уничтожению слабых более сильными (Б. Немцов).*

Подобно каузативным конструкциям с адъективным и субстантивным элементом *Z*, в русских КК с предложно-именным консеквентом наблюдаются ярко выраженные оценочные модальные значения, передаваемые через лексическое значение существительных и их распространителей. Каузируемое состояние в данных конструкциях получает позитивную или негативную оценку наблюдателя: *Курс, который не может привести к процветанию, когда вокруг все плохо... (Б. Немцов); ...Курс, взятый советским руководством, приведет к печальным последствиям (С.Л. Берия).*

Следует отметить, что в КК данного типа с глаголом *допускать* зафиксированы единичные примеры передачи каузации действия: *Пока солдат... при-*

мерной службой не докажет своей верности, на боевое дежурство его не допустят (С. Логинов).

Каузативные конструкции с предлогом и герундием: *You forced me into visiting him last year (J. Austen).*

В конструкциях данного типа агентивный каузатор воздействует на пациента с целью совершения последним действия, выраженного герундием.

В русском языке в наибольшей степени анализируемым конструкциям соответствуют КК с глаголами *вынуждать, принуждать, понуждать, побуждать, вызывать* с предлогами и отглагольными существительными.

Каузируемое действие может обладать разными аспектуальными характеристиками. Наиболее часто отмечается выражение герундием однократного действия: *All of this is done to coerce us into accepting the occupier's terms (Guardian); Он быстро, очень быстро нагнулся, схватил из-под ног обросший мхом гнилой сук и запустил им в кобеля, надеясь обозлить его и вызвать на неразумный прыжок (М. Семенова).* Передача многократного каузируемого действия, как правило, сопровождается многократным же (итеративным) актом каузации, что находит выражение в 1) видо-временной форме КГ; 2) лексических значениях герундия, обстоятельств или распространителей; 3) во множественном числе отглагольного существительного: *Although I coerce my kids into having a daily meal... (Guardian); Волкодав словно встречал кого-то, наседавшего с оружием, вызывал его на удары (М. Семенова).* Каузируемое действие также может носить процессуальный характер: *The police also hire students into spying on each other (Guardian); Шаги королевской власти вызывали раздражение у части французской элиты, вынуждая ее к активному сопротивлению (КП).* Каузируемое действие, в основном, находится в таксисных отношениях строгой разновременности с действием КГ, однако возможны, как в последнем примере, и отношения нестрогой разновременности.

В конструкциях данного типа также может иметь место совмещение каузативных и залоговых (пассивных) значений: *Но неповиновение... не привело даже к снятию с должности моего отца (С.Л. Берия).*

Каузативные конструкции с адвербиальным элементом: *We could get you out, she says (M. Atwood); Что привело вас сюда? (Н. Перумов)*

Доминирующим значением, выражаемым посредством анализируемых конструкций, является значение каузации локативного состояния, т.е. перемещения объекта каузации, как одушевленного, так и неодушевленного в новое положение в пространстве. В качестве адвербиальных элементов выступают наречия (в основном, *here, there, сюда, туда*) и поствербативы в английском. Локативное состояние является результативным и может уточняться, конкретизироваться при помощи постпозитивных распространителей: *Vallance seized her arm and forced him back to the bench (O. Henry)*.

Помимо локативного, могут передаваться ряд значений, обусловленных семантикой фразовых глаголов в английском: 1) каузация внутреннего психического состояния: *Eli... trotting out his arguments to get his head together (R. Silverberg)*; 2) каузация внешнего ситуативного состояния: *Boston college, maybe, or, if she can get her grades up, Brandeis (A. Hoffman)*; 3) каузация бытия / небытия: *It takes a while to get the wrinkles out (M. Atwood)*.

Каузативные конструкции с придаточным: *I asked my lawyer to have it so that the case would not come up for another month (Н.С. Бэрн); Но я не позволю, чтобы кто бы то ни было касался моих лесов! (Н. Перумов)*

В рассматриваемой модели в зависимости от типа придаточного предложения, в основном, конкретизируется каузируемое состояние объекта. Анализируемые конструкции не относятся к числу распространенных, и нами отмечаются только следующие подтипы каузации:

- каузация внешнего локативного состояния: *You don't know what we had to go through, just to get you where you are (M. Atwood)*;

- каузация внешнего ситуативного состояния: *He has made a company what it is today (А.С. Хорнби)*.

В приведенной Н.С. Бэрн каузативной конструкции с придаточным цели позицию объекта каузации глагола *to have* занимает формальное *it*, а на денотативном уровне в качестве каузанта выступает субъект придаточного – *the*

case. Данный случай отражает ситуацию двойной каузации, состоящую из двух микроситуаций: ситуации речевой каузации, где каузатором является субъект главного предложения *I*, а каузантом – комплемент *the lawyer*, и ситуации каузации небытия, в которой пациент *the lawyer* каузирует небытие объекта каузации – *the case*. Значение каузируемого небытия не является результативным, что обусловлено нерезультативностью консеквента в ситуациях речевой каузации. В конструкции модальное значение реальности синтаксического индикатива в главном предложении сопряжено с модальным значением ирреальности, желательности терминального состояния в придаточном. Относительное время каузируемого состояния ориентировано в будущее, однако вся конструкция монотемпоральна, так как формирует временной план прошедшего времени.

В русском языке такие отношения имеют место в случаях, когда позицию консеквента занимает местоименное слово *то*, распространенное посредством придаточного следствия: *Такое понимание бытия должно было привести к тому, что каждый человек стал бы утверждать, что он один есть единственное, сущее, истинное Я (А.Н. Толстой)*. Указанная конструкция монотемпоральна, глагольные формы соотносят действия каждого из предикатов с прошедшим временем. Каузативное значение совмещено с модальным значением ирреальности, нереализованной возможности. Каузативные конструкции такого типа могут быть характерны для вневременности: *Отсутствие власти, анархия, приводит к тому, что экономические интересы берут верх над потребностями большинства (Б. Немцов)*.

В русских КК с глаголами *допускать, позволять*, построенных по данной модели, имеет место синтез значений каузации действия и прохибитивности: *Олег понял, что не может допустить, чтоб Марьяна с Диком без него полетела в такую даль (К. Булычев)*.

Итак, межкатегориальные связи каузативных конструкций классифицируются как общие, устанавливаемые в рамках всей типологии КК, и специфические, характерные для отдельных вариантов парадигмы КК. Было выявлено устойчивые связи категориального значения каузации со значениями ФСК кау-

зальности, темпоральности, таксиса, временной локализованности, аспектуальности, модальности, посессивности и рефлексивности. В ходе анализа фактитивных и пермиссивных КК была рассмотрена актуализация онтолого-семантических видов каузации действия, состояния, качества, обладания, бытия / небытия в рамках предложенной структурной типологии КК, что позволило выявить специфику отдельных типов КК и уточнить виды реализуемых ими межкатегориальных связей.

Выводы по второй главе

Парадигма синтаксических средств выражения ФСК каузативности представлена конструкциями, образованными по четырехкомпонентной модели: каузатор (X) – оператор каузации (V_{caus}) – объект каузации (Y) – консеквент (Z). КК данной структуры образуют центральную зону ФСП каузативности в исследуемых языках.

Конституенты модели выражаются определенным инвентарем языковых средств, что позволяет сформировать парадигму КК с учетом семантико-структурных особенностей репрезентантов каждого компонента: оператор каузации может быть представлен финитными и нефинитными формами КГ; каузатор и каузант задают варианты парадигмы КК с субъектом и одушевленным / неодушевленным объектами, выраженными преимущественно нарицательными и собственными именами существительными и местоимениями (личными, указательными, вопросительными, неопределенными и др.).

Консеквент характеризуется наибольшей вариативностью и позволяет выделить следующие типы КК: КК с неличными глагольными формами, представленными инфинитивом, причастием I и II, герундием с предлогом, КК с субстантивным компонентом, КК с прилагательным, КК с предложно-именной группой, КК с адвербиальным элементом, КК с придаточным предложением.

Межкатегориальные связи, получающие реализацию в исследуемых конструкциях, классифицируются по признаку их общности / специфичности.

Межкатегориальные связи, устанавливаемые в рамках всей типологии КК, обусловлены внешним распространением конструкций, категориальными

значениями глагольного предиката, характером отношений между каузатором и объектом каузации. К такого рода связям относятся связи ФСК каузативности и ФСК каузальности, таксиса, темпоральности, временной локализованности, модальности, аспектуальности, посессивности и рефлексивности.

Специфичные межкатегориальные связи обусловлены частеречным типом консеквента, его лексическим наполнением и семантикой распространителей и реализуются в совокупности с вышеуказанными типами связей в отдельных парадигматических вариантах КК.

В КК с инфинитивным консеквентом передаются онтолого-семантические варианты каузации действия, состояния, бытия. В ситуациях каузации действия значение каузативности сопряжено с аспектуальными характеристиками одно / многократности, результативности, дуративности, фазовости, таксисных значений строгой / нестрогой разновременности, значениями категории темпоральности, модальным значением принудительности, значениями ФСП экзистенциальности. В конструкциях, выражающих каузацию состояния, актуализируются значения, свойственные предикатам состояния (длительность, статичность) и его подтипам, характеризующимся в данном типе КК наибольшей вариативностью (внутренние физическое и психическое состояния, внешние локативное, социальное, бенефактивное, ситуативное состояния, состояние положения в пространстве). Установление связей каузативности и экзистенциальности сопровождается актуализацией значений кратности. Возможно сопряжение каузативного и залогового (пассивного) значений.

В КК с причастием II реализуются связи каузативности со значениями категории «состояние» в его подтипах физического, психического, локативного и ситуативного состояния. Причастие II обуславливает реализацию в данном варианте КК значений пассивности и результативности. Ряд конструкций данного типа находится в зоне пересечения полей каузативности и экзистенциальности. В КК с глаголом *to make* устанавливаются связи каузативности и перцептивности, с сопутствующей реализацией посессивного или рефлексивного значений.

КК с причастием I, передающие каузацию действия, характеризуются совмещением каузативного значения с аспектуальными значениями процессуальности, многократности, фазовости, таксисными значениями следования. В ряде КК возможна передача экзистенциальных значений и значений ситуативного состояния.

КК с прилагательным передают онтолого-семантический тип каузации состояния, варьирующийся в подтипах внутреннего физического и психического, внешнего бенефактивного, социального и ситуативного состояний. Состояние результативно, находится с действием КГ в таксисных значениях строгой / нестрогой одновременности. Распространители прилагательного конкретизируют состояние и являются источниками модальных значений оценки и перцептивности. В ряде КК данного типа актуализируется значение пассивности.

КК с субстантивным консеквентом выражают широкий круг типовых значений каузаций – качество, состояние, обладание, бытие. Качество характеризуется отсутствием временного лимита, результативно и вступает с действием КГ в таксисные отношения строгой одновременности / частичной одновременности. Состояние в КК данного типа актуализирует аспектуальные значения длительности, дискретности, результативности и воплощается в подтипах физического и психического состояния. Распространители при существительном имеют ограничительный, классифицирующий характер, указывают на темпоральную ограниченность / неограниченность состояния / качества, являются источниками субъективно-модальных значений оценки и перцептивности, локализуют сферу проявления качества. В ряде КК регулярно передаются ситуации динамического обладания. В некоторых трехчленных КК выражается одно- / многократный акт каузации бытия.

КК с предложно-именной группой лежат в области пересечения ФСП каузативности и локативности. За счет метафорического переосмысления происходит совмещение значения каузативности с другими разновидностями категории «состояние» (психическое, ситуативное, социальное) и свойственными им значениями. В некоторых КК отмечается синтез каузативных значений и

значений экзистенциальности, посессивности. Распространители передают тот же ряд значений, что и в КК с субстантивным и адъективным консеквентами.

В КК с предлогом и герундием (отглагольным существительным в русском языке) значение каузативности сопряжено с аспектуальными характеристиками кратности, процессуальности, результативности, таксисными отношениями строгой / нестрогой одновременности. КК данного типа способны выразить связь каузативного и пассивного значений.

В КК с адвербиальными элементами передаются, преимущественно, связи категорий каузативности и локативности, результативное значение последней может уточняться посредством распространителей. В КК данного типа также возможно совмещение значений каузативности и типовых значений состояния (психическое, ситуативное), бытия.

В КК с придаточным предложением, в основном, находят выражение каузация состояния (локативного, ситуативного). КК данного типа допускают передачу значений нерезультативности консеквента в сочетании со значениями небытия, модальными значениями реальности / ирреальности, желательности. Наличие двух предикатов обуславливает связи КК со значениями категорий темпоральности и таксиса. В русском и других языках аналогичной типологии в исследуемых КК имеет место синтез значений каузации действия и модального значения запрета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая категория каузативности базируется на философской и формально-логической категории причинности / каузальности. Последняя является сложной, эволюционирующей категорией, прошедшей в своем развитии разные стадии: причина как «первоначало» у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, «силовая» причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности; современные вероятностные, контрфактуальные теории причинения, теории каузальных процессов и манипулируемости. В ходе своего развития категория причинности связывалась с такими мыслительными категориями, как бытие, следствие, цель, условие, время.

Репрезентация причинных отношений на ментальном и языковом уровнях в когнитивной и традиционной лингвистике рассматривается через понятия концепта «причины», категорий каузальности и каузативности. Концепт «причина» – сложная, подвижная константа, на протяжении всей истории своего развертывания связанная с концептом «цель». Понятия «каузальность» и «каузативность» являются неоднозначными и представляют проблему при их разграничении. Каузальность трактуется в широком смысле – как обусловленность, т.е. сложный комплекс отношений причины, цели, условия, уступки и следствия, и в узком смысле – как выражение причинной зависимости. Категория каузативности обладает весьма спорной семантикой, отражающей близость каузативных, каузальных, целевых и результативных значений. В целом, семантика каузативности может рассматриваться в русле двух выделенных нами подходов: онтологическом – через понятия «причинности» / «причинения», и прагматическом – как «побуждение». Онтологический подход позволяет определить каузативность как семантическую категорию, выражающую причинно-следственные отношения в системе глагола, а КК – все конструкции, ядром которых является каузативный глагол, без ограничений на семантику отдельных конститuentов.

Каузативность, понимаемая как универсальная типологическая категория с семантическим инвариантом «причинение» и семантическими вариантами каузации действия, состояния, бытия, обладания, качества, характеризуется набором разноуровневых средств выражения (лексических, словообразовательных, синтагматических, лексико-синтаксических, аналитических, контекстуальных) и образует микрополе в рамках ФСП каузальности. Структура ФСП каузативности может быть описана как полицентрическая, с фактитивным и пермиссивным центрами, и ядерной, промежуточной, периферийной зонами. Центр ФСП образуют синтаксические и лексико-синтаксические КК, построенные по модели $X - V_{\text{caus}} - Y - Z$.

Реализация категориальных значений каузативности при помощи КК указанного типа сопряжена с различными комбинациями языковых категорий. Типы межкатегориальных связей КК, выявляемые в ходе комплексного анализа данных конструкций, сочетающего функционально-семантический синтагматический и системно-парадигматический подходы, классифицируются по их общности / специфичности на:

1) межкатегориальные связи, регулярно устанавливаемые во всех типах КК. Их реализация обусловлена значениями, актуализируемыми глагольным центром КК, характером отношений между каузатором и объектом каузации, внешним распространением конструкций. Отмечаются:

- внешние связи категории каузативности и значений каузального комплекса (цель, причина, следствие, условие, уступка);
- связи в пределах ФСП каузативности, проявляющиеся в конструкциях с двойной каузацией и с однородными каузативными предикатами;
- внутренние и внешние связи категории каузативности и категорий:
 - а) зависимость таксиса (строгая / нестрогая одновременность);
 - б) темпоральности (абсолютная / относительная временная ориентация);
 - в) временной локализованности и нелокализованности («простой повторяемости», узуальности, временной обобщенности);

г) аспектуальности (значениями микрополей лимитативности, перцептивности, кратности, фазовости);

д) модальности, разнообразные значения которой реализуются через наклонение, вопрос, модальные глаголы, модальные слова и словосочетания.

е) посессивности, актуализируемой через отношения между каузатором и каузантом;

ж) рефлексивности, значение которой реализуется при кореферентности каузатора и объекта каузации.

2) специфичные межкатегориальные связи, наблюдаемые в отдельных типах КК и обусловленные частеречным типом консеквента, его лексическим заполнением и распространением.

В выделенных консеквентных типах КК основное категориальное значение каузативности совмещается с ее онтолого-семантическими вариантами (каузация действия, состояния, бытия, обладания, качества), образующими зоны пересечения ФСП каузативности с ФСП аспектуальности, темпоральности, таксиса, залоговости, состояния, экзистенциальности, посессивности. В частности, КК с вторичным предикатом консеквента, выраженным инфинитивом, способны передавать каузацию действия, состояния, бытия, обладания; КК с причастием I – каузацию действия и состояния; КК с причастием II – каузацию состояния; адъективные КК – каузацию состояния и обладания; КК с субстантивным консеквентом – каузацию состояния, качества, бытия, обладания; КК с предложно-именной группой – каузацию состояния; КК с герундием и предлогом (предложным отглагольным существительным в русском) – каузацию действия; КК с адвербиальным элементом – каузацию состояния и бытия; отмеченные КК с придаточным передают каузацию действия, состояния, бытия.

В конструкциях, передающих каузацию действия, значение каузативности сопряжено со значениями категорий:

- аспектуальности (одно- / многократность, процессуальность, предельность / неопределенность, результативность, фазовость);

- темпоральности (абсолютное / относительное время в КК с придаточными предложениями);
- таксиса (строгая / нестрогая разновременность);
- залоговости (пассивности).

Каузация состояния во всем разнообразии ее подтипов (внутренние физическое и психическое состояние, внешние локативное, социальное, ситуативное состояния, состояние положения в пространстве) сопровождается реализацией значений следующих ФСК:

- аспектуальности (длительность, статичность, результативность, перцептивность);
- таксиса (строгая / нестрогая разновременность);
- модальности (субъективно-модальные значения оценки)
- залоговости (пассив состояния);
- экзистенциальности.

Выделяется онтолого-семантический вариант каузации обладания, представляющий собой область пересечения ФСП каузативности и посессивности. Данный тип может также включаться в сферу реализации категориальных значений состояния как внешнее бенефактивное состояние и характеризуется тем же набором выражаемых межкатегориальных значений.

В конструкциях, передающих каузацию бытия, значения ФСК каузативности образуют связи со значениями категорий:

- экзистенциальности (бытие / небытие);
- аспектуальности (одно- / многократность, результативность);
- таксиса (строгая разновременность).

Выражение ситуации каузации качества сопровождается реализацией значений следующих категорий:

- темпоральности и аспектуальности (временная неограниченность, результативность, перцептивность);
- таксиса (отношения следования);
- модальности (значения оценки, актуализируемые через распространители);

– локативности.

Полученные результаты позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего исследования проблемы межкатегориальных связей каузативных конструкций. Материалы и выводы данного исследования могут служить ориентиром для изучения реализации связей отдельных функционально-семантических категорий, а также установления межкатегориальных связей каузативных конструкций в других языках. Исследование может быть продолжено в плане выявления межкатегориальных связей других семантических вариантов каузативности, в частности, прохибитивных конструкций и конструкций речевой каузации. Представляется перспективным дальнейшее исследование межкатегориальных связей каузативности в синхронно-сопоставительном и диахронном аспектах, что позволит выявить закономерности развития языковой манифестации и специфики актуализации межкатегориальных связей данной категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразиков, А. Природа, функции и семантика конструкций с глаголом *let* в современном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. Абдуразиков. – Ташкент, 1989. – 19 с.
2. Абрамов, М. А. Непредсказуемые судьбы свободы / М. А. Абрамов // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 22–39.
3. Абросимова, Т. А. Способ выражения каузативности во французском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Т. А. Абросимова. – Л., 1954. – 16 с.
4. Акмалова, Ф. Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентация категории «состояние»: дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Ф. Ш. Акмалова. – Ижевск, 2005. – 223 с.
5. Алатырев, В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка / В. И. Алатырев. – Ижевск, 1983. – 591 с.
6. Алексеев, П. В. Философия / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: ТЕИС, 1996. – 504 с.
7. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса итальянского языка / Т. Б. Алисова. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 294 с.
8. Алпатов, В. М. О способах построения функциональной грамматики / В. М. Алпатов // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 4–6.
9. Ааматов, А. М. Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волитивным значением: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. М. Ааматов. – М., 2000. – 20 с.
10. Анохина, М. А. Явление инкорпорации в английской глагольной лексике (на материале адвербиальных глаголов английского языка): дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / М. А. Анохина. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – 195 с.
11. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – 936 с.

12. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 776 с.
13. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 252 с.
14. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
15. Апресян, Ю. Д. Каузативы или конверсивы? / Ю. Д. Апресян // Типология. Грамматика. Семантика. – СПб.: Наука, 1998. – С. 273–281.
16. Аринштейн, В. М. (**Аринштейн 1985а**) Особенности образования производных каузативных значений у глаголов различных валентностных классов / В. М. Аринштейн // Семантика и функционирование английского глагола. – Горький: ГГПИЯ, 1985. – С. 3–11.
17. Аринштейн, В. М. (**Аринштейн 1985б**) Семантико-синтаксические особенности конструкций с каузативными глаголами воздействия в современном английском языке / В. М. Аринштейн // Семантика слова и предложения. – Л., 1985. – С. 3–14.
18. Аристотель. Метафизика. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
19. Аристотель. Физика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Электрон. дан. – Библиотека в кармане. – М., 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: P-100.
20. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
21. Асатиани, Р. А. Изоморфизм семантических структур повелительности и каузативности / Р. А. Асатиани // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1990. – Ч. 2. – С. 93–96.
22. Асмус, В. Ф. Античная философия. Логика Аристотеля и его учение о методе [Электронный ресурс] / В. Ф. Асмус. – Режим доступа: <http://www.sno.7hits.net/lib/asmus/5-7.htm>.
23. Ачаповская, Ю. Б. Каузативные глаголы во французском языке (на примере глаголов faire и laisser) / Ю. Б. Ачаповская // Вестник Адыгейского го-

сударственного университета [Электронный ресурс] / Адыг. гос. ун-т. – Электрон. журн. – Майкоп, 2006. – № 4. – Режим доступа к журн.: www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4.

24. Баженов, Л. Б. Концептуальная эволюция понятия причинной связи / Л. Б. Баженов // Философские основания естественных наук. – М.: Наука, 1976. – С. 326–341.

25. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.

26. Баратян, Н. Р. Связь переходности-непереходности с категорией каузативности в современном английском языке / Н. Р. Баратян // Вопросы лексикологии и синтаксиса романо-германских языков. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1963. – С. 81–89.

27. Бегова, С. К. Типология языковых средств выражения категории каузативности в разносистемных языках (на материале русского, английского и адыгейского языков): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / С. К. Бегова. – Майкоп, 2002. – 25 с.

28. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

29. Бокадорова, Н. Ю. О функциональных принципах построения универсально-грамматических описаний / Н. Ю. Бокадорова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 6–8.

30. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. – СПб.-Тамбов: Изд.-полиграф. центр ТГУ, 1995. – 140 с.

31. Болдырев, Н. Н. Прототипическая семантика глагола как основа его функциональной категоризации / Н. Н. Болдырев // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 46–48.

32. Болтунова, С. Т. Семантические и функциональные связи предлогов, выражающих причинно-следственные отношения в английском языке (на материале английских научных текстов) / С. Т. Болтунова // Дидактико-педагогич-

ческие основы обучения иностранным языкам научных работников. – Л.: Наука, 1988. – С. 105–119.

33. Бондарко, А. В. К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) / А. В. Бондарко // ВЯ. – 1967. – № 2. – С. 18–31.

34. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.

35. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

36. Бондарко, А. В. Взаимные связи морфологических категорий глагола / А. В. Бондарко // Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 641–646.

37. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

38. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 16–29.

39. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1987а)** Аспектуальность. Лимитативность. Длительность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 40–124.

40. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1987б)** Временная локализованность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 210–233.

41. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1987в)** Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 234–243.

42. Бондарко, А. В. **(Бондарко 1987г)** Основания функциональной грамматики. Исходные понятия / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–39.

43. Бондарко, А. В. Темпоральность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5–58.
44. Бондарко, А. В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 9–35.
45. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: итоги и перспективы / А. В. Бондарко // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–8.
46. Бондарко, А. В. Грамматические категории: истолкование понятия, принципы классификации, межкатегориальные связи / А. В. Бондарко // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. – СПб.: Наука, 2003. – С. 22–26.
47. Боронникова, Н. В. Лекции по истории лингвистики / Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий. – Пермь, 2002. – 224 с.
48. Бродович, О. И. Конструкции с каузативными глаголами в древнеанглийском языке / О. И. Бродович, Н. А. Штейнберг // Вопросы структуры языка в синхронии и диахронии. Вып. 4. Взаимодействие языковых структур в системе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – С. 65–75.
49. Бунге, М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – М.: Изд. иностр. лит., 1962. – 511 с.
50. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре современного английского языка: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук / А. И. Варшавская. – Л., 1985. – 34 с.
51. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
52. Веливченко, В. Ф. Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте. (На материале современного английского языка): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / В. Ф. Веливченко. – Киев, 1990. – 17 с.

53. Вендлер, З. Причинные отношения / З. Вендлер // НЗЛ. Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 264–277.
54. Взаимодействие единиц и категорий языковых подсистем. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2002. – 192 с.
55. Виноградова, Н. Г. Человек как субъект обладания: Актуализация категории обладания в немецком языковом сознании / Н. Г. Виноградова, Ю. М. Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – Москва-Иркутск, 2003. – С. 104–137.
56. Вригт, Г.Х. фон. Логико-философские исследования / Г. Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.
57. Вялкова, В. Б. Семантическая структура предложения с синтетическим каузативом / В. Б. Вялкова // Семантика и функционирование английского глагола. – Горький: Изд-во ГГПИЯ, 1985. – С. 36–44.
58. Гаврилова, Н. В. Морфологические и неморфологические средства выражения темпоральности в конструкциях каузативно-результативного комплекса / Н. В. Гаврилова // Парадигматические и синтагматические аспекты морфологических форм. – Иваново: Изд-во ИГУ, 1988. – С. 11–19.
59. Гаврилова, Н. В. Причинно-результативные отношения в предложении и тексте / Н. В. Гаврилова // Структурные и функциональные особенности предложения и текста. – Свердловск: Изд-во СГПИ, 1989. – С. 9–14.
60. Гайденко, П. П. (**Гайденко 1999а**) История греческой философии и ее связи с наукой [Электронный ресурс] / П. П. Гайденко. – Электрон. дан. – Библиотека в кармане. – М., 1999. – 1. электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: P-100.
61. Гайденко, П. П. (**Гайденко 1999б**) История новоевропейской философии и ее связи с наукой [Электронный ресурс] / П. П. Гайденко. – Электрон. дан. – Библиотека в кармане. – М., 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: P-100.
62. Гесиод. Теогония [Электронный ресурс] / Гесиод. – Режим доступа: <http://philosophylib1.narod.ru>.

63. Гак, В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В. Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 12–13.
64. Гак, В. Г. Семасиологический функциональный подход и типология функций / В. Г. Гак // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 17–19.
65. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – Режим доступа: http://www.koob.ru/georg_wilhelm_friedrich_hegel/science_of_logic.
66. Гжаниянц, Э. М. Развитие средств выражения каузативности в английском языке (VIII-XVIII вв.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Э. М. Гжаниянц. – Л., 1958. – 15 с.
67. Гоголева, Е. М. Дополнительная предикация в структуре простого предложения (инфинитивные конструкции): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Е. М. Гоголева. – М., 1981. – 19 с.
68. Гордон, Е. А. Каузативные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Е. А. Гордон. – М., 1981. – 23 с.
69. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
70. Гречко, В. К. Конструкции с полнозначными каузативными глаголами в научном стиле (на материале немецкой научно-технической литературы) / В. К. Гречко // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 194–198.
71. Гречко, В. К. Предложения с каузативными предикатами (на материале немецкой научно-технической литературы) / В. К. Гречко // Иностраный язык в сфере научного общения. – М.: Наука, 1986. – С. 127–135.
72. Грицютенко, И. Е. Лексико-семантические признаки и структура поля каузативных глаголов в современном русском языке / И. Е. Грицютенко, О. А. Хлебцова // Русское языкознание. – Киев: Выща шк., 1988. – Вып. 17. – С. 82–88.

73. Гросул, Л. Я. Правосторонняя валентность английского глагола “to get” / Л. Я. Гросул // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – М.: Наука, 1976. – С. 232–236.
74. Декарт, Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
75. Десницкая, А. В. Каузативные глаголы / А. В. Десницкая // Уч. зап. ЛГУ. Серия «Филологические науки». – Л., 1945. – Вып. 5. – С. 136–139.
76. Длугош, А. М. Английский аналитический каузатив со служебным глаголом “get”: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. М. Длугош. – Киев, 1980. – 24 с.
77. Долинина, И. Б. Валентностные категории английского глагола: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук / И. Б. Долинина. – Л., 1982. – 36 с.
78. Долинина, И. Б. Маркировка субъектно-объектных отношений у валентностных категорий английского глагола / И. Б. Долинина // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука, 1982. – С. 65–101.
79. Долинина, И. Б. Лексическая и синтаксическая переходность – проблема универсальности / И. Б. Долинина // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 122–128.
80. Долинина, И. Б. Синтаксически значимые категории английского языка / И. Б. Долинина. – Л.: Наука, 1989. – 216 с.
81. Евтюхин, В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка / В. Б. Евтюхин // Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 138–169.
82. Елизаров, В. С. Семантико-грамматические параметры переходно-непереходных и непереходно-переходных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / В. С. Елизаров. – Н. Новгород, 1995. – 17 с.
83. Еремеева, И. И. Сочетаемость глагола и его семантика / И. И. Еремеева // Теория и методика преподавания английского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – С. 40–49.

84. Журавлева, О. Н. Семантика каузативных глаголов, сочетающихся с целевым инфинитивом / О. Н. Журавлева // Семантика. Функционирование. Текст. – Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 2001. – С. 44–47.
85. Зернов, Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект) / Б. Е. Зернов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 126 с.
86. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 350 с.
87. Золотова, Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 18–20.
88. Зольванова, С. Б. К вопросу о каузативности (на материале немецкого и калмыцкого языков) / С. Б. Зольванова // Совершенствование обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов национальных вузов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПИ, 1985. – С. 104–108.
89. Зубов, В. П. Аристотель / В. П. Зубов. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 368 с.
90. Иванова, Т. От субъектно-объектных к причинно-следственным отношениям / Т. Иванова // Вопросы современного состояния и исторического развития систем русского и болгарского языков. – Шумен: Изд-во на ВПИ «Константин Преславски», 1994. – С. 72–77.
91. Казютинский, В. В. Антропный принцип и современная телеология / В. В. Казютинский // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 58–73.
92. Камынина, Л. И. Функционально-семантическая категория каузальности в современном английском языке / Л. И. Камынина. – М., 1991. – 37 с.
93. Кант, И. Критика чистого разума [Электронный ресурс] / И. Кант. – Режим доступа: <http://phylosorhylib1.narod.ru>.
94. Каракулова, М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. – 228 с.

95. Карпувене, Г. О понятии «каузативный глагол» / Г. Карпувене // Учен. зап. ВУЗов ЛитССР. Языкознание. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – № 39(3). – С. 69–74.
96. Касевич, В. Б. Императивность, каузативность, перформативность / В. Б. Касевич // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1990. – Ч. 2. – С. 85–90.
97. Касевич, В. Б. О межкатегориальных связях в языке / В. Б. Касевич // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. – СПб.: Наука, 2003. – С. 70–77.
98. Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – 248 с.
99. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
100. Керкис, Р. С. О наличии каузативной семантики у ряда глаголов в английском языке / Р. С. Керкис // Вестн. ПГЛУ. Молодеж. приложение. – Пятигорск, 2003. – № 1. – С. 50–54.
101. Киклевич, А. К. Лекции по функциональной лингвистике / А. К. Киклевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1999. – 215 с.
102. Клобуков, Е. В. Уровни категоризации и строение системы семантических категорий / Е. В. Клобуков // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 36–44.
103. Клычков, Г. С. Типологические трансформации в функциональной грамматике / Г. С. Клычков // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 20–23.
104. Кобрина, Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н. А. Кобрина // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1989. – С. 40–49.
105. Ковальская, Л. Г. Предикаты каузации бытия и признака в современном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Л. Г. Ковальская. – Пятигорск, 1985. – 16 с.

106. Колтышев, А. Н. Эволюция понятия причинности / А. Н. Колтышев. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1991. – 140 с.
107. Колтышев, А. Н. Проблема причинности: история и теория: автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. филол. наук / А. Н. Колтышев. – СПб., 1995. – 29 с.
108. Комаров, А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи / А. П. Комаров. – Алма-Ата: Изд-во КГПИ, 1970. – 224 с.
109. Корди, Е. Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) / Е. Е. Корди // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 187–194.
110. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Л.: Наука, 1988. – 165 с.
111. Корди, Е. Е. О взаимодействии категорий французского глагола: императив и категории лица/числа, времени/вида, залога / Е. Е. Корди // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 61–79.
112. Корогодин, В. И. Информация как основа жизни и целенаправленные действия / В. И. Корогодин, В. Л. Корогодина // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 189–213.
113. Краевский, В. Проблема онтологической категории причины и следствия / В. Краевский // Закон, необходимость, вероятность. – М.: Прогресс, 1967. – С. 289–312.
114. Кубрякова, Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Е. С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 218–224.
115. Кузнецова, Н. Е. Оппозиция каузативов и рефлексивов в английском языке / Н. Е. Кузнецова, Н. В. Пухова // Язык. Текст. Стил. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. – С. 63–70.
116. Куликов, Л. И. Каузатив в санскрите: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Л. И. Куликов. – М., 1989. – 17 с.
117. Куликов, Л. И. Типология каузативных конструкций в современных синтаксических теориях / Л. И. Куликов // Знак. – М.: Рус. учеб. центр, 1994. – С. 48–60.

118. Курбаназаров, П. К. Синтаксические средства выражения типологической категории каузативности в языках разных систем (на материале современного английского и каракалпакского языков) / П. К. Курбаназаров // Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР. – Нукус: ФАН, 1990. – № 3. – С. 120–125.

119. Лагузова, Е. Н. Описательные обороты с каузативными глагольными компонентами в современном русском языке / Е. Н. Лагузова // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М.: Моск. пед. ин-т, 1995. – С. 116–123.

120. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

121. Левицкий, Ю. А. Императив и каузатив / Ю. А. Левицкий // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1990. – Ч. 2. – С. 90–93.

122. Листунова, Е. И. Комбинаторные характеристики английских медиопассивных глаголов / Е. И. Листунова // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 140–149.

123. Лосев, А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика) [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. – Электрон. дан. – Библиотека в кармане. – М., 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Системные требования: P-100.

124. Лосев, А. Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы / А. Ф. Лосев // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 144.

125. Лурье, С. Я. Демокрит / С. Я. Лурье. – М.: Наука, 1970. – 664 с.

126. Ляпон, М. В. Предложения со значением обусловленности / М. В. Ляпон // Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – С. 562–602.

127. Ляпон, М. В. Прагматика каузальности / М. В. Ляпон // Русистика сегодня. – М.: «Наука», 1988. – Вып. 1. – С. 111–121.

128. Макаров, М. Г. Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений / М. Г. Макаров. – Л.: Наука, 1982. – 269 с.

129. Максапетян, А. Г. Каузация (Лингвистические и экстралингвистические аспекты) / А. Г. Максапетян. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 1990. – 338 с.

130. Мамчур, Е. А. Причинность и рационализм / Е. А. Мамчур // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 5–22.
131. Маслиева, О. В. Проблема причинности в философии и науке / О. В. Маслиева // Философия и академическая наука. – СПб.: РАН, СПб. науч. центр, 2002. – С. 188–206.
132. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта-Наука, 2006. – 296 с.
133. Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – 231 с.
134. Мельникова, Е. А. Семантический признак «характер передаваемой информации» и типы синтаксических конструкций с глаголами речи / Е. А. Мельникова // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 168–217.
135. Миссюра, Н. А. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в немецком языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Н. А. Миссюра. – М., 1952. – 15 с.
136. Мощенникова, С. В. Дискурсивно-прагматический потенциал категориальных и межкатегориальных форм выражения пассивной перспективы высказывания и текста в современном английском языке: дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / С. В. Мощенникова. – Барнаул, 2004. – 155 с.
137. Насилов, Д. М. Уровни семантических абстракций в функциональной грамматике / Д. М. Насилов // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 32–33.
138. Наумова, И. А. Глаголы с каузативным значением в современном английском языке и исторические предпосылки их образования: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / И. А. Наумова. – М., 1967. – 20 с.
139. Неद्याлков, В. П. О связи каузативности и пассивности / В. П. Неद्याлков // Вопросы общего и романо-германского языкознания. – Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1964. – С. 301–311.

140. Недялков, В. П. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. – Л.: Наука, 1969. – С. 5–25.
141. Недялков, В. П. **(Недялков 1971а)** Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив / В. П. Недялков. – Л.: Наука, 1971. – 178 с.
142. Недялков, В. П. **(Недялков 1971б)** О синонимии каузативных конструкций в немецком языке / В. П. Недялков // Некоторые вопросы немецкой филологии. – Пятигорск: Изд-во ПГПИЯ, 1971. – С. 88–114.
143. Никитин, А. Г. Когнитивная причинность: особенности и функции / А. Г. Никитин // Гуманитарные науки: научно-теоретические и логико-методологические аспекты. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КГТУ, 2002. – С. 42–45.
144. Овчинников, Н. Ф. Ограниченность причинности как принципа объяснения / Н. Ф. Овчинников // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 87–111.
145. Овчинникова, О. Г. Функционально-семантическая категория побудительности современного английского языка в модальном и каузативном аспектах / О. Г. Овчинникова // Семантика и типология разносистемных языков. – Ташкент, 1986. – С. 32–40.
146. Озюменко, В. И. Семантика и актантная структура каузативных глаголов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / В. И. Озюменко. – М., 1994. – 16 с.
147. Ошева, С. В. Аспектуальный план каузативной конструкции / С. В. Ошева // Германистика. – СПб.: РГПИ им. А.И.Герцена, 1992. – С. 99–104.
148. Ошева, С. В. Каузативная ситуация: семантическая перспектива / С. В. Ошева // Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 2002. – С. 61–65.
149. Падучева, Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – № 1. – С. 52–79.
150. Панасенко, Л. А. Модели функциональной поликатегоризации глагола, отражающие концептуализацию событий как каузаций / Л. А. Панасенко // Язык

как функциональная система. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 2001. – С. 116–119.

151. Панченко, А. И. Понятия состояния, вероятности и причинности в физике / А. И. Панченко // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 213–225.

152. Патти, Г. Причинность, контроль и эволюция сложности / Г. Патти // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 137–154.

153. Петров, В. В. Структуры значения: логический анализ / В. В. Петров. – Новосибирск: Наука, 1979. – 142 с.

154. Платон. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / Платон. – Электрон. дан. – Библиотека в кармане. – М., 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: P-100.

155. Полянский, С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений / С. М. Полянский // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 243–253.

156. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

157. Пригожин, И. Время, Хаос, Квант / И. Пригожин, И. Сингерс. – М.: Прогресс, 1994. – 267 с.

158. Прокопчик, А. В. Структура и значение побудительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. В. Прокопчик. – М., 1955. – 16 с.

159. Пряников, А. В. Субстантивное сказуемое с каузативным значением в современном русском языке / А. В. Пряников // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. – М.: Междунар. АН пед. образования, 2002. – С. 314–316.

160. Пушина, Н. И. Взаимосвязь каузативных, темпоральных, залоговых значений в английских каузативных залоговых конструкциях с инфинитивом / Н. И. Пушина // Язык – дискурс – текст. – Ижевск: Учебно-метод. объедин., 1998.

– Вып. 1. – С. 111–117.

161. Пушина, Н. И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола / Н. И. Пушина. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – 170 с.

162. Пушина, Н. И. Английские залоговые have-конструкции с причастием II и их русские соответствия / Н. И. Пушина // Лингвистические исследования. К 75-летию проф. В.Г.Гака. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 129–138.

163. Разилова, З. Р. Типы волеизъявительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / З. Р. Разилова. – М., 1954. – 18 с.

164. Радугин, А. А. Философия [Электронный ресурс] / А. А. Радугин. – Электрон. дан. – М.: Центр, 2004. – Режим доступа: <http://toe-krsk.narod.ru/ref/73.html>.

165. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел. – К.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.

166. Рейдель, А. И. Лексико-грамматическая характеристика каузативных глаголов в предложной конструкции: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. И. Рейдель. – М., 1971. – 21 с.

167. Родина, И. В. Сопоставление вариантов отображения причинно-следственной ситуации на уровне значения глагола и сложного высказывания / И. В. Родина // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1994. – С. 57–64.

168. Родионова, А. А. Подклассы глаголов направленного действия / А. А. Родионова // Грамматические категории. – М., 1976. – С. 132–147.

169. Романов, А. А. Семантика предикатных конструкций со значением просьбы / А. А. Романов // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 200–203.

170. Рубанова, Н. А. Деривация каузативных значений в современном английском языке / Н. А. Рубанова // Лексическая семантика и части речи. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. – С. 99–104.

171. Рубанова, Н. А. Соотношение словообразовательных, семантических и синтаксических характеристик английских каузативных глаголов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Н. А. Рубанова. – Л., 1987. – 16 с.

172. Рябенко, В. В. Конструкции с lassen в немецком, let в английском языках и их русские и белорусские аналоги: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / В. В. Рябенко. – Минск, 1972. – 29 с.

173. Рябенко, В. В. (**Рябенко 1973а**) Аналитические инфинитивные конструкции с глаголом lassen в немецком языке и глаголом let в английском языке / В. В. Рябенко // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 182–195.

174. Рябенко, В. В. (**Рябенко 1973б**) К вопросу о категории побудительности и типичных средствах ее выражения в немецком языке / В. В. Рябенко // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 196–209.

175. Рябенко, В. В. (**Рябенко 1973в**) Об актуализации значений фактитивности и пермиссивности в четырехкомпонентной каузативной конструкции с глаголом lassen / В. В. Рябенко // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 177–181.

176. Рябенко, В. В. Сравнительная типология некоторых каузативных конструкций (на материале немецкого, английского, русского и белорусского языков) / В. В. Рябенко // Романское и германское языкознание. – Минск: Вышэйш. шк., 1976. – Вып. 6. – С. 169–173.

177. Сальников, В. П. Философия / В. П. Сальников, Г. Н. Хон. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2000. – 320 с.

178. Сачков, Ю. В. Автономность в причинных сетях / Ю. В. Сачков // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 154–174.

179. Сачков, Ю. В. Эволюция понятия причинности / Ю. В. Сачков // Вопросы философии. – М.: Наука, 2003. – № 4. – С. 101–118.

180. Севальников, А. Ю. Телеологический принцип и современная наука / А. Ю. Севальников // Причинность и телеономизм в современной естественно-

научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 73–87.

181. Семенчина, Е. Н. Концепт причинности в общекультурной концептуальной картине мира / Е. Н. Семенчина // Язык и культура. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – С. 140–141.

182. Сильницкий, Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук / Г. Г. Сильницкий. – Л., 1974. – 43 с.

183. Сильницкий, Г. Г. Однонаправленные статистические зависимости между глагольными признаками различных языковых уровней в английском языке / Г. Г. Сильницкий, С. Н. Андреев, П. М. Лопашин // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. – Владивосток, 1988. – С. 72–86.

184. Сильницкий, Г. Г. Глагольная система в английском языке (к проблеме интерпретации корреляционных данных) / Г. Г. Сильницкий // Актуальные вопросы языкознания и интенсификации преподавания иностранных языков. – Минск: Наука и техника, 1993. – С. 187–295.

185. Слюсарева, Н. А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии / Н. А. Слюсарева // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 40–42.

186. Соколов, В. В. Философия древности и средневековья / В. В. Соколов // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – С. 8–69.

187. Соколов, В. В. Европейская философия Нового времени / В. В. Соколов // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль 1970. – С. 7–53.

188. Солнцев, В. М. Относительно соотношения категорий состояния, пассива и каузатива в языках Юго-Восточной Азии и алтайских языках / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева // Altaica 1. – М.: РАН, Ин-т Востоковедения, 1997. – С. 89–100.

189. Солнцева, Н. В. Относительно грамматических функций / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 42–44.

190. Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2003. – 736 с.
191. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–73.
192. Сымулов, М. Г. Каузативные глаголы в разноструктурных языках / М. Г. Сымулов // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2003. – С. 177–180.
193. Сюткина, М. Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посесивных конструкций (на материале английского и русского языков): дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / М. Ю. Сюткина. – Ижевск, 2004. – 182 с.
194. Тажибаева, С. Ж. Каузальные конструкции и их место в системе языка [Электронный ресурс] / С. Ж. Тажибаева. – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088623.pdf.
195. Танненцапф, М. С. Исследование каузативных глаголов в немецком языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / М. С. Танненцапф. – М., 1964. – 16 с.
196. Тарасова, Л. Д. Язык и причинность / Л. Д. Тарасова // Вопросы романо-германской филологии. – Киров: Изд-во Вятского гос. пед. ин-та, 2000. – С. 89–94.
197. Теремова, Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций / Р. М. Теремова. – Л., 1985. – 70 с.
198. Тикоцкая, К. Е. О синтаксических связях в структуре английских предложений с каузативными глаголами / К. Е. Тикоцкая // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 115–126.
199. Тикоцкая, К. Е. Структура предложений с каузативными глаголами в современном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / К. Е. Тикоцкая. – Минск, 1975. – 24 с.
200. Тикоцкая, К. Е. О сочетаемости каузативных глаголов в современном английском языке / К. Е. Тикоцкая // Романское и германское языкознание. –

Минск: Вышэйш. шк., 1978. – С. 97–103.

201. Тихонравов, Ю. В. Философия / Ю. В. Тихонравов. – М.: Инфра-М, 2000. – 269 с.

202. Трунова, О. В. К проблеме понятийных категорий / О. В. Трунова // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. – С. 105–111.

203. Украинцев, Б. С. Информационная форма причинности / Б. С. Украинцев // Философские основания естественных наук. – М.: Наука, 1976. – С. 293–305.

204. Филиппов, А. В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах / А. В. Филиппов // Русский язык в школе. – 1978. – № 1. – С. 90–94.

205. Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

206. Хааг, Э.-О. К типологии выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке / Э.-О. Хааг // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 129–133.

207. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

208. Хлебцова, О. А. Лексико-семантическое поле каузативных глаголов в современном русском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / О. А. Хлебцова. – Харьков, 1986. – 22 с.

209. Хорнби, А. С. Конструкции и обороты английского языка / А. С. Хорнби. – М.: АО «Буклет», 1992. – 336 с.

210. Храковский, В. С. Деривационные отношения в синтаксисе / В. С. Храковский // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – Л.: Наука, 1969. – С. 138–148.

211. Храковский, В. С. Кратность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 124–153.

212. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) / В. С. Храковский // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 22–43.

213. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие / В. С. Храковский // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. – СПб.: Наука, 2003. – С. 156–165.

214. Худяков, С. С. Взаимосвязь философии и естествознания в становлении и развитии категории причинности / С. С. Худяков // Категории диалектики и научное познание. – Уфа: Изд-во БГУ, 1985. – С. 110–126.

215. Цеева, С. А. Средства выражения категории каузативности в разносистемных языках / С. А. Цеева // *Ab Ovo*. – Майкоп, 2004. – № 5. – С. 189–193.

216. Цицерон, М. Т. Философские трактаты / М. Т. Цицерон. – М.: Наука, 1985. – 382 с.

217. Чайковский, Ю. В. Причинность, сложность и разные формы случайности / Ю. В. Чайковский // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 111–137.

218. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

219. Шарифова, Л. А. Адъектные каузативные глаголы в современном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Л. А. Шарифова. – Тбилиси, 1982. – 25 с.

220. Шарифова, Л. А. Реляционно-семантические особенности некоторых групп английских каузативных глаголов / Л. А. Шарифова // Филологические науки. – М.: Высш. шк., 1990. – № 1. – С. 93–98.

221. Шевякова, В. Е. К вопросу о функции в грамматике / В. Е. Шевякова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 50–52.

222. Шелякин, М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике / М. А. Шелякин // Проблемы функциональной грамматики. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – С. 52–54.

223. Широглазова, Н. С. Система глубинных падежей и средств их выражения: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Н. С. Широгла-

зова. – Ижевск, 2004. – 19 с.

224. Шмелев, В. Н. Репрезентация каузативных значений в современном английском языке / В. Н. Шмелев // Семантика и функции синтаксических единиц в германских языках. – Горький, 1989. – С. 96–100.

225. Эргашев, Т. Выражение категории каузативности в разносистемных языках (на материале английского, узбекского и других языков): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Т. Эргашев. – Ташкент, 1989. – 20 с.

226. Юм, Д. Исследования о человеческом познании. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Д. Юм. – М.: Мысль, 1965. – 927 с.

227. Якобсон, Р. О. К общему учению о падеже / Р. О. Якобсон // Якобсон, Р. О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 133–176.

228. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.

229. Ярцева, В. Н. Исторический синтаксис английского языка / В. Н. Ярцева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР [Ленинградское отделение], 1961. – 308 с.

230. Ярцева, В. Н. Иерархия грамматических значений и типологическая характеристика языков / В. Н. Ярцева // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). – М., 1975. – С. 3–5.

231. Anderson, T. M. On case grammar: Prolegomena to a theory of grammatical relations / T. M. Anderson. – London: Croom Helm: Atlantic Highlands: Humanities pres, 1977. – 313 p.

232. Andor, J. Case grammar, deep semantic relations and cognition / J. Andor // Proceedings of the 12th International congress of linguists. – Innsbruck, 1978. – P. 163–166.

233. Babby, L. H. A Compositional Analysis of Voice in Turkish: Passive, Derived Intransitive, Impersonal and Causative / L. H. Babby // Cornell Working Papers in Linguistics. – 1981. – № 2. – P. 1–31.

234. Babby, L. H. The Relation Between Causative and Voice: Russian vs. Turkish / L. H. Babby // Wiener slawistischer Almanach. – 1983. – № 11. – P. 61–88.

235. Baron, N. S. The structure of English causatives / N. S. Baron // *Lingua*, 1974. – № 33. – P. 299–342.

236. Buell, L. Affix Ordering in Wolof Applicatives and Causatives [Электронный ресурс] / L. Buell, M. Sy. – Режим доступа: www.lingref.com/cpp/acal/35/paper1311.pdf.

237. Butters, R. R. Existential and causative “have ... to” / R. R. Butters, K. Stettler // *American speech*. – Tuscaloosa, 1986. – Vol. 61. № 2. – P. 184–190.

238. Cook, W. A. A case grammar matrix / W. A. Cook. – *Ibid*, 1972. – № 2. – P. 35–49.

239. Cruse, D. A. A note on English causatives / D. A. Cruse // *Ling.inquiry*. – *Cambr.(Mass.)*, 1972. – Vol. 3. № 3. – P. 522–528.

240. DeArmond, R. C. Theta Roles and Logical Structure [Электронный ресурс] / R. C. DeArmond. – Режим доступа: <http://www.sfu.ca/person/dearmond/481Tense/481TR/480.12.pdf>.

241. Dowe, P. Causal Processes [Электронный ресурс] / P. Dowe. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/causation-process>.

242. Fodor, J. A. Three reasons for not deriving ‘kill’ from ‘cause to die’ / J. A. Fodor // *Linguistic Inquiry*. – 1970. – № 1. – P. 429–438.

243. Folly, F. On Obligatory Obligation: the Composition of Italian Causatives [Электронный ресурс] / F. Folly, H. Harley. – Режим доступа: <http://dingo.sbs.arizona.edu/~hharley/PDFs/HarleyFolliCausatives2003.pdf>.

244. Goldsmith, J. Causative Verbs in English / J. Goldsmith // *Papers from the Parasession on Lexical Semantics*. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1984. – P. 117–130.

245. Harley, H. *Sase* bizarre: the structure of Japanese causatives [Электронный ресурс] / H. Harley. – Режим доступа: minimalism.linguistics.arizona.edu/AMSA/PDF/AMSA-148-0900.pdf.

246. Herrero, S. J. Gramatica Quechua / S. J. Herrero, S. De Lozada. – Cochabamba: Editorial Universo, 1978. – 378 p.

247. Hitchcock, C. Probabilistic causation [Электронный ресурс] / C. Hitch-

cock. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/causation-probabilistic>.

248. Jespersen, O. A Modern English Grammar. / O. A. Jespersen. – London: George Allen and Unwin, 1961. – Vol. 3. – 432 p.

249. Katz, J. J. Semantic theory / J. J. Katz. — N.Y., 1972. – XXVIII. – 464 p.

250. Kayne, R. French Syntax / R. Kayne. – Cambridge Mass.: MIT Press, 1975. – 392 p.

251. Kim, J. Y. The Synonymy vs. Nonsynonymy Hypothesis for Causatives in Korean [Электронный ресурс] / J. Y. Kim. – Режим доступа: www.ling.hawaii.edu/research/workingpapers.html.

252. Longacre, R. An Anatomy of Speech Notions / R. Longacre. – Lisse, 1976. – P. 35–46.

253. Lien, C. A Typological Study of Causatives in Taiwan Southern Min [Электронный ресурс] / C. Lien. – Режим доступа: www.usc.edu/dept/LAS/ealc/chinling/articles/zddnew.pdf.

254. McCawley, J. D. Как and Shibatani on the grammar of killing / J. D. McCawley // Syntax and Semantics. Vol. 1. – New York: Seminar Press, 1972. – P. 139–149.

255. Menzies, P. Counterfactual theories of causation [Электронный ресурс] / P. Menzies. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/causation-counterfactual>.

256. Mercier, C. A. On causation [Электронный ресурс] / C. A. Mercier. – Режим доступа: http://www.geocities.com/freasoner_2000/cause.htm.

257. Müller, H.-G. Funktionale Kategorien und ihre Realisierung im Türkischen [Электронный ресурс] / H.-G. Müller. – Режим доступа: <http://www2.sfs.nphil.uni-tuebingen.de:16080/Magisterarbeiten/mueller00.pdf>.

258. Quirk, R. A University Grammar of English / R. Quirk et al. – M.: Vyssaja skola, 1982. – 391 p.

259. Reed, L. Remarks on word order in causative constructions / L. Reed // Ling. inquiry. – Cambridge (Mass.), 1992. – Vol. 23. № 1. – P. 164–172.

260. Salo, P. Causatives and the Empty Lexicon: a Minimalist Perspective [Эле-

ктронный ресурс] / P. Salo. – Режим доступа: ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/psyko/vk/salo/causativ.pdf.

261. Shibatani, M. The grammar of causative constructions: a conspectus / M. Shibatani // The grammar of causative constructions. (Syntax and Semantics 6). – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1976. – P. 1–40.

262. Song, J. J. Causatives and causation: A universal-typological perspective [Электронный ресурс] / J. J. Song. – Режим доступа: hamminkj.cafeprogressive.com/cause.htm.

263. Stabler, E. P. The Finite Connectivity of Linguistic Structure [Электронный ресурс] / E. P. Stabler. – Режим доступа: <http://www.linguistics.ucla.edu/people/stabler/eps-conn.pdf>.

264. Stefanowitsch, A. Synthetic and analytic causatives in English: A construction-grammar approach [Электронный ресурс] / A. Stefanowitsch. – Режим доступа: http://www.stefanowitsch.de/anatol/texts/ho_iccg2-1.pdf.

265. Terasawa, J. The historical development of the causative use of the verb “make” with an infinitive / J. Terasawa // *Studia neophilologica*. – Stockholm, 1985. – Vol. 57. № 2. – P. 133–143.

266. Tomozawa, H. A semantic analysis of causative and experiential “have” / H. A. Tomozawa // *Hitotsubashi j. of arts and sciences*. – Tokyo, 2002. – Vol. 43. № 3 – P. 1–9.

267. Toops, G. H. Russian contextual causatives / G. H. Toops // *Slavic and East European j.* – Tucson, 1987. – Vol. 31. № 4. – P. 595–611.

268. Wierzbicka, A. The Semantics of Grammar / A. Wierzbicka. – Amsterdam: John Benjamins, 1988. – 581 p.

269. Woodward, J. Causation and manipulability [Электронный ресурс] / J. Woodward. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/causation-mani>.

270. Yamashita, H. “Long before short” preference in the production of a head-final language / H. Yamashita, C. Franklin // *Cognition*. – 2001. – № 81. – P. B45–55.

271. Yates, N. French Causatives: A Biclausal Account in LFG [Электронный ресурс] / N. Yates. – Режим доступа: <http://csli-publications.stanford.edu>.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка (**А**) / З. Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 1999. – 495 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Горский, Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка (**Е**). В 3 т / Т. Ф. Ефремова. – М.: Астрель: АСТ, 2006.
5. Клюева, В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка (**К**) / В. Н. Клюева. – М.: Учпедгиз, 1961. – 344 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка (**ЛЛ**) / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1990. – 704 с.
8. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
9. Насибуллин, Р. Ш. Краткий удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1995. – 368 с.
10. Новая философская энциклопедия (**НФЭ**). В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. – 722 с.
11. Новая философская энциклопедия (**НФЭ**). В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – 692 с.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка (**СО**) / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, Мир и образование, 2005. – 1200 с.
13. Словарь русского языка (**СРЯ**). В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
14. Словарь синонимов русского языка (**ССРЯ**). В 2 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1970. – 680 с.

15. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
16. Философский энциклопедический словарь (**ФЭС**). – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.
17. Философский словарь (**ФС**). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. – 590 с.
18. Частотный словарь русского языка (**ЧСРЯ**). – М.: Рус.яз., 1977. – 936 с.
19. Dictionary.com (**D**). Online English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>.
20. Dictionary & Thesaurus – Your Dictionary (**YD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com>.
21. Die Grosse Microsoft Enkarta Enzyklopädie (**Enkarta**) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Microsoft Corporation, 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: P-150.
22. Encyclopaedia Britannica 2007. Deluxe Edition [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: Новый диск, 2007. – 4 электрон. опт. диска (CD-ROM). – Систем. требования: P III, Microsoft Windows 2000/XP.
23. Longman Dictionary of Contemporary English (**LD**). Third Edition. – Harlow: Pearson Education LTD., 2000. – 1668 p.
24. Longman Dictionary of English Language and Culture (**LDC**). – Harlow: Longman Group UK Limited, 1992. – 1528 p.
25. Longman Exams Dictionary (**LED**). – Harlow: Longman Group UK Limited, 2006. – 1833 p.
26. Longman Language Activator (**LA**). – Harlow: Longman Group UK Ltd., 1997. – 1587 p.
27. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (**MED**). – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
28. Meriam-Webster Online Dictionary (**MWD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m-w.com/dictionary.htm.

29. Oxford Thesaurus of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 486 p.
30. The American Heritage Dictionary of the English Language (**AHD**). Fourth Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bartleby.com/61.
31. Wictionary (**W**). Online English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wictionary.org>.
32. Wikipedia (**WP**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org>.
33. WordReference.com (**WR**). Online French, Italian and Spanish Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wordreference.com.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Arnim, V. von. Die Gründerode [Электронный ресурс] / V. von Arnim. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
2. Asimov, I. The Bicentennial Man [Электронный ресурс] / I. Asimov. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
3. Atwood, M. The Handmaid's Tale [Электронный ресурс] / M. Atwood. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.
4. Austen, J. Pride and Prejudice [Электронный ресурс] / J. Austen. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
5. Austen, J. Sense and Sensibility / J. Austen. - Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1978. – 371 p.
6. Bach, R. Jonathan Livingston Seagull / R. Bach. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 128 p.
7. Bellamy, E. Looking Backward: 2000-1887 [Электронный ресурс] / E. Bellamy. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
8. Bierce, A. G. Can such Things be? [Электронный ресурс] / A. G. Bierce. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
9. Bierce, A. G. In the Midst of Life. Tales of Soldiers and Civilians [Электронный ресурс] / A. G. Bierce. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

10. Bradbury, R. D. Fahrenheit 451 / R. D. Bradbury. – London etc.: Granada, 1981. – 158 p.
11. Brontë, Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth, 1992. – 404 p.
12. Butler, S. Erewhon, or Over the Range / S. Butler. – Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1977. – 270 p.
13. Cain, J. M. The Root of His Evil / J. M. Cain. – СПб.: Антология, 2003. – 192 p.
14. Capote, T. In Cold Blood / T. Capote. – Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1971. – 344 p.
15. Carroll, J. Fish in a Barrel [Электронный ресурс] / J. Carroll. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.
16. Carroll, L. Alice's Adventures in Wonderland / L. Carroll. – Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1994. – 152 p.
17. Christie, A. Mysterious Affair at Styles [Электронный ресурс] / A. Christie. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>.
18. Conrad, J. Almayer's Folly. A Story of an Eastern River [Электронный ресурс] / J. Conrad. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
19. Doyle, A. C. The Adventures of Sherlock Holmes / A. C. Doyle. – London; Sydney: Pan Books, 1979. – 316 p.
20. Doyle, A. C. The Hound of the Baskervilles [Электронный ресурс] / A. C. Doyle. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
21. Fowles, J. The French Lieutenant's Woman [Электронный ресурс] / J. Fowles. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
22. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. Book 1.: The Man of Property / J. Galsworthy. – Moscow: Progress, 1974. – 384 p.

23. Goethe, J. W. *Maximen und Reflexionen* [Электронный ресурс] / J. W. Goethe. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
24. Golding, W. *Lord of the Flies* [Электронный ресурс] / W. Golding. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
25. Graham, P. *Hackers and Painters* [Электронный ресурс] / P. Graham. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.
26. Guardian. Archives 2005-2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk>.
27. Hauff, W. *Romane. Märchen. Erzählung* [Электронный ресурс] / W. Hauff. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
28. Henry, O. *Cabbages and Kings* [Электронный ресурс] / O. Henry. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
29. Henry, O. *The Four Million* [Электронный ресурс] / O. Henry. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
30. Henry, O. *The Voice of the City* [Электронный ресурс] / O. Henry. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
31. Hoffman, A. *Practical Magic* / A. Hoffman. – Berkley Publ. Group, 1998. – 317 p.
32. Jerome, J. K. *Three Men in a Boat: To say nothing of the Dog* / J. K. Jerome. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth, 1993. – 150 p.

33. Kafka, F. Amerika [Электронный ресурс] / F. Kafka. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
34. Kafka, F. Der Prozess [Электронный ресурс] / F. Kafka. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
35. Keller, G. Der Grüne Heinrich [Электронный ресурс] / G. Keller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
36. Keller, G. Die Leute von Seldwyla [Электронный ресурс] / G. Keller. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
37. King, S. The Plant [Электронный ресурс] / S. King. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
38. Kinsella, S. The Secret Dreamworld of a Shopaholic / S. Kinsella. – London: Black Swan, 2000. – 319 p.
39. Knowles, J. A Separate Peace [Электронный ресурс] / J. Knowles. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.
40. Lawrence, D. H. Lady Chatterley's Lover. First Edition [Электронный ресурс] / D. H. Lawrence. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
41. Lawrence, D. H. Sons and Lovers [Электронный ресурс] / D. H. Lawrence. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
42. Lawrence, D. H. Women in Love [Электронный ресурс] / D. H. Lawrence. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American

Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

43. Lee, H. To Kill a Mockingbird / H. Lee. – СПб.: Антология, 2004. – 318 p.

44. Lewis, M. G. The Monk [Электронный ресурс] / M. G. Lewis. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

45. London, J. The Call of the Wild. White Fang / J. London. – Moscow: Progress, 1976. – 288 p.

46. London, J. The Sea-Wolf [Электронный ресурс] / J. London. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

47. Mansfield, K. Selected Stories / K. Mansfield. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957. – 184 p.

48. Martin, G. R. R. The Hedge Knight [Электронный ресурс] / G. R. R. Martin. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.

49. Maugham, W. S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard / W. S. Maugham. – Moscow: Progress Publ., 1980. – 237 p.

50. Morris, W. News from Nowhere, or An Epoch of Rest [Электронный ресурс] / W. Morris. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.

51. Observer. Archives 2005-2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://observer.guardia.co.uk>.

52. Poe, E. A. Tales of Mystery and Imagination / E. A. Poe. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth, 1996. – 288 p.

53. Proulx, A. The Brokeback Mountain [Электронный ресурс] / A. Proulx. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.

54. Rilke, R. M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge [Электронный ресурс] / R. M. Rilke. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
55. Rilke, R. M. Zwei Prager Geschichten [Электронный ресурс] / R. M. Rilke. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
56. Rowling, J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone [Электронный ресурс] / J. K. Rowling. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
57. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets [Электронный ресурс] / J. K. Rowling. – Режим доступа: <http://artefact.lib.ru>.
58. Silverberg, R. The Book of Skulls [Электронный ресурс] / R. Silverberg. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.
59. Stoker, B. Dracula / B. Stoker. - Ware, Hertfordshire: Wordsworth, 1996. – 320 p.
60. Storm, T. Ein Doppelgänger [Электронный ресурс] / T. Storm. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
61. Wilde, O. Lady Windermere's Fan [Электронный ресурс] / O. Wilde. – Электрон. дан. – Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – М.: DirectMedia Publishing LTD. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: IBM PC 486.
62. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – М.: Менеджер, 2000. – 304 p.
63. Акунин, Б. Нефритовые четки / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2007. – 704 с.
64. Акунин, Б. Особые поручения: Пиковый валет / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2003. – С. 7–145.
65. Беляев, А. Мертвая голова [Электронный ресурс] / А. Беляев. – Режим

доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/132202p.html>.

66. Берия, С. Мой отец – Лаврентий Берия [Электронный ресурс] / С. Берия. – Режим доступа: <http://rusinka.qsp.ru/file/614/3802>.

67. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 560 с.

68. Булычев, К. Поселок [Электронный ресурс] / К. Булычев. – Режим доступа: <http://www.fictionbook.ru>.

69. Бунин, И. А. Темные аллеи / И. А. Бунин // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. – М.: Правда, 1988. – С. 5–225.

70. Власова, Е. Сказка о ... [Электронный ресурс] / Е. Власова. – Режим доступа: <http://www.fenzin.org/book/6979>.

71. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1985. – 368 с.

72. Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.

73. Горький, М. На дне [Электронный ресурс] / М. Горький. – Режим доступа: http://gpih.ru/skachat_knigu_gorkogo.php.

74. Горький, М. Старуха Изергиль [Электронный ресурс] / М. Горький. – Режим доступа: <http://www.eknig.net/showthread.php>.

75. Грин, А. С. Алые паруса / А. С. Грин // Грин, А. С. Алые паруса. Бегущая по волнам. Золотая цепь. – М.: Дет. лит., 1988. – С. 5–77.

76. Довлатов, С. Чемодан / С. Довлатов // Довлатов, С. Встретились, поговорили. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 273–389.

77. Донцова, Д. Небо в рублях / Д. Донцова. – М.: Эксмо, 2005. – 384 с.

78. Достоевский, Ф. М. Вечный муж [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа: http://www.newlibrary.ru/read/dostoevskii_fedor/vechnyi_muzh.html.

79. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – СПб.: Азбука, 2007. – 640 с.

80. Замятин, Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – М.: АСТ, 2005. – 480 с.

81. Каверин, В. Два капитана / В. Каверин. – Минск: Юнацтва, 1986. – 656 с.
82. Казменко, С. Хранитель леса [Электронный ресурс] / С. Казменко. – Режим доступа: www.newlibrary.ru/read/kazmenko_sergei/hranitel_lesa.html.
83. Комсомольская правда. Архивы 2001-2007 (КП) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru>.
84. Куприн, А. И. Колесо времени [Электронный ресурс] / А. И. Куприн. – Режим доступа: thelib.ru/books/kuprin_aleksandr/koleso_vremeni.html
85. Куприн, А. И. Синяя звезда [Электронный ресурс] / А. И. Куприн. – Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/20138p5.html>.
86. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. // Лермонтов, М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 342–475.
87. Лесков, Н. С. Очарованный странник / Н. С. Лесков // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 218–337.
88. Логинов, С. Предтеча [Электронный ресурс] / С. Логинов. – Режим доступа: www.newlibrary.ru/read/loginov_svjatoslav/page54/predtecha.html.
89. Логинов, С. Свет в окошке [Электронный ресурс] / С. Логинов. – Режим доступа: www.newlibrary.ru/read/loginov_svjatoslav/page142.
90. Лукьяненко, С. В. Ночной дозор / С. В. Лукьяненко. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 381 с.
91. Набоков, В. В. Камера обскура / В. В. Набоков. – М.: АСТ, 2006. – 256 с.
92. Набоков, В. В. Ultima Thule / В. В. Набоков // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. – С. 438–463.
93. Национальный корпус русского языка (НК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
94. Немцов, Б. Е. Провинциал [Электронный ресурс] / Б. Е. Немцов. – Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/21342p.html>.
95. Паустовский, К. Рассказы [Электронный ресурс] / К. Паустовский. –

Режим доступа: <http://www.paustovskiyy-stories.org>.

96. Пелевин, В. Омон Ра / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2005 – 224 с.
97. Перумов, Н. Эльфийский клинок / Н. Перумов. – М.: Эксмо-пресс, 1999. – 608 с.
98. Платонов, А. П. Ювенильное море / А. П. Платонов. // Платонов, А. П. Котлован: Повести, роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 3–81.
99. Пришвин, М. М. Мирская чаша / М. М. Пришвин. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – 640 с.
100. Пушкин, А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / А. С. Пушкин // Сочинения. В 3 т. Т. 3. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 44–101.
101. Семенова, М. Волкодав / М. Семенова. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – 592 с.
102. Солженицын, А. И. В круге первом / А. И. Солженицын. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 766 с.
103. Стругацкий, А. Н. Повести. За миллиард лет до конца света / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М.: Сов. писатель, 1984. – 415 с.
104. Стругацкий, А. Н. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 4. Понедельник начинается в субботу / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М.: Текст: Ред.-изд. фирма «РИФ», 1991. – 316 с.
105. Толстой, А. Н. Аэлита / А. Н. Толстой. // Толстой, А. Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина. – М.: Правда, 1983. – С. 5–135.
106. Толстой, Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой // Толстой, Л. Н. Воскресение. Рассказы. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 3–447.
107. Тургенев, И. С. Рудин / И. С. Тургенев // Тургенев, И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Повести. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 5–127.
108. Фонвизин, Д. И. Недоросль [Электронный ресурс] / Д. И. Фонвизин. – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/fonvizin-denis/fonvid02.html>.
109. Чехов, А. П. Палата № 6 / А. П. Чехов. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Средства репрезентации категории каузативности в разноструктурных языках

языки	морфологическая каузативность	лексическая и словообразовательная каузативность	синтаксическая каузативность
русский	-	+	+
белорусский	-	+	+
болгарский	-	+	+
украинский	-	+	+
английский	-	+	+
немецкий	-	+	+
французский	-	+	+
испанский	-	+	+
итальянский	-	+	+
румынский	-	+	+
удмуртский	+	+	+
узбекский	+	+	+
башкирский	+	+	+
казахский	+	+	+
азербайджанский	+	+	+
арабский	+	+	+
турецкий	+	+	+
хаккасский	+	+	+
персидский	+	+	+
таджикский	+	+	+
пушту	+	+	+
индонезийский	+	+	+
японский	+	+	+
корейский	+	+	+
тайваньский	+	+	+

Парадигма каузативных конструкций

Компонент	Средства репрезентации	Примеры
Каузатор (X) а) одушевленный	1) нарицательное существительное, обозначающее лицо или животное	<i>The rebels coerced the villagers into hiding them from the army (LD).</i> <i>Ежиха бегала рядом, побуждая детей уйти (Комсомольская правда).</i>
	2) антропоним	<i>A dismissive sneer. Kropik let that one pass (J.Carroll).</i> <i>Но я одного не могу понять: как же Катя-то могла позволить ему даже думать об этом? (В.Каверин).</i>
	3) личное местоимение	<i>Will you permit me to say something first? (J.Fowles).</i> <i>...К чему ты меня принудишь, если я уже померла? (С.Логинов)</i>
	4) вопросительное / относительное местоимение	<i>Who is to fight Wickham, and make him marry her, if he comes away? (J.Austen)</i> <i>Олег проклинал поход и тех, кто заставил его идти к «Полюсу» (К.Бульчев).</i>
	4) неопределенное / отрицательное местоимение	<i>And as for Cobol, he doesn't know how anyone can get anything done with it (P.Graham).</i> <i>Антон, мы пили добровольно? Никто нас не принуждал? (С.Лукьяненко)</i>
	5) указательное местоимение	<i>Tom встряхнулся, приводя в порядок свой помятый костюм...</i> <i>(Б.Акунин).</i>
б) неодушевленный	1) неодушевленное исчисляемое / неисчисляемое существительное	<i>...That boat whose white paint and great dimensions, faintly visible on nearer approach, made her rightly guess that it belonged to the brig just anchored (J.Conrad).</i> <i>Шар поднялся метров на сто – дальше его не пускал канат (К.Бульчев).</i>
	2) отглагольное существительное / герундиальная, инфинитивная, именная группа	<i>All the skinnydipping I did in my middle teens made me look back on that time with Karl and Jim and Sissy Madden and laugh at my own stupid shyness (R.Silverberg).</i> <i>I know you're busy, studying hard, but going so long without talking to you</i>

		<p><i>has got me sorta crazy (S.King).</i> <i>To walk through it in these days, of peonies, of pinks and carnations, makes my head swim (M.Atwood).</i> <i>What he saw nearly made him pass out again (J.K.Rowling).</i> <i>Непредвиденное разбирательство вынудило его отложить каждодневные воинские упражнения (М.Семенова).</i></p>
	3) неопределенное / отрицательное местоимение	<p><i>Nothing could get him really angry (T.Capote).</i> <i>...Что-то прошло по его груди и по левому боку, почти не причинив боли (М.Семенова).</i></p>
	4) личное местоимение	<p><i>It let them build great looking online stores literally in minutes (P.Graham);</i> <i>На Земле у меня есть неплохая библиотека, из настоящих книг. И она ни у кого не вызывает удивления (К.Булычев);</i></p>
	5) вопросительное / относительное местоимение	<p><i>Shall I tell you what made Monsieur Lawrence turn so pale when he first entered his mother's room on the fatal night?(A.Christie)</i> <i>Что же заставило гнома из Лунных Гор и хоббита из ставшей для многих сказкой тихой страны отправиться туда? (Н.Перумов)</i></p>
	6) указательное местоимение	<p><i>Но то, о чем он так скучно рассказывал, заставило Соколова забыть и римские законы и философию Юма (С.Логинов).</i> <i>This induced the hardy seamen to persevere in their search for more than half an hour...(E.A.Poe)</i></p>
Оператор каузации (Vcaus) а) видо-временные формы личных КГ	1) Present Simple / настоящее время	<p><i>...Then he throws a towel at me and makes me mop up the floor (A.Proulx).</i> <i>А научное значение задачи не вызывает сомнений (В.Каверин).</i></p>
	2) Present Continuous	<p><i>...She's allowing them to stand over a pile of bones with a spaghetti pot filled mostly with lye (A.Hoffman).</i></p>
	3) Present Perfect	<p><i>Government troops have forced the rebels to surrender (LD)</i></p>
	4) Past Simple / прошедшее время (несовершенный вид)	<p><i>We got the job done (R.Silverberg).</i> <i>Картины Левитана вызывали такую же боль, как воспоминания о страшно далеком, но всегда заманчивом детстве (К.Паустовский).</i></p>
	5) Past Continuous	<p><i>...She wasn't letting him get his hands on her because she knew he was a double-standard man at heart (R.Silverberg).</i></p>
	6) Past Perfect / прошедшее время	<p><i>What had induced the deceased to make a fresh will, with the old one still</i></p>

	(совершенный вид)	<i>extant, he could not say (A.Christie). ...Он не должен знать, что она <u>позволила</u> мне взять эти книги (В.Каверин).</i>
	7) Future Simple / будущее время (совершенный и несовершенный вид)	<i>The consequence of it is, that Lady Lucas will <u>have</u> a daughter married before I have, and that Longbourn estate is just as much entailed as ever (J.Austen). <u>Заставлю</u> идти, как бы вам ни хотелось <u>дряхнуть</u> (К.Бульчев).</i>
б) неличные формы КГ	1) герундий и инфинитив в функции подлежащего	<i>...<u>Ventilating</u> all that garbage was exactly what I needed. <u>Getting</u> it into the open, <u>analyzing</u> it, <u>discovering</u> which part of the episode was the part that was hurting me (R.Silverberg). ...<u>Заставлять</u> друзей заново <u>возиться</u> с бессильным – это уж слишком (М.Семенова);</i>
	2) инфинитив в функции <i>be</i> -предиката / простого глагольного сказуемого	<i>Everything <u>being</u> settled between them, Mr. Darcy's next step was <u>to make</u> your uncle acquainted with it (J.Austen). <u>Идет охота</u> на меня, но ее цель – <u>заставить</u> сорваться Светлану? (С.Лукьяненко)</i>
	3) инфинитив в функции составного глагольного сказуемого в комбинации с модальными, аспектуальными и фазисными глаголами и сочетаниями	<i>We can <u>have</u> the whole thing wrapped up by this afternoon! (S.Kinsella). Никто никого и ни к чему не может <u>принудить</u> силой (С.Логинов).</i>
	4) инфинитив и герундий в функции дополнения	<i>While she applauded herself for <u>having penetrated</u> into this plot against her lady's honour, she resolved in secret to render it fruitless (M.G.Lewis). Тот, похоже, все еще пытался развести ссорящихся и <u>не допустить</u> схватки (Н.Перумов).</i>
	5) инфинитив и герундий в функции определения	<i>He then went away, and Miss Bingley was left to all the satisfaction of <u>having forced</u> him to say what gave no one any pain but herself (J.Austen). Все попытки <u>заставить</u> его работать заканчивались крахом (Д.Донцова).</i>
	6) инфинитив и герундий в функции обстоятельства (цели, следствия,	<i>And in order <u>to get</u> the resolution passed, he turned the meeting back to Clara Gruber... (J.M.Cain).</i>

	времени, образа действия и т.д.)	<i>...Я же со своей стороны был бы достаточно упорен, чтобы <u>заставить</u> его все сказать до конца (В.В.Набоков).</i>
	7) причастия (совершенного и несовершенного вида)	<i>He had been very foolish, <u>allowing</u> a misplaced chivalry to blind his common sense (J.Fowles). ...Долг благодарности требует посвятить несколько слов Уотсону-сенсею, <u>побудившему</u> меня взяться за кисточку (Б.Акунин).</i>
	8) деепричастиями (совершенного и несовершенного вида)	<i>...Последний алый луч ударил в пол, <u>заставив</u> камень потемнеть (С. Лукьяненко). Искры впиваются в распятое тело, <u>причиняя</u> новую боль... (М.Семенова).</i>
Объект каузации / каузант (У) а) одушевленный	1) одушевленное нарицательное существительное, в том числе собирательное	<i>...These evil-doers coerce <u>the young</u> to commit suicide (Guardian). ...На центробежной медогонке <u>выбирать</u> мёд и ставить рамки на место, побуждая <u>пчел</u> снова их заполнять (Комсомольская правда).</i>
	2) антропоним	<i>He would induce <u>Ford</u> to buy and smuggle it in the steamer on board the brig (J.Conrad). Везение – или чутьё – не дало <u>Илье Ильичу</u> вляпаться в мошеннические соблазны (С.Логинов).</i>
	3) личное местоимение в объектном падеже	<i>At most, I permitted <u>you</u> to deceive yourself (A.Christie). Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютой ненавистью и много мучений ты <u>ему</u> причинишь, но вовсе ты его не погубишь! (М.А.Булгаков).</i>
	4) неопределенное / отрицательное местоимение	<i>I will have <u>someone</u> take you down to both vaults (J.K.Rowling). Книги с мудреными названиями в узком стеклянном шкафу, которые <u>никому</u> не давали читать, - его книги (В.Каверин).</i>
	5) возвратное местоимение	<i>We can't force <u>ourselves</u> to go where we're not welcome, can we? (R.Bach). Будь на станции кто-нибудь, кроме нее, она никогда бы не позволила себе <u>выйти</u> (К.Булычев).</i>
	6) числительное	<i>A sudden slamming and loud footsteps made <u>the three of them</u> look up (J.K.Rowling).</i>
	7) определительное местоимение	<i>I mean, she just made <u>everybody</u> feel good about themselves (T.Capote).</i>

		«Мы заставим <u>всех</u> уважать Америку!» – заявил Джордж Буш... (Комсомольская правда).
б) неодушевленный	1) исчисляемое / неисчисляемое неодушевленное существительное	...The rare letters from Mrs. Vinck, later from the girl herself, were the only thing to be looked to to make <u>life</u> bearable amongst the triumphant savagery of the river (J.Conrad). Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок <u>коллекции</u> (А.Беляев).
	2) личное местоимение	...And thrusting back all my misery into my heart, I made an effort to compel it to remain there – dumb and still (J.Austen). Порыв ветра подхватил шар и понес его быстрее, словно шар нарочно хотел отомстить людям за то, что они заставили <u>его</u> так долго лететь (К.Булычев).
	3) указательное местоимение	She pauses to let <u>this</u> sink in (M.Atwood).
	4) неопределенное / отрицательное местоимение	I could see that she was really looking at things and let <u>nothing</u> escape her (W.Morris). How can you get <u>anything</u> done in them, I think, without macros? (P.Graham).
Консеквент / терминальное состояние (Z)	1) инфинитив	...The first sign of my endeavouring to escape would cause me <u>to be sent</u> to one of the hospitals for incurables (S.Butler). Don't allow your problems <u>to dominate</u> your life (LED). То, что я увидел, поразило меня и вынудило <u>затаить</u> дыхание (С.Довлатов). Если ты хочешь, я разрешаю тебе <u>вернуться</u> назад (К.Булычев).
	2) причастие I	I'll have you all <u>speaking</u> fluent English within a year (A.C.Хорнби). ...And her stay in the world would enable her <u>discovering</u> objects worthy her protection (M.G.Lewis).
	3) причастие II	The best thing we can do is get ourselves <u>rescued</u> (W.Golding). Mr. Bingley had soon made himself <u>acquainted</u> with all the principal people in the room (J.Austen).
	4) прилагательное	That would only make matters <u>worse</u> (J. Galsworthy). ...A soul that renders the common air <u>sweet</u> (O.Wilde).

	5) существительное / местоимение	<p><i>His behaviour caused everyone a lot of <u>worry</u> (LD).</i> <i>...The doctor permitted himself little <u>freedoms</u> of language (J.Fowles).</i> <i>Почему они стали решать, <u>что</u> нам дозволено видеть, а что нет?! (Н.Перумов).</i> <i>Ну давай, показывай, <u>что</u> ты там себе причинил (М.Семенова).</i></p>
	6) предложно-именная группа	<p><i>After the first man left, they said they'd try to get me <u>out of the country</u> (M.Atwood).</i> <i>Couldn't he let her <u>out of his sight</u> for a minute? (A.Hoffman)</i> <i>Как очень застенчивый человек, Кр. не без труда принудил себя <u>к этой верховой прогулке</u> (В.В.Набоков).</i> <i>Владыки Запада не допускали людей <u>до своих земель...</u> (Н.Перумов)</i></p>
	7) адвербиальный элемент	<p><i>We could get you <u>out</u>, she says (M.Atwood).</i> <i>Что привело вас <u>сюда</u>? (Н.Перумов)</i></p>
	8) герундий с предлогом	<p><i>You forced me <u>into visiting</u> him last year... (J.Austen)</i> <i>Officials coerced peasants <u>into voting</u> for the government candidates (LED).</i></p>
	9) придаточное предложение	<p><i>I asked my lawyer to have it <u>so that the case would not come up for another month</u> (H.C.Бэрон)</i> <i>Ты ведь уже вырос, а допускаешь, <u>чтобы с тобой обращались, как с мальчиком.</u> (К.Булычев)</i></p>

Варианты парадигмы КК, выделяемые по линии консеквента

Vcaus	Z (консеквент)								
	инфинитив	причастие I	причастие II	герундий с предлогом	прилагательное	существительное / местоимение	предложно-именная группа	адвербиальный элемент	придаточное предложение
make	+	-	+	-	+	+	+	+	+
get	+	+	+	-	+	+	+	+	+
Let	+	-	-	-	±	-	+	+	-
have	+	+	+	-	+	-	+	+	+
cause	+	-	-	-	-	+	-	-	-
force	+	-	-	+	±	+	+	+	-
compel	+	-	-	-	-	+	-	-	-
allow	+	-	-	-	-	+	+	+	+
permit	+	-	-	-	-	+	+	-	-
induce	+	-	-	-	-	+	-	-	-
coerce	+	-	-	+	-	-	+	-	-
render	-	-	?	-	+	+	-	-	-
enable	+	?	-	-	-	-	-	-	-
заставлять	+	-	-	-	-	-	-	-	-
вынуждать	+	-	-	-	-	?	+	-	-
принуждать	+	-	-	-	-	-	+	-	-
понуждать	+	-	-	-	-	-	+	-	-
побуждать	+	-	-	-	-	-	+	-	-
позволять	+	-	-	-	-	+	-	-	+
разрешать	+	-	-	-	-	+	-	-	-
допускать	?	-	-	-	-	+	+	-	+
приводить	±	-	-	-	-	-	+	+	-
вызывать	-	-	-	-	-	+	+	-	-
причинять	-	-	-	-	-	+	-	-	-
дать	+	-	-	-	-	+	-	-	-

«+» – регулярное образование конструкций данного типа;

«±» – употребление, ограниченное семантикой Z;

«?» – фиксирование единичных примеров;

«-» – неотмеченность варианта КК.

